

Ты душу пронзаешь...

Сколько себя помню — и босоногим белорусским мальчонкой, и писателем, и профессором, — я всегда безмерно любил и продолжаю страстно любить белорусскую лирику, это бесценное духовное сокровище, которым си-неокая Беларусь одарила мировую культуру и литературу. Лирику, которую, по словам В. Г. Белинского, можно назвать “душой всякой поэзии”, стихией, проникающей во все поэтические жанры и конструкции.

Душой белорусской поэзии и ее стихией я бы назвал многие бессмертные имена и многие любимые народом поэтические произведения, которые вошли и в этот сборник белорусской лирики. Благодаря скрупулезному исследованию и тонкому переводу с белорусского, думаю, удалось показать в новых красках и оттенках окружающий нас мир, почувствовать его свежесть, былую неповторимость и непреходящую вечность. В этой поэзии прославляется величие родного, могучего слова, его роль и значимость для человека, для каждого из нас. Не потому ли гений Янки Купалы всем нам говорит:

Могучее слово, родное ты слово!
Со мной наяву и во сне,
Ты душу пронзаешь мелодией новой,
Звучишь, словно песня во мне.

Признаюсь, мою душу тоже глубоко пронзили и звучат дивной, новой мелодией стихи многих выдающихся белорусских поэтов-лириков — представителей разных поколений и времен. И сердце наполняется радостью, когда читаешь строки Якуба Коласа о родине:

О родной край, край пригожий!
Милый край моих дедов!
Что милей на свете божьем
Этих светлых берегов.

Вдумываясь в эти строки, очень хочется помечтать с Эди Огнецвет о “дубравах пушкинского края”, поговорить с Пименом Панченко о том, как мы сегодня

увы... это невозможно. И бесконечно прав прекрасный поэт Владимир Некляев:

Несовпадение дат,
Несовпадение веж...

Но все же... Мне доставляет счастье порассуждать с Сергеем Граховским о том, что наболело; с Василием Зуенком — о минутах искушений; с Геннадием Буравкиным о Божьей молитве; с поэтом Геннадием Римским, который талантливо перевел стихи, вошедшие в сборник, и сам дал подборку своих стихотворений.

Конечно, подбор некоторых произведений субъективен. Возможно, кто-то из читателей не отыщет на страницах сборника некоторых своих любимых стихотворений и поэм. И это вполне объяснимо: белорусская поэзия разнообразна и безгранична, а объем настоящего издания небольшой. Поэтому от чего-то пришлось временно отказаться. Однако, на мой взгляд, бесспорным является то, что здесь представлены все аспекты белорусской лирической поэзии — от классики до современности. Уверен, что своим духовным зарядом сборник послужит укреплению дружбы между белорусским и русским народами и их литературами.

Мне, как издателю этой работы, хочется искренне поблагодарить поэтов С. Граховского и В. Зуенка, которые осуществили авторизацию своих стихов, а также членов Союза писателей Беларуси, академика В. А. Коваленко, члена-корреспондента АН республики В. В. Гниломедова, сотрудников Института литературы им. Янки Купалы В. П. Журавлева, С. С. Лавшука, поэтов Р. И. Бородулина, Н. С. Гилевича, В. М. Скоринкина, сына Якуба Коласа — М. К. Мицкевича, за совместную работу над текстом, и всех тех, кто обсуждал рукопись книги в ноябре 1997 г. на заседании секции перевода СП Беларуси.

Михаил Рассолов,
лауреат Государственной премии Республики Беларусь
“За духовное возрождение” 1997 года,
член Союза писателей России

ВАЛЕНТИНА АКОЛОВА

На устах тишина, как в иссякшем колоде,
В ливнях грустных надежд ты растаешь, как
тень.

От несказанных слов сердце вдруг оборвется,
И прощальные молнии вычеркнут день.

Будет май гром сердец рассыпать
беспросветно

И сбивать лепестки моих чувств на траву,
Будет так одиноко любви безответной...
Как, скажи, без тебя десять вёсен живу?..

Телеграмма забьется подранком,
Как простуженный ветер во сне.
Синим криком почтового бланка
Ночь разбудит: "Вернись же ко мне!"

Зерна букв превращаются в слово,
Ни кавычек, ни точки одной:
"Ты — мое одиночество снова
Этой самой тревожной весной.

Не тверди про Чернобыль проклятый —
Век сегодня расколот на два...
И безжалостным лезвием мяты
Перерезана зслень-трава.

Жду тебя, как желанного Бога,
Как стоит у последней черты".
Почему же в молчанье бывшего
Столько горечи, столько беды?..

Надежда, вера, гордость и любовь...
Прости мне, молодость, признание жизни:
Теперь я понимаю все, но вновь
Судьбы не принимаю укоризну.

Я не виню ни дружбы пустоту,
Ни горечи разлуки — что в том толку?
Приемлю лишь я жизни красоту,
Смотрю на звезды без тоски подолгу.

И обретаю мыслями покой,
И совесть зашита от глумленья.
Под шум дождя и шепот снеговой
Я радуюсь счастливому мгновенью.

Ценю натруженность рабочих рук
И первоцвету кланяюсь калины,
Благодарю лучистый неба круг...
Хвала тебе, единственный, любимый!..

А молодость — не только возмужанье:
И долго до вершин ее идти,
И сердцем спотыкаться при прощаньях,
Ждать ненависть и счастье впереди,

И плакать над калиновою гроздью,
Что рано успевает отцвести,
И золотою осенью, как гостя,
Нежданно пламя вереска найти,

И греть над ним остуженные руки,
Ладонь твою в ладони согревать,
Чтоб никогда не быть с тобой в разлуке
И уж ни в чем себя не упрекать...

ПРАВДИВЫЙ РОМАНС

Мне — не любить теперь тебя не страшно:
В степи давно засохла лебеда,
И солнце не дурачится вчерашним,
И в море пересолена вода.

Мне — не позвать теперь тебя не больно:
Все в прошлом — поросло быльем.
Ошибки сердца исправлять довольно,
Как тень от звезд отыскивать с огнем.

Мне — не винить теперь тебя не горько:
Беспомощность отпущена судьбой.
Слезой ночи, вороньим плачем зорьки
Моя печаль освящена тобой.

Мне — не любить теперь тебя не ново,
Не повторять молитвенно: "Прощай!"
И рушится душа в святом и кровном,
И места в памяти не занимает май...

Отступятся и горечь, и тревога,
И эгоизм, и злость, и пустота,
И от очей твоих к моим дорога
Проляжет неизбежно навсегда.

Ты знаешь боль и трепет расставаний,
И неприступность жалости в ночи,
И одиночество, и горести страданий,
К которым трудно подобрать ключи.

Поверишь: сердце к сердцу ночью внешней,
Дыхание к дыханию без слов.
Идет сквозь осень май босой и грешный.
Ты запрети, молчанье, клятвы снов.

Отступятся и горечь, и тревога,
Нравоучения, вопросы: "Как?", "Зачем?" —
И от очей твоих к моим дорога
Такая, что не пройдена никем.

Знает мужество чувства — и страх, и беду,
Ревность, сердце что давят оковами.
Я к твоим нерастраченным веснам приду
Со словами любви вечно новыми.

Пусть засыплет насмешками циник-пророк:
— Гордых ждет одиночество смутное,
Даже солнце от них отступает, как рок.
...Но любовь, если есть — неподсудная.

И НЕ ЕЛ, НЕ ПИЛ БЫ, ЕСЛИ БЫ ЛЮБИЛ...

За весь грешный мир великий — не суди...
И не ел, не пил бы, если бы любил.
Брови черные, зов трепетный в груди.
Май в степи любовь-надежду разбудил.

Ни одной твоей я ласки не забыл;
Боль желаний и сомнений остудил.
И не ел, не пил бы, если бы любил.
Брови черные, зов трепетный в груди.

За весь грешный мир великий — не суди...
Ни одной твоей я ласки не забыл,
Боль желаний и сомнений остудил.
И не ел, не пил бы, если бы любил.

Брови черные, зов трепетный в груди...
За весь грешный мир великий — не суди.

ЭДУАРД АКУЛИН

Любовь — нестройный дым.
Огонь давно потух.
Во сне ты ночь с другим —
В двоих влюбилась вдруг?

Но руку ты с плеча
Снимаешь в полусне.
И вновь огонь в очах
Не предназначен мне.

Любовь — нестройный дым,
Огня смешная тень.
Во сне ты ночь с другим, —
Мне ж остается день.

Когда б не встретил Вас однажды,
Я так же продолжал бы жить
И так любить другую жаждал?
Но время, жаль, не возратить.
Зачем тревожить зря былое
И над никчемным ворожить...
Могло случиться бы такое?
И был бы счастлив кто из нас,
Когда б осеннею порою
Однажды я не встретил Вас?

* * *

Чтоб только видеть Ваши очи,
Чтоб только Вас одну любить,
Согласен Вашей тенью быть.
Чтоб только видеть Ваши очи,
Чтоб только их бездонье пить,
Я просыпаюсь каждой ночью,
Чтоб только видеть Ваши очи,
Чтоб только Вас одну любить...

ДУША

Четыре примерно ночи, —
Печалей моих торги...
Вернуться душа не хочет
Назад "на своя круги".

Болезненно телу пустому
На грани шемящих снов.
"Душа, возвращайся к дому", —
Прошу и не слышу слов.

Прости, — это ведь бывало, —
За тяжесть грехов моих...
Вернись — мне пришлось так мало
Сынов обучать своих.

Четыре примерно ночи —
Печалей моих серпантин...
Не хочет душа, не хочет
Покинуть своих вершин.

На земле нас двое счастливых,
И не важно, что раньше было.
Нежность нас окружила ливня
Тайной ангела дивных крыльев.

Называешь меня ты милым,
Я целую прелестные веки.
Нежность ливня нас окружила
С этой ночи волшебной навеки.

Время шло или мы в нем плыли —
Не признается неизбежность.
Мы признательны будем ливню
За его бесконечную нежность.

ФРАՃЦІСК СКОРИНА

Полоцк полон соборным звоном.
Души ужас абъял, как на плахе.
От Софии плывут иконы,
Люди на небо смотрят в страхе.

Кто отмаливал грех бесплодно,
Кто опять грешит, не в чести.
В небесах на глазах народа
Солнце гаснет на полпути.

Целый город склонил колена,
Когда голос раздался Твой...
Появился ты в час затмения,
Чтоб народ осветить собой.

И дым Отечества нам сладок и приятен...

А. С. Грибоедов

Дым Отчизны — чернобыльский дым.
Он не сладок — одна отравя.
О, как часто во сне я с ним —
Черный дым, словно черный саван.

Он над Родиной жутко плыл,
Смертоносно травя угаром.
Он заблудшему люду был
И причастьем святым, и карой.

Дым Отчизны... Ужасный сон.
От него не проснуться даже...
Берег Сожа. Седой Харон
Рук не может отмыть от сажи.

НАТАЛИЯ АРСЕНЬЕВА

МОЛИТВА

Великий Боже! Властитель света,
Земли и Солнца, сердец любых,
Ты Беларуси, тихой и светлой,
Благословенья дай и любви.
Дай милость к жизни, будничной, серой,
На хлеб насущный, любимый край,
Дай уважение и стойкость веры
Ты в нашу правду и силу — дай!
Дай плодородие нашим нивам,
Пусть будет щедрым и умолот.
Сделай свободной, сделай счастливой
Нашу Отчизну и наш народ!

1942

ЛЮБЛЮ Я СОЛНЦЕ ЗОЛОТОЕ

Люблю я солнце золотое,
Люблю пригожею весной,
Когда все новое, святое
Смеется радостно со мной.

Люблю небес весенних ласки
И поцелуи ясных кос,
Где льнут деревья без опаски,
И листья нежатся берез.

И ожил сад. И к солнцу ветки
Деревья тянут в полусне.
Я птицу выпущу из клетки —
Лети на волю, пой весне!

Цветет черемуха, черешня,
В наряде яблонька стоит,
Играет ветер с ней, и песня
Святой весне в ушах звенит!

Весна, весна, пора цветенья,
Неси везде свое тепло,
Люби в восторге возрожденья,
Пусть будет на земле светло!

Люби, ласкай, согрей дыханьем
Жизнь на земле и жизнь людей!
Тебе ответит сад признаньем,
И сердцу будет веселей.

Целуй меня, прошествуй властно
В поля, леса погожим днем.
Люби, люби отчизну страстно,
Любовью грей, ее огнем!

1921

**ОКРЕСТИЛ МЕНЯ КТО-ТО В
ЗЕЛЕННОЙ ДУБРОВЕ**

Не церковной молитвой, святою водой, —
Окрестил меня кто-то в зеленой дуброве.
Как язычник,
Я пуще пою золотой,
Понимаю полей васильковое слово.
И ко мне
Не туманом, не мутью из льдин
И не снегом приходит весна почерневшим, —
Мне смеется она пухом вербы седым,
Звонкой трелью над полем едва зеленевающим.
Мне не зноем в лицо дышит летний пожар,
Не под ветром цветы опадают черешни, —
Колосистая нива — извечный гуслиар, —
Золотые, горячие дарит мне песни.
Осень вновь — не росой, не холодным дождем,
Не тоскою тягучею сердце мне ранит, —
Серебро паутины плетет над межой,
Тихим сном на седые ложится поляны.

И зима — не морозами рвется ко мне,
Не слепой застилает метелицей очи, —
Над снегами на синем небес полотне
Рассыпает она серебристые ночи...

Постоянно

Языческой жутью простой

Мое сердце сжимается ночью багровой.

Не церковной молитвой, святою водой, —
Окрестил меня кто-то в зеленой дуброве.

1936

ЖЕЛАНИЯ

Как колосья страдной нивы,
Сердце бьется на ветру.
Ничего мне здесь не диво,
Ничего не собираю.

Зимней вымученной ночью
Снится августовский стог,
А весной сердце хочет
Видеть осени венок.

Темнотою, бездорожьем
Лишь одно пойду искать,
Что иметь нам невозможно
И никто не может дать.

1933

ИВАН БАСЕЦКИЙ

ТЯЖЕЛО РАССТАТЬСЯ

Снова нынче выйдет
На дорогу месяц,
В космосе далеком
Звезды поведут.
Я тебя увижу,
Лучшую на свете,
И поля мне ветер
В грудь мою вдохнут.

Луговые травы
Унесут сомненья,
Мне леса нашепчут
Песню про любовь,
Не спугнет нам встречу
Лунное затмение,
И до зорьки вместе
Догуляем вновь.

Про твои мечтанья
Напевает ветер,
Про мои страданья
Знаешь ты сама.
Тяжело расстаться
Случилею на свете,
Но судьба другая
Мне и не нужна.

ДОГОРАЕТ СВЕЧА

Из лет отшумевших пришла ты ко мне,
Чтоб снова меня одурманить,
Надеждой живу, что теперь не во сне
Твой облик оставлю на память.

И реками дней, и печалью ночей,
Во власти бесстрастного рока,
Живу неразгаданной тайной очей,
Молитвами жизни и Бога.

Не ведаю, сколько свече моей тлеть,
Возможно, она догорает.
Отчаянно жажду тобою болеть,
Былого цветы собираю.

Вернем мы, наверно, из бездны веков
Любовь, и мечты, и признанья.
Иль стоит искать среди райских садов
Последнее место свиданья?

МАКСИМ БОГДАНОВИЧ

РОМАНС

*Quand luira cette étoile, un jour,
La plus belle et la plus lointaine,
Dites-lui qu'elle eut mon amour,
O derniers de la race humaine*

*Sully-Prudhomme**

В небе Венера взошла над землею,
Воспоминанья опять принесла...
Помнишь, когда повстречался с тобою,
В небе Венера взошла?
С этой поры и я стал восторгаться
Небом ночным и Венеру искал.
Тихой любовью к тебе разгораться
С этой поры и я стал.

* Когда заблещет эта звездочка,
Самая прекрасная, самая далекая,
Скажите ей, что ей принадлежит моя любовь,
О последние из рода человеческого.

Сюлли-Прюдом (франц.).

Но расставаться нам час наступает;
Видимо, доля такая у нас.
Страстно любил я тебя, дорогая,
Но расставаться нам час.
Буду в далеком краю я томиться,
В сердце любовь с грустью спрятав свою;
Каждою ночью на небо дивиться
Буду в далеком краю.
Ты посмотри на нее — при прощанье
Там свои взгляды мы вместе сольем...
Чтобы воскресли любовь и признанья,
Ты посмотри на нее...

1913

СОНЕТ

Посвящаю А. Погодину

*Un sonnet sans defect,
vaut seul un long poeme.*

*Beileau**

Среди песков Египетской земли,
Над волнами синеего Нила
Уж сколько тысяч лет стоит могила:
В горшке щепотку зерен там нашли.
Хоть пересохли зернышки в пыли,
И все-таки их жизненная сила
Проснулась и опять заколосила,
И хлебом вновь посе́вы отцвели.

Вот символ твой, забытый край свободный!
Нарушенный бездумно дух народный,
Я верую, бесплодно не уснет,
И возродится снова, как криница,
Которая ключом могучим бьет
И рвется на простор пробиться.

1911

* Один безупречный сонет стоит целой поэмы.

Буало (франц.).

ТРИОЛЕТ

Минута расставанья с Вами
Черней мне Ваших черных кос.
Зачем недобрый час принес
Минуту расставанья с Вами?

Я побледнел до горьких слез
И начал триолет словами:
Минута расставанья с Вами
Черней мне Ваших черных кос...

1913

ТЕРЦИНЫ

Есть волшебство в забытом, стародавнем;
Приятно нам столетий пыль стряхнуть
И жить минувшим — сверхмудренным,
Славным. —

Мы любим время удалое помянуть.
Мы к старым тянемся порой поэтам,
Чтоб хоть душою в прошлом утонуть.

Вот почему вернулся я к сонетам,
И ярко вспыхнул стих печальный мой:
Так месяц светит отраженным светом, —

Стихи так блещут давней красотой!

1913

Доброй ночи, заря-заряница!
Мгла уже над землею ложится,
Черною ризою все покрывает,
Пылью звезд небосвод засекает.
Тишина мою тронула душу.
Ветерок придорожную грушу
Шевелит еле-еле, колышет.
Соловьи зазвенели в затишье.
Серебром тихо льется криница.
Доброй ночи, заря-заряница!

1911

ЗИМОЙ

Привет, морозный, звонкий вечер!
Привет, скрипучий, мягкий снег!
Метель не вест, замер ветер,
И волен легких санок бег.

Мечтая, белые березы
В голубизне ночной стоят,
А в небе звезды от мороза
Похолодевшие дрожат.

Оттуда месяц прямо в поле
Прозрачный светлый столб спустил
И ризой шелковой раздолье
Снегов синеющих накрыл.

Взорвите ж их санями, кони!
Залейся бубенцами, медь!
Вокруг леса летят в погоне,
В груди кровь начала кипеть.

1910

Я хлеб у богатых просил и молил, —
Они ж мне каменья швыряли,
И эти каменья меж ими и мной
Стеною великою встали.

Все выше и выше растет та стена
И многих еще ожидает.
Что ж будет, коль дрогнет, коль рухнет она,
Кого же тогда покарает?

1909

ПОГОНЯ

Только в сердце тревожно почую
За страну свою милую страх, —
Вспомню Острую Брану святую
И бойцов на могучих конях.

В белой пене проносятся кони, —
Рвутся, бьются и тяжело хрипят...
Стародавней Литовской Погони
Не разбить, не унять, не сдержать.

В бесконечную даль вы летите,
А за вами, пред вами — года.
Вы за кем же в погоню спешите?
Где пути пролегли и куда?

Иль они, Беларусь, мчатся рысью
За твоими детьми, — страшный гон! —
Что забыли тебя, отреклись
И продали-отдали в полон?

Бейте в сердце их — бейте мечами,
Не давайте изгоями быть!
Пусть почувствуют: сердце ножами
Лишь о Родине может молить.

Мать родная! Святая Отчизна!
Невозможно терпеть эту боль...
Ты прости. Ты прими с миром сына,
За тебя умереть мне позволь!..

Всё летят и летят эти кони,
Серебром сбруи звонко гремят...
Стародавней Литовской Погони
Не разбить, не унять, не сдержать.

1916

ФРАНЦИШЕК БОГУШЕВИЧ

БОГ НЕ РАВНО ДЕЛИТ

*Бог сирот любит,
но судьбу не дает.*

Пословица

Кем свершается на свете,
Что не равно делит Бог?

Один ходит на паркете,
В позолоте с плеч до ног,
А другому, чтоб прикрыться
Хоть тряпицей — адский труд:
Решетом худым светится,
Сплошь заплаты, нищ и худ!

Один хат имеет много,
Да огромных, как костел;
Завести туда бы Бога,
Тот из них бы не ушел.
У другого дом понурый,
Ветер воет, дым да снег;
Тут корова, свиньи, куры —
Тут неволя, тут и грех!

Этот катится в вагоне, —
Мягко, тихо, только жить!
Поезд мчит, как петер гонит,
Он себе лишь спит и спит!
Тот в метель, мороз, убогий, —
Перехватывает дух,
С клунком трусит по дорогам
С головы до пят в снегу!

Этот хлеба и не знает,
Только мясо да пирог;
Псам заботливо бросает
Все, что одолеть не смог.
А другой жует мякину,
Хлещет квас да лебеду,
И живет он со скотиной,
Воду пьет с ней на беду!

Одному в карманы служки
Набивают сотни сот;
Руки — пухлые подушки,
Как кисель, дрожит живот!
А другой с утра до ночи
Проливает тяжело пот,
Высох, словно хвост сорокий,
От недоли, от забот.

РАИСА БОРОВИКОВА

У кринички серебряной вянет
Позабывтый на счастье венок,
Тут охотились в прошлом славяне
На чужих жен, сжимая клинок.

Повторяется многое в мире...
На полянке разложим костер,
В ветках спрячется месяц-задира,
Что, как лезвие бритвы, остер.

И в твоём синеоком обличье
Я следы черт славянских найду.
Стань охотником нынче девичьим,
В сеть твою я сама попаду.

И от радости, хмеля и грусти,
Огибая деревья и пни,
Припади ты к губам моим с чувством
И в густую траву замани.

Закричи изо всей буйной силы,
Обрывая одежду с плеча,
Чтоб сорвалось дрожащее: "Милый!" —
И запрыгало небо в очах.

Чтоб на самом обрыве полянки,
По колено где зелень-трава,
Я узнала судьбу полонянки
И надломы бровей божества.

1979

РЯБИНОВАЯ ГРОЗДЬ

Рябина гроздью распалила
Рассвет, где лес смыкает вежды...
Я нынче снова повторила
Урок упущенной надежды.

Ты не один, а я взглянула
Так, как глядят лишь на любимых,
И словно в первый раз пахнуло
Любовью ласк неповторимых.

Был ветер вовсе не холодный.
И беспокоило порою,
Что свитерок мой старомодный
Излишне мрачным был, не скрою.

Счастливый миг — я жду чего-то!..
Хотела засмеяться звонко,
А ты не вспомнил юность взлета...
Прощай, рассвет рябины тонкой!

1985

Не ведаю, чей ты любимый,
И знать не хочу об этом,
Но утро узнало незримо:
Тебя я взяла у лета.

Вот сам ты немного глупый,
Никак догадаться не хочешь,
Как вдруг пересохли губы,
И счастьем смеются очи.

1997

ЗАЦЕПИТСЯ СОЛНЦЕ ЗА СНЕЖНУЮ ГОРУ

Зацепится солнце за снежную гору,
и хлынет потоком вода, как хрусталь...
Забуду последнюю нашу ссору,
А все же... чего-то немножечко жаль.

Не вызреет яблоко вдруг, в одночасье,
За радостью часто приходит печаль,
Сказать не могу, что была я несчастной,
Да все же... чего-то немножечко жаль.

Бывает, увижу в оконном проеме,
Расспросят, кто ты — в сердце врежется
сталь!..

Отвечу уверенно: "Просто знакомый!" —
И все же... чего-то немножечко жаль.

1986

РЫГОР БОРОДУЛИН

СУДЬБА

Судьба меня взяла на базар,
Как петуха, за пазухой тиснет,
Хочет сбыть купец свой товар,
Просит:

— Ты случайно не пискни,
Чтоб не сбежали купцы.

Лишь убытки одни с тобою,
Не продам тебя —

И концы!

В лесу

Зарастешь травкою.

— О, судьба!

Потерпи, прошу:

Не сбавляй цену,

Поторгуйся.

Не грешил пред людьми,

Не грешу.
Может, в небо поκληчут гуси?
В облаках бесконечных грез
Попаду я
В волшебные чары.
Ни купцов, ни цены,
ни слез...
Не найдешь
На земном базаре.
1988

От былого в памяти лишь тьма,
Будущее вряд ли лучше будет.
Снегом занесет свой след зима,
Голос юности весна спрячет в гуде.

Незадаром прячет от ума
Память силу и способность к чуду.
Память скажет о себе сама,
Если не запутается в блуде.

Забытье не скроет кутерьма
Перемерзлой человечьей груди.
Каждый век, избавясь от ярма,
Добрые намеренья забудет.

1995

Бог не скажет, что хочет, поверь.
Человек свои замыслы скроет.
То, что было, то есть и теперь,
И что будет, сойдет за бывшее.

И вода лед переживет,
Небо — облако, будничность — чары.
Вдруг по рыжей траве взбредет,
Как коню, порезвиться пожару.

Намозолит ладони жнивье.
И ловца догонит добыча.
И опять повторится все.
И минувшее Бог покличет.

1995

Жизни река не привыкла показывать броды,
Неудержима она в поворотах своих,
Помыслы в сердце людском — глубокие воды,
Но человек разумный черпает их.

Черпать полным ковшом, конечно, не жаль,
И звезды ночуют в темных водах на дне,
В водах отстаивается тяжких веков печаль
И пыливость толкает поиск вести в глубине.

Жажда познания требует вечной свободы,
Истины солнце восходит над ней,
Но не мелеют пока небородные воды,
Черпает их человек все мощней.

1995

Ничто не забывается в злопамятном свете.
Цеп на току присягает урожаю лбом.
Кто разрушает дом, тот сеет ветер.
Неразумный у мудрого сердца будет рабом.

Сподвижник старейших и странников,
ветер-безломник
Не признает ни окон глухих, ни дверей.
Без дома родного бескрыло плутает
паломник,
На полюсе горя печаль расцветает скорей.

И полнятся зернами разума знания гумна.
И мысли не ходят пешком по канве.
Взирает со страхом на всех мудрецов
неразумный.
И в сердце — ветер. Ветер — и в голове.

1995

Не меняй край родной на просторы чужие,
На просторах чужих птицы гнезда не вьют.
Воду пей из колодца, где ивы родные,
Холоднее ее родники не дают.

И усталость прогонит вода, и истому,
На чужбине о родине милой тоску.
Даже яблоко здесь сохраняет оскому,
Краше нашей земли не видал на веку.

Не простят небеса, если клятвы нарушим.
Обратись к дорогим и любимым местам,
И напоит вода твои мысли и душу,
И к Отчизне любовь передаст сыновьям.

1995

ЧЕРНАЯ ТОСКА

Голова моя машет ушами
Сергей Есенин

Как лес золотой, голова
От черной тоски изнывает.
И эхо, как в поле трава,
С ушедшей грозою плутает.

На стежках, где память моя
Ходила еще молодая,
Теперь по обрыву ручья
Тот след забытjem зарастает.

Как лес золотой, голова
Чужая — и горя не знает.
Как будто лесная сова
Во тьме всё летает, летает...
1995

Тебе прекрасные стихи
Еще я напишу.
Пока я их кормлю с руки
И не взлетать прошу.

Еще дичать начнут они
И жаждать высоты.
Их сны на горе не гони,
Не посылай беды.

Их крыльев взмах в глазах твоих
Подобен миражу.
Дождись, пожалуйста, ты их —
Я об одном прошу.

1980

* * *

И только ошалевший ветер, верно,
И сохранится в памяти веков.
Пробьется солью треволнений пена.
И пересохнет поле васильков.

А ветер пыль смахнет с могил забытых,
Покой не нарушая вековой,
Перечитает надписи на плитах
И не забудет вспомнить нас с тобой.
1995

Со дна колодца всё ж светлей
Свет видится над головою,
От холода ослепший глей*
Хотел бы
Зеленеть
Травую.

Траве и в голову нейдет,
Что не одна она живая.
Течет вода,
И глей плывет,
И дно тихонько заплывает.

А свет светлее все равно.
Цветами
На болоте страждет.
Пока есть дно,
То всех оно
Забрать залезших наверх
Жаждет.

1995

* Глей — глина, глинистая почва; имеет серый цвет, обычно встречается под торфом на болотах (*Прим. переводчика*).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

У гордой справедливости руки
Просили женихи во все эпохи —
Тузы, и короли, и чудаки,
Глухие мудрецы и скоморохи.

Кому взаимность, а кому развод
Давала справедливость и глядела,
Как суетится человеческий род,
Как отрекается душа от тела.

За юную невесту и вдову
Соперничали кулаки и шпаги,
И клали головы орлы, презрев молву,
И цепь от славы — рыцари отваги.

Пусть же от крови, смятая борьбой,
Твоя последняя постель сырая,
Спокойно справедливость за тобой
Сестрою милосердной наблюдает.

1997

Чем я дальше,
 тем ближе к тебе
Думами, чувствами разом.
Руки, сложенные в мольбе,
Не хотят уступать соблазнам.

Чем я дальше,
 тем прочь от себя
Счастливого и молодого.
Руки
 тянутся сеять, любя, —
Густо всходит
 одна тревога.

Принимая, как должное, боль,
Ад терновника, хрупкость
 вишни,
Я прошу:
Задержаться позволь
Мне на этой земле,
 Всевышний...

1998

К СЛОВУ

К словам мерзость не пристаёт,
Слова крепче стали, базальта.
Им духовности недостает,
Чтоб быть
не подвластным гвалту.

Мы слово творим, иль оно
Грешных нас созидает.
Так белил туман полотно,
И лечит боль земля сырая.

И сколько времени ни ушло б,
Хочет все называться снова,
И думы свой горячий лоб
Морозят ладонью слова.
1998

ПЕТРУСЬ БРОВКА

ПАХНЕТ ЧАБРЕЦ

Можно ль на вечер этот забыться?
Солнце над лесом жар-птицей садится,
В роше соловушка плачет певец,
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Легкой походкой по узкой тропинке
Девушка в белом летит, как снежинка.
Губы — пылающей зорьки багрец.
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Выйти навстречу бы, встать и признаться.
Вот оно — близкое, ясное счастье.
Нужно окликнуть, вести под венец...
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Может, одиннадцать лет иль двенадцать
Сердце болит, что не смог повстречаться.
Сердце мое исстрадалось вконец.
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

Время исчезло за дальней горою,
Выйдет минуткой, блеснет предо мною.
Тщетно зову — лишь биенье сердец...
Пахнет чабрец,
Пахнет чабрец...

АЛЕКСАНДРИНА

Мне не забыть той песни увянувшей весны:
"На Муромской дороге стояли две сосны".

Ходили мы и пели, и с песней ты цвела.
Александрина, помнишь, какою ты была?

Теперь могу признаться: тогда я стал любить
И с самой лучшей розой не мог тебя сравнить.

Сказать, что василечек, да краска в нем одна,
Что лилии ты краше — холодная она.

Сказать, что ты звоночек... Так всех же мало их!..
Такою ты предстала в семнадцать лет моих.

Минули годы быстро. Мне навевали сны,
Как где-то на дороге стояли три сосны.

Прошли весна, и лето, и осень, и зима...
Александрина, где ты? В глазах лишь полутьма...

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

МОЛИТВА

Мы вдали увидели свободу,
Но пока не вырвались из пут.
Боже,
Не добавь еще народу
Горя,
И неправды,
И покут*.

В мире потрясений и конвульсий,
Разве в чем имели мы вину?
Боже,
Отведи от Беларуси
Злобу,
Вероломство
И войну.

* Покута — служение по покойнику, панихида, траур
(Прим. переводчика)

Смутною порою ненавистой,
Всё когда вокруг идет на слом,
Боже,
Заслони мою Отчизну
Мудростью,
Покоем
И теплом.

В прошлое ушли панегирики
Скромным винтикам, севу, борьбе.
Людам хочется искренней лирики
Не о винтиках — о себе.

Людам хочется песни звонкой
Не о мудрых, достойных наград,
А о матери, отчих окнах,
О рассветах, о доме, где сад.

Люди жаждут, чтоб гимн заиграли,
Когда вступит на площадь парад,
Об их собственных душах и ранах,
И о буднях без всяких преград.

Люди жаждут, чтоб звания, славу
Не давали совсем задарма,
И имеют на это право,
И дала его — правда сама.

1962

Понять стремимся мы галактик слово.
А кто мне скажет, мыслит что в ночи
Тропинка в поле, зрелый бор сосновый,
Речушка, что задумчиво журчит?

Кто разгадает слезы серой лани?
Кто расшифрует для моей души
Олений рык в дни брачных состязаний
И трели соловьиные в тиши?

Гудят в свои колокола озера,
Звенит лесов октябрьская рать.
Мы слушаем межзвездные просторы —
А близких затрудняемся понять.

1971

Кто сейчас, кто потом...
Только все
Вновь и вновь
Мы доходим
До вечных, как хлеб и рассветы,
Основ:
Что ведь жизнь человеку
Любому
Один раз дана
И что, как ни старайся,
Короткая очень она,
И что правда на свете одна —
Без обмана, вины, —
И что счастьем на свете
Не быть
Без своей стороны.

Сколько б ты ни мудрил,
Как ни мучался б ты,
А доходишь
До этой святой простоты.

И восходят над лесом
Прожитых тобою годов
Не погасшие звезды
Извечных законов отцов.
Семена прорастают
Еще неизвестных наук
На широких ладонях
Натруженных рук.

И не спрятаться нам
От сыновних пытливых очей.
И на свете тогда
Жить намного трудней
И сложнее.

1971

Мне с тобой бы лучше разминуться,
Мимо пролететь на полкрыла...
Почему ж молюсь я той минуте,
Что с тобой непрошенно свела?

Не было такого, чтоб на свете
Мне бы жребий мой не преподнес...
Почему ж таинственно так светят
Очи твои, темные от слез?

Мне с тобой бы лучше распрощаться,
Встреча каждая — в душе кинжал...
Почему ж твои немые палыцы
Я в своей ладони задержал?

Разминуться б лучше, разминуться,
Чтоб душа спокойнее была!..
Но опять молюсь я той минуте
Что с тобой непрошенно свела...

* * *

Нет, мы с тобою не святоши,
Слихвой мы выпили до дна
И ласку вечеров хороших,
И поцелуи допьяна.

Мне снова хочется украдкой
Лечь тихо на твое плечо,
И, словно молния, дрожь сладко
Волной окатит горячо.

И вдруг замолкнешь в удивленье,
Когда, как рок, без суеты
Меня вновь бросит на колени
Величье женской красоты.

И пусть оно живет со мною,
Любви святое забытье,
Мужское, грешное, земное,
Святое существо мое.

И если хмурятся святоши —
Ну что ж, мы выпили до дна
И ласку вечеров хороших,
И поцелуи допьяна.

Затухают, темнеют выси,
Звезды вспыхивают синевою.
К моему плечу прислонись ты
Золотою своей головой.

Слышишь ветер и слышишь вечер?
Слышишь, тихо березы шумят?
На твои озябшие плечи
Осыпает звон звездопад.

В этот вечер тебя я милую
И туманом своим чарую.
Речью ласковой васильковою
Очаровываю, очаровываю.
Росной стежкой, речкой чуткою
Колыханьем убаюкиваю.

И от рук неумелых, несмелых
Не спрячешься ты в ворожбе.
Полный месяц яблоком спелым
Упадет на ладони тебе.

Ты шептешь мне слова взволнованно,
Что вчера шептал тебе я,
Околдованная, очарованная,
Замилуванная моя.

По той земле, где всё тобою дышит,
Где твой платок запутался в траве,
Плывет в челне среди тумана тишью
К тебе мой сон во мгlistой синеве.

Его из далей к окнам забытым
Вспоминаньем тихим занесю.
Лежит весло, изломано, разбито,
Как сивограка* сизое крыло.

И ходит над садами сонный месяц,
И в окнах гаснут поздние огни...
Когда увидишь челн среди созвездий,
Не отгони его, не отгони...

* Сивограк (сивоворонка, сизоворонка) — птица вороньего рода, пером походит на красивых тропических птиц (*Прим. переводчика*).

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

Судьба извечная мужчин:
Из милых рваться рук,
Пойти и победить — аминь! —
Сто зол и заварух,

Запутать тысячи дорог
И выпить десять рек,
Любимой положить у ног
Свою судьбу и грех.

А если через сто разлук,
И сто смертей войны
До милых, незабытых рук
Все ж не дойдут они, —

В том не ищи вины мужчин:
Нет никакой вины,
Что полегли все как один
Под сосны, валуны...

Не верю я, что с возрастом уходит
И гаснет пылкость юношеских встреч.
Приди ко мне доверчиво, охотно,
Моим рукам, устам ты не перечь.

Не прячь тайком, как хитрая цыганка,
Огня неуголенного в очах.
Пусть будет тонкий месяц, словно ангел,
Пусть будет тихий возглас у плеча.

Пусть сгинет все, что было и что будет,
И пусть останутся со мною на века
Твои не зацелованные груди
И под моей щекой твоя рука.

Из людей не творите богов.
Пусть людьми остаются люди.
Как их после сурово судим!
Из людей не творите богов.

Не вздымайте их на пьедестал,
Подставляя угодливо спину.
Все равно их когда-нибудь скинут.
Не вздымайте их на пьедестал.

Не топчите мертвых богов,
Даже голос услышав неба.
Разбирайтесь с живыми, не слепо...
Не топчите мертвых богов.

Очищайте души свои
От бездумности, от боголюбства.
Славьте разум, и волю, и чувства.
Как их недостает меж людьми!

Не творите себе богов!

* * *

Не покидай меня.
И будь нежней.
Перешепчу тебе все сказки света.
И прочитаю тайнопись очей.
И разгадаю все твои секреты.

Позволь,
Как после первого звонка,
Забыть весенней хмельности горчинки
И нежно светом месяца слегка
Разгладить легкие твои морщинки.

Пусть расставанья горькая беда
Огнем холодным не блеснет беспечно.
Не покидай меня.
Не покидай.
Не покидай сегодня
И навечно.

Если рядом нет тебя со мною,
Белый свет становится пустым.
Я зову в отчаянье с тоскою
Искренне:
"Любимая, где ты?"

Пусть вокруг кипит жизнь непрестанно,
Молодостью, счастьем пьяня,
Все равно я, словно бездыханный
И осиротевший без тебя.

Лавры,
Слава,
Доброта земная
(Заманили в душу что весну)
Без тебя,
Я это точно знаю,
Потеряли смысл и новизну.
Отплывают
Журавлиным клином
Сновиденья,
Песни
И мечты...

Может, за тобой и я покину
Только крик свой:
"Милая, где ты?"

Ты вспоминала обо мне,
Когда я долго был далёко?

Хоть раз в неделю,
Хоть во сне
Ты вспоминала обо мне
С надеждой и печалью лёгкой?

Искала ль ты пытливым взглядом
Мой силуэт в своем окне?
Хотела ль ты услышать рядом
Мои шаги вдруг в тишине?

Ты вспоминала обо мне?

Мне было в дальней стороне
Тоскливо так и одиноко,
Что верить станешь сатане,
Что ты мечтаешь обо мне,
Когда я от тебя далёко...

Не отменяй свиданий никогда.
Кто знает, что нас завтра ожидает —
Или обрушится нежданная беда,
Или земля от радости растает.

Согрей уста сегодняшним огнем.
Омой мне душу нынешней усмешкой.
Пусть говорят: живем коротким днем,
А не холодной вечностью неспешной.

Минуты лишней не подарит час,
Хоть попрекай его, хоть чти обедней.
Что, если встреча наша в этот раз
Для нас и главной станет, и... последней?

* * *

Некрасивых девчат не бывает.

Погляди —

Вот навстречу идет

Ослепительная,

Боевая,

Словно молния,

Вызов,

Полет.

Коль плечом поведет

Иль бровями,

Обрывается сердце на миг.

Как рассветной водой оmyвает,

Поднимает до звезд огневых.

Некрасивых девчат не бывает.

Погляди —

Вот навстречу идет

Чуть застенчиво —

Снеговая,

Словно лилия в речке плывет.

Очи вскинет —

И синь полевая
Обовьет красотою такой,
Что глухая тревога сникает,
Душу нежность и грусть обвивает,
И приходит счастливый покой.

На полях,
У реки
И в трамвае —
Погляди —
Сколько дивных богинь.
То — как будто фиалка лесная,
То — звездою, Венерой в ночи.

Некрасивых девчат не бывает.
Просто много незрячих мужчин.

Разлук былых дороги.
Девичья грусть-мечта.
И серп луны двурогий.
Звезд сонных суета.
И тени привидений.
И крыльев мягкий взмах.
И рук переплетенье.
И горечь на губах.
Ветвей бродячих плети.
Тяжелый вздох и вскрик.
И вечность.
И бессмертье...
Короткий жизни миг.

Виновен пред тобой я безоглядно
За годы бесконечной суеты,
За все непонимания, утраты,
За майские отцветшие сады,
За резкие слова и за слезинки,
За наш костер, что не угас едва,
За седину и ранние морщинки,
Усталость предвечернюю в глазах,
За вольницу и шумный хмель проклятый,
За тайные сомнения и вздор.
Но более виновен без пощады,
Что я тебя люблю и до сих пор.

АНАТОЛЬ ВЕЛЮГИН

Моей судьбы и смерти переправы,
И Сталинград поныне снятся мне...
Свалился я, подкошенный железом,
Родную землю обнял как сумел.
Она пропахла дымом и полынью,
Слезами наших матерей, детей.
Когда ее в ладони крепко стиснул —
Сквозь пальцы брызнула густая кровь!..
Не помню я, когда на самолете
Меня везли далёко на Урал,
Где на болотах серых клюквы гроздья
Цветут и спеют поздно, как у нас.
Лишь увидел стол операционной
И в окнах — чернолапую тайгу.
Покой вокруг... Белым-бело на свете.
Колышет, будто облако, меня...
Окаменевшие мои разжали пальцы —
И на паркет посыпалась земля.

Песчинки молча взглядом провожали,
Потом собрал их тихо санитар.
Седой, на моего похожий деда,
Неслышно он остался у дверей.
А раненые бредили о Волге...
За окнами огни и черный снег.

1943:

ЗРЕЛЫЙ БОР

Из всех соборов есть собор,
Где хочется молиться:
В зеленой выси зрелый бор,
Звонят твои звонницы.

В роскошной зелени полян,
Где молодость ходила,
Багульник, липа, дурнопыян
Раздули все кадила.

Стоят полки боровиков,
Дрожит басок пчелиный.
Глубокий мох,
На листьях кровь
Нетронутой малины.

Следы разрезов на стволах,
Что крест судьбы тернистой.
Спешит всю барсук-монах
В свой закуток тенистый.

Янтарных смол здоровый дух.
На кроне в выси ясной
На облаках белесый пух —
То ангела бьет ястреб.

Куда ни глянешь — новизна,
Чабрец плетет узоры,
И песню каждая сосна
Поет густому бору.

1959

РЫБАЦКОЕ КЛАДБИЩЕ

Миколу Нагнибеде

Былины моря на граните
Читаите, отдав дань красе
Янтарного прибою в Ниде,
На Куршской солнечной косе,

Где день и ночь дымятся дюны
По скалам зыбким и крутым
И хвойник там, извечно юный,
По склонам стелется, как дым.

И хочет он, разлапый, низкий,
Сдержать тяжелый шаг песков.
Седые волны, как колыска,
Колышет долю рыбаков.

Былины моря — на граните
Замшелых, выщербленных плит, —
На старом кладбище у Ниды
Расскажет всё тебе гранит.

Читаешь надписи убого:
Ну хоть бы памятник один,
Где имена пробиты строго
Твоих ровесников-мужчин!

Лишь только женщины и дети...
Ужель не плавали сюда
За всю историю на свете
Отцов и прадедов суда?

Ужель они не умирали
Под отчим небом — рыбаки?
Мгновенный взгляд в морские дали
Из-под обветренной руки:

— Да... Там они... — бурлит ревнивый,
Тяжелый, в белой шапке, вал.
Печален шум рыбацкой нивы
И, замерев,

молчит

причал.

1959

АНАТОЛЬ ВЕРТИНСКИЙ

Я фильм смотрел...

Там Спартака распяли.

Распяли ночью. В Риме мирно спали.

Висит Спартак. Крест трепетно дрожит.

И женщина, обняв его руками,

Глядит испепеленными очами:

"Спартак, Спартак... Хоть слово мне скажи!"

Растерянно хватается за ноги.

"Спартак, Спартак!..."

А в зале плачут многие,

И у меня свернулся в горле ком,

И сам слезинку я смахнул тайком...

Спартак, Спартак!

Герои всех эпох!

Не эта ли судьба была в финале?

И кто-то крепко спал,

Вас распинали,

Вы тихо с жизнью расставались,

И плакала любимая у ног.

1967

ЯВЛЕНИЕ

Явление звезд и солнца в вышине,
Явление соков из глубин корней,
Явление трав душистых по весне
И вот твое чудесное явление.

Как будто странно сговорились все —
Глубины темные и золотые выси, —
Как будто бы промолвили: "Явись!"
И появилась ты во всей красе.

Как божество святое снизошло,
Как будто бы случайно, в самом деле,
Средь ангелов, что за тобой слетели.
Я ожидал. И стало вдруг светло.

Явилась ты, как солнечный рассвет.
На помощь мне пришло благословенье:
Благословил твое явление свет,
И мир благословил твое явление.

1974

ВАСИЛЬ ВИТКА

ЖИТО

Минута вечности глубинной.
Запомните ее и сберегите.
И ты, моя осенняя калина,
И поздний василек в созревшем жите.

Как первое признание, как подарок,
Волнующее поле зазвучало.
И счастье горькое, и страх, и кара —
Сошлись в одном-единственном хорале.

Один над нами бог — могучий Бах.
Ревет орган, бушует чад полынный,
И поцелуй горячий на губах —
Как вечность, неосознанная ныне.

Любимая, ты всей вселенной правишь
Меж небом и землей одна.
И каждый колос — переборы клавиш,
А каждая соломинка — струна.

Минута вечности глубинной...
Запомните ее и сберегите,
И ты, моя осенняя калина,
И поздний василек в созревшем жите.
1971

ПРИРУЧЕНИЕ ОГНЯ

Брошенный хозяином на воле,
Он сначала бросился вослед.
Долго в темноте бежал, пока не понял,
Что, пожалуй, не догонит, что ослеп.

Чуть остановился, извиваясь,
Около задумчивой лозы,
В жар горячий ткнулся, отрезвляясь,
Почерневший, прикусил язык.

Он почил бы — поминай как звали! —
А какой он верный был, огонь,
Если б этой ночью не пристали
Двое вдруг влюбившихся в него.

Словно после горестной разлуки,
Попросились тихо на постой, —
И, заметив ласковые руки,
Подскочил он, замахал хвостом.

И такую нежность, любовью
Обняла лесочек тишина —
Что желанные, родные к изголовью
Опустились лоз. Где тут до сна?

Все слилось — доверие без меры,
Свет и темень, и с душой душа...
Тихо спало утро в мраке сером,
И дремали угли не дыша.

Кто о счастье их, троих, расскажет?
Не моли ни дуба, ни сосну.
И огонь забылся, роясь в саже,
Утомившись, намертво заснул.

1977

НИЛ ГИЛЕВИЧ

ТУДА И ОБРАТНО

Туда мы едем белорусами
И не сказать, чтоб заскорузлыми,
И не сказать, чтобы формальными,
Но, без сомнения, нормальными.

А возвращаемся же всякими:
Одни — завзятыми поляками,
Другие — немцами, голландцами
Или насквозь американцами,
Но чаще — попросту кривляками
Или предателями жалкими,
На свой народ и край плеваками.

1995

Милая! Что же ты все поломала?
Ты понимаешь ли это сама?
Жизнь моя ныне бессмысленной стала,
И побеждает зловещая тьма!

Милая! Милая! Это безбожно.
Можно утратить надежду любви.
Лишь одного отобрать невозможно:
Счастья смотреть в чудо-очи твои...

1994

Мне столько хочется тебе сказать,
Но даже слова самого простого
И звука — сожалею — никакого
Не подберу, чтоб исповедь начать.

Но я прошу тебя — ты знай и помни:
Что не успею досказать тебе,
Доскажет солнца луч в тиши укромной
Сентябрьской роши в искренней мольбе,

Доскажет ветер ранью васильковой,
Что, приласкавшись, бросит щеки в жар,
Доскажет лес своею песней новой,
Нам посвященной, как бесценный дар.

Доскажет в поле под горой криничка,
Что по камням вьет шелковую нить,
Ворожея кукушка, как сестричка,
Что мне прокуковала долго жить.

Ты в голоса их вслушайся скорей
И бездну чувств моих уразумей.

1994

Тут не хочется ни говорить, ни петь —
Словно к вечности явился в гости,
Может, это тот курган-венец,
Где лежат поэтов старых кости?

Чтобы жизнь впустую не потратить,
Каждый должен Божий храм иметь,
Где не хочется ни говорить, ни петь,
Только молча безнадежно плакать.

1970

ВМЕСТО МОЛИТВЫ

Если есть, Судьба, ты надо мною,
Об одном прошу я: не позволь
В мире с ложью, грязью, болтовнею
Доживать мне век на свете свой.

Душу не отдай в неволю бесам —
Растерзай, взбунтуй и распали,
Чтобы гром гремел над вешним лесом,
Расходясь от неба до земли.

1983

ВЫ ШУМИТЕ, БЕРЕЗЫ

Вы шумите, шумите
Надо мною, березы.
Напевайте, играйте
Песни-думы свои,
А я лягу-прилягу
У дороги забытой
На душистом покосе
Недозрелой травы.

А я лягу-прилягу
У дороги забытой.
Головой на пригорок,
На высокий курган.
И уставшие руки
Вширь привольно раскину,
А ногами в долину —
Пусть закроет туман.

Вы шумите, шумите
Над мною, березы.
Осыпайте, милуйте
Землю лаской, молю!
А я лягу-прилягу
У дороги забытой:
Притомился немного.
Я минутку посплю.

1961

О, БЕЛАРУСЬ!

*Отрывок из романа в стихах
"Родные дети"*

О, Беларусь!.. Хочу воскликнуть
И я за предками вослед.
Как пилигрим несет молитву —
Так заповедь хранит поэт.

Пешком я исходил без спешки
Твои просторы вдоль и вширь —
И все дороги, тропки-стежки
В душе сошлись, как грешный мир.

Не знаю сам, какого зелья
Мне подливаешь иногда,
Что так заманчиво, так хмелью
Твоя чарует красота.

Не знаю слов, чтоб обозначить,
Разгадку тайны объяснить,
Как я боюсь тебя утратить,
Как без тебя не в силах жить!

Без твоего родного ветра
Дышать я долго не могу.
Зачем же суждено навечно
Мне в неоплатном быть долгу

Перед твоею некрикливой,
Совсем неброскою красой,
Что бьет в глаза нетерпеливой,
Необоримую слезой?

И никому ты не чужая,
И даже конченных бродяг
Ты ошутить вдруг заставляешь
В груди и радость, боль и страх.

“Какой край дивный и старинный! —
Писала гостья мне одна. —
И до Бобруйска — лишь равнина
И за Бобруйском — лишь она!”

Прошу я гостью без гордыни —
Нам уточнить придется текст:
Равнина — все же не пустыня,
И хоть равнина — но не степь!

А всё леса да перелески,
Дубравы, пуши и боры,
Берез и сосен переблески,
И щебет птиц, и рек виры*.

А всё пригорки и ложбины,
И косогоры, яры, рвы,
Средь них — низины-луговины
И в поймах — заводи. Увы!..

А всё озера да озерца,
Речушек тишь, разливы рек...
И разве диво, если в сердце
Остался облик твой навек?

И Днепр, и Неман, Сож и Припять,
Двина, Береза, Вилия,
Слились в душе, как в монолите...
Родная отчая земля!

Не разорвать и не отвлечь мне
Ни ручейка — как ни травы! —
Твоих артерий ток извечный,
Извечный ток моей крови.

* Вир — омут и водоворот, ямина под водой с родниками или с коловоротом быстрого течения (*Прим. переводчика*).

Останови — и задохнусь я,
Как перебитый, упаду.
Я знаю, что прошепчут грустно
Уста, когда я их сведу.

Твое лишь имя я промолвлю
В последний раз, о край родной!
Судьба моя — платить любовью
Тебе и ею жить одной.

С чего я начал там, над Гайной,
Закончу тем... Спокоен я:
Ни для кого не станет тайной
Любовь извечная моя.

ВАЛЕНТИНА ГИРУТЬ-РУСАКЕВИЧ

То дождь, то солнышко, то снег...
Как и в природе, так и в сердце:
То слезы горести, то смех,
То вверх, то вниз, анданте, скерцо.

Такое, видимо, житье —
Суть полосатое, как зебра:
К утру от полночи идем,
То падаем, то рвемся в небо.

Наверно, справедливо так,
Что чередой — свет с ненастьем,
И только хочется (пустяк!)
Побольше в этой жизни — счастья!

1996

Не нужно мне дорог в затишье,
С тобой осилю все невзгоды,
Не нужно роскоши излишков —
Ты — жизнь моя, моя свобода.

Судьбы иной не жду с надеждой,
Чем той, что поведет с тобою.
О радости и мне поведай,
Когда беда — приди с бедою.

Мы одолеем все несчастья,
И боль пройдет, беда убудет,
Любовь со временем не гаснет
И нежность время не остудит.

Души тревожных ран не трогай,
Утихнет ветер, непогода.
Когда идешь одной дорогой,
Любовь не меряют на годы.

1996

ТЕРЕЗА ГЛАЗОВСКАЯ

Ты открой мое сердце,
Ты меня не неволь.
Твои квинты и терции
Причиняют мне боль.
Не могу ни минуты
Без тебя я прожить,
Ты скажи, подскажи,
Как мне быть?

Если тонкие руки
Ты кладешь на рояль,
Его мощные звуки
Режут сердце, как сталь.
А без звуков рояльных
Мне никак не прожить.
Ты скажи, подскажи,
Как мне быть?

Ты открой мое сердце,
Успокой его боль.
Тонут квинты и терции,
До и ми, до и соль.
На глазах моих слезы,
На душе — виражи.
Как мне жить без тебя?
Ты скажи,
Не молчи...

1997

СЕРГЕЙ ГРАХОВСКИЙ

НАБОЛЕВШЕЕ

Век трагедийный, красно-черный
Уходит в вечность без руля.
Мелькнул, как солнце, день твой зорный,
В крови утопшая Земля.

Смертельно травленная паром,
Где властвуют и тлен, и прах,
Отмеченная Божьей карой,
Ты — вся в могилах, вся в костях

Сынов растерзанных, убитых,
На дно ушедших с корабля,
Упавших, но не забытых,
О, неразумная Земля!

Возможно, ты одна на свете
Свет лучезарный льешь окрест.
Себя ж твои калечат дети
И на Голгофу тянут крест.

Судьбой больные, как заразой,
Мы не восславили свой век,
Чтоб доброту дал Бог и разум,
Чтоб по-людски жил человек!

1994

ПОДКОВА СЧАСТЬЯ

*И ты увидишь: мир прекрасен,
Познай, где свет — поймешь, где*

тьма.

А. Блок

Приходят в мир, как прежде, снова,
Цари, пожары, войны, мор,
А счастья звонкая подкова
Не найдена и до сих пор.
Зловещих злодеяний сети
Лишь кровью залиты чужой,
И в вечность гении и дети
Уходят стежкой кривой
Без исповеди, без свободы
На страшный в преисподней пир,
Где зорко стережет ворота
Жестокий, мрачный конвоир,
Где ядом брызжут злобно змеи,
Грязь криводушья льют и льют,

Где одурелые пигмеи
Несправедливый правят суд,
Где вороненные оковы
Калечат душу, руки, ум,
Чтоб рок, как выстрел, бестолково
Перемешал лавину дум.
Беда: шутя иль сверхсурово
Приходят жадность, кривда, лесь,
Хотя у нас многовековый
Закон добра на свете есть.
Когда же правда, честь и разум
Грядущий осчастливят век,
Безотносительно и сразу
Судьбу оценит человек.
Чтоб счастья отыскать подкову,
Воскреснуть должен Дух Святой,
И грех, когда звенят оковы,
Жизнь превращается в ничто.

1996

* * *

Умолкают мои одноклассники,
Их следы замечает пурга.
Ни похвал и ни речи короткой,
Даже память не всем дорога.
Всё нормально, разумно, логично —
Есть начало, и взлет, и венец.
Догорает и мой нетипичный
Одинокий и слабый светец.
Время все разгадает загадки.
Звездный тоже промчится наш час.
Может, наши потомки хоть как-то
Будут всё же счастливее нас.
1996

НЕОЖИДАННОСТЬ

Заходит солнце в золоте и дыме
За крыши, за вишневые сады,
И тонкой паутинкою над ними
Трепещут реактивные следы.

Такая тишь! Ни ветерка, ни звука.
Последний луч с собою тянет тень,
И, кажется, он не сулит разлуку
Ни этой ночью, ни в грядущий день.

Но беспричинно, как от Божьей кары,
Все исчезает где-то в синеве.
Зигзаги молний, грома вдруг удары.
И град, и ливень пляшут по траве.

Потоки извиваются, как плети,
Сечет листву неумолимый град,
А где-то и кому-то солнце светит,
И утром озарит наш дом и сад.

И будут снова синь и позолота,
И будет солнцу радоваться свет,
И тонкой паутинкой самолеты
Оставят в небе серебристый след.

Я грешен. И в неистовство природы
Жду самой замечательной погоды.

ПРОРОЧЕСКИЕ СНЫ

Приходят сны случайные неожиданно:
То падаю, то на кресте вишу,
И лишь рассвет едва забрезжит ранний,
Что значит этот сон, я ворожу.

И нарастает с каждым днем тревога,
И на себя порой глухая злость,
Что не считал, бывало, Богом Бога,
А он, Всевышний, где-то есть небось.

Не Саваоф с седою бородою,
И не Илья, разгневанный пророк,
А кто-то ж правит счастьем и бедою,
Возносит и карает, словно рок.

Он отдал все, что нужно, человеку, —
И жизнь, и мудрость, и любовь навек,
Вел праведников и в Коринф, и в Мекку,
Пока с дорог не сбился человек,

И презирая власть, богатство и награды.
Тянул свой жребий на своем горбе,
И палачи безмерно были рады,
Казня не покорившихся судьбе.

Бесследно жертвы гибли, как в пожаре, —
Сгибали всех и вся в бараний рог,
А праведников от кровавой кары
Не избавляли ни закон, ни Бог.

За мною вслед ходило наказание
И расправлялось каждый раз сильней.
Судьба мне посылала испытанья,
Чтоб стал добрее, мягче и мудрей.

Я в сны пророческие верю и не верю,
Но нет спасенья мне от их ярма.
И не боюсь я ни огня, ни зверя.
Молю лишь только: "Не приснись тюрьма!"

Не обойди чужой беды,
Не очень-то гордись собою.
Пусть годы тают, словно дым,
Остановись перед судьбою:

Дай руку детям, старику,
Слепому укажи дорогу,
Подай горбушку бедняку,
Утешь больного ради Бога.

Тогда и старость, и суму
Улыбкой встретишь молодок,
И не придется одному
Остаться со своей бедою.

На чем же держится Земля?
На трех китах?
На журавлиной песне?
Иль на обломках корабля,
Что вечность вымыла из бездны?

Сверкает в мраке акведук,
К светилу вечностью прибитый.
На нем Земля за кругом круг
Плывет, не уходя с орбиты.

Кровавой кажется она
В пожарах, взрывах, в жутком гуде.
И все же держится Земля
На добрых и на честных людях.

*И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

А. Пушкин

За оттепелью закрутил мороз,
Завьюжила метель. Светло и сухо.
Шиповник за моим окном оброс
Прозрачным, легким лебединым пухом.

Все точно так, как было и прошло,
И будет снова до скончанья века.
Но издавна на свете правит зло,
И всё давно в плену у человека.

Отравлены им воды, воздух, суша,
И всё живое гибнет без затей,
И страшно, что калечатся ведь души
Не дьяволом — людьми и у людей.

Быть может, Люцифер сам правит нами?
Но почему спокойно смотрит Бог,
Как над его куражатся сынами,
И заслонить их, уберечь не смог?

Коль есть у нас ты, всемогущий Боже,
Взгляни: мы стали, как враги, —
Себя спасти, себе помочь не можем.
Ты смилуйся и людям помоги.

А Бог не слышит стон и плач народа,
И разве нам забвенье принесет?
А мы и равнодушная природа
Безмолвно гибнем, как на бойне скот.

Кончается двадцатое столетье
В безнравственности, войнах и крови.
Опомнись, о народ мой! В лихолетье
На мир и на любовь благослови.

Недолгий век прожить мы не умеем:
То разъедает ложь, то сатана,
От неприкрытой злобы каменеет,
И правит нами запросто она.

На зависти замешено все круто,
Бессмысленна бессонница ночей,
Отрава брызжет беспощадно, люто
Из уст предательских и из очей.

Мы однодумцы все и однодомцы,
Чтоб стать и долговечней, и сильней,
Добро помножим на добро, чтоб солнце
Светило дольше веселей.

Ужель злодей себе не опротивел,
И вечны злоба, ненависть и яд?..
Я всем прощаю, кто меня обидел,
Простите мне, кого обидел я.

ПОКАЯНИЕ

Обжигали не боги горшки,
И прощают не боги грешки.

Принимали не боги закон,
Ставят жизнь и не боги на кон.

Ад не боги у нас возвели:
Над богами есть боги земли.

Что крушили дворцы и храмы,
И кровавые ставили драмы.

Ждушие суда и наказанья,
Приношу за вас я покаянье!

Может, Бог не все грехи дарует
Тем, кто правил, правит и ворует.

Кто ж теперь обиженным поможет,
Если ты не милуешь нас, Боже?

У последней роковой межи
Смилуйся и правый суд сверши.

САКСОФОНИСТ

Играл на рыночном лоскутном фоне
Заслуженный артист на саксофоне.
И утром ему было не до сна,
Снежинки прятала густая седина.
Играл то вальсы Штрауса, то туш,
И падали рубли в истертой шляпы плюш.
На лютной стуже леденели пальцы,
И в кедах ноги стыли на асфальте,
А он играл то марши, то сюиты,
Как в давнем прошлом для чиновной свиты.
И вот теперь он получил свободу
Играть что хочется и всякому народу.
Играл с подъемом он, без суеты,
Перебирал остывшие лады,
Перезабыв заслуженные званья,
И с места не сходил до окончанья.
"Отметились" лишь сорок три души:
Народ к истертой шляпе не спешил.
Я неприметно, словно тень,
Являлся слушать каждый божий день.
Но вдруг замолк печальный саксофон...
Недели шли. Не возвращался он.

Стоял базарный гомон, как бывало,
А мне опять чего-то не хватало.
Рассказывали: даже обреченный,
Тихонько он играл на саксофоне,
И что осталась у артиста смена,
Что сын играл марш траурный Шопена,
Не замолкая до конца уже...
Гудит базар, да пусто на душе.

1997

ВЕК

*Гляжу на прошлое с боязнью,
Гляжу на будущность с тоской.*

М. Лермонтов

Ну, вот и кончается век шарлатанства.
А что принесет двадцать первый? Долги,
Позорное панство, позорное пьянство
И долгие нищего рабства круги.
Плоды искушения падают с древа, —
Младенцы рождаются день ото дня,
Ночами примерным Адамам и Евам
Всё снятся Чернобыль, Афган и Чечня.

Нам дьявол беду за бедой напроорочил:
Сгоревшие кости из танков чадят,
Наемных убийц озверевшие очи
На нас через мушки прицелов глядят.
Никто не признается в нынешней были,
Кто жаждет всё новых неистовых смут.
Парней и девчат, кто недавно любили,
Сегодня сжирает прожорливый спрут.

И в муках уходят и старцы, и дети...
В кровавую неотвратимо грозу.
Выходит, что мирными только на свете
Свой век доживают лишь звери в лесу.
Боятся они, что совсем доконаем
Оставшихся зубров, седого бобра...
Когда же взойдет над заброшенным краем
Звезда Справедливости, Чести, Добра?

Так близко грядущего века сиянье.
Чем встретит его мой измученный люд?
Нет, счастья не будет нам без покаянья,
И кровь не простит нам Истории суд.

Невозможно отложить бесстрастно
Ни на самый распоследний день
Даже чье-то маленькое счастье,
Самому исчезнув, словно тень,

Через дверь другую безоглядно,
Спрятав чести тоненькую нить,
И спокойно в долгий ящик кряду
Лучшие надежды схоронить.

Невозможно обойти, замкнуться
От чужой тревоги и беды,
Трудно не почувствовать, как бьются
И сердца у роковой черты.

Может, взяв все чувства под опеку,
Нужно отогнать любую тень?
Человек обязан к человеку
Приходить с любовью каждый день.

1962

В. М.

Я припомнил тебя
Босоногой, стремительной, тонкой.
Под ногами рассыпала
Зорька слезинки росы,
И тогда, в те былые шальные часы,
Я тебя представлял золотою сосёнкой.
И казалось, ты будешь такой, — из мечты, —
Молодую, искристою, чуточку колкой.
Да ведь разве прикажешь,
Чтоб всегда расцветали сады,
Лепестки не роняли от зорьки до зорьки?
Никому не прикажешь вовек,
Чтоб года
Власти над нами с тобой никогда не имели,
Чтобы вешняя не бушевала вода,
Чтоб до старости наши виски не седали...
Поседали... А сердце не хочет стареть —
Может, сделано мало, испытано мало.

Мы горели в огне, только нам не сгореть,
И двойная гроза все же нас не сломала.
Ты была мне женой и священной иконкой,
Ты суровой была милосердной сестрой.
Я тебя и теперь представляю сосёнкой,
Что и ныне зарделась вечерней зарёй...
1956

Есть всё в твоей душе — и радость, и печаль,
И смех, и боль, и ласки, и укоры,
То искорки в глазах, то блеск и сталь,
То мудрость дум, то непреклонность спора.

А в сумерках осенних каждый раз
Ты тихо руки мне кладёшь на плечи,
И, кажется, приходит звездный час,
И память первой сумасшедшей встречи.

Не обмануть лишь сердце, не сдержать,
Хоть ты молчишь, чуть затаив дыханье.
И хочешь безнадежно отыскать
Ответ на все вопросы мирозданья.

И рассказать о хлопотах своих,
О суете и мелочных заботах.
Ты и сегодня променяла б их
На девичью весну в дырявых ботах.

Чтоб на мгновение сызнова начать
Жить на воде и хлебе, и повидле,
Чтоб вечера под звездами встречать,
Чтоб от рассветов вешних не отвыкли.

Чего ж молчишь? Я чувствую, что ты
Не рада ни покою, ни достатку,
И чтоб вернуть и юность, и мечты,
Ты все бы повторила без оглядки.

Прошли бы вместе каждый след,
Тропинки и нелегкие дороги,
Чтоб были снова солнце, мрак и свет,
И смех, и боль, и счастье, и тревоги.

На окнах лилии белеют:
Кристаллом вырезал мороз.
От восхищения немею
И восторгаюсь я до слез.

Мне видится далекий берег
И лилий трепет на воде.
Плутаю я в туманах серых,
Но только милой нет нигде.

И как ни звал — я не дозволялся.
Мелькнула призраком она.
Гляжу туда, где обозначился,
Сквозь стекла темного окна.

1994

СТУДЕНАЯ НОЧЬ

*Ты посмотри на звезду при
прощанье...
М. Богданович*

Туманный вечер. И пушинки снега
На вербах и на алости рябин
Мне нагадали и любви навеки,
И счастья неизведанных годин.

О, как зарделись на морозе губы!
Твоя дрожала тонкая рука.
Мне шепот слышался: "Любимый... Любо..."
На берегу немого ручейка.

Такая тишина на белом свете!
Искрится снег, сверкают огоньки,
На вербах низко опустились ветви
От инея и немощной тоски.

В очах твоих волшебные искринки
Во мраке, словно звездочки, видны.
Минуты таяли, как в оттепель снежинки,
И без твоей, и без моей вины.

А утро нам пророчило прощанье,
Снег заметал вечерние следы,
Мы не могли поверить в расставанье,
Что счастья не найдем ни я, ни ты.

Где ты теперь? Взгляни в седые выси,
Чтоб только нашу звездочку найти.
Быть может, мне ты в полночи приснишься
В последний раз на жизненном пути?

1993

Твои ладони пахнут первым снегом,
А поздними антоновками — снег.
Над тишиною серебристым эхом
Звенит и катится девичий смех,

Что заблудился в звездной ночи
За тихую застывшею рекой,
И радость беззаботную пророчит,
И первую любовь, и непокой.

По-стой... Послушаем и помечтаем,
Пока огонь желаний не погас,
О красоте, о юности, о мае,
Что навсегда покинули и нас.

1992

ПРИЗНАНИЕ

Как я жил без тебя?
И не ведал, что где-то на свете
За лесами глухими, полями, где шепчется рожь,
Не в просторах созвездий, а здесь, на планете,
В переулке зеленом ты тихо живешь.

Как я жил без тебя?
А могла беспощадная доля
За полшага меня и тебя развести,
Как безмолвно тропинки расходятся в поле,
И друг друга нигде не позволить найти.

Может, стоило мне провалиться хоть в пекло,
Потерять дорогих, не расстаться с бедой,
Обойти полземли, словно каторжник беглый,
Чтобы встретить тебя под Полярной звездой?

Всё познать и забыть навсегда об изменах,
Чтобы лучики света в глазах не погасли твоих,
Вновь родиться и всё ж отыскать непременно
Избавленье и счастье одно на двоих.

Стать помягче, добрей, никогда не сердиться,
Наслаждаться твоей красотой вдвойне,
Чтобы тайны любви открывать по крупикам,
Чтоб душа закалилась на ярком огне.

Пролетают года. Их теряется след в
преисподней,
Лоб морщины, седины виски теребят.
Я гляжу на тебя, удивляюсь, как прежде,
сегодня:
Чем я жил без тебя, как я жил без тебя?

1967

ЛАЗУРНАЯ ЗИМА

Приди незаметно дорожкой немою,
Коснись осторожно знакомых дверей.
Я жду тебя страстно лазурной зимою,
Приди и остывшее сердце согрей.

Теряю надежды. Однажды нежданно,
Когда поглотила покой кутерьма,
Вошла, занавески задвинула странно,
Чтоб сердце двоим не студила зима.

Из мрака приди вновь мечтой голубою
И теплые руки раскинь поскорей.
Мы в сказочном мире пребудем с тобою.
Ты только остывшее сердце согрей.

Все тайны твои воздаются сторицей,
И взгляд твой становится снова добрей.
Начну о тебе на коленях молиться,
Ты только остывшее сердце согрей.

1994

ВОСКРЕСЕНИЕ

Христос воскресает при нас каждый год,
И звон не стихает, распахнуты двери, —
И в храмы бесправный когда-то народ
С дарами спешит и со свечками веры,

Чтоб никакой не поддаться беде
В святом благоверном моленье,
Не быть оклеветанным в страшном суде,
Во веки веков не стоять на коленях.

Чтоб нас закаленное трижды огнем —
И сущность души и морали основа, —
Вело и светило ночами и днем
Святое певучее отчее слово.

Поверим и мы в прорицание грез
И в мудрость, и в силу божественной песни,
Чтоб так, как когда-то воскресший Христос,
И мы навсегда бы воскресли.

1997

СКАЗКИ ЖИЗНИ

А я и ныне верю в сказки
О нищем или короле,
То с ласкою, а то без ласки,
С добром и горем на земле.

Я в сказки верю, как и верил, —
Без сказок, словно без души.
Бывает, страшные химеры
Мне шепчут: "Ты не вороши

Воспоминаний беспричинных,
Живи без омраченных дней
Для счастья, радостей невинных.
Пусть сердце бьется лишь сильнее!"

Порой я сам себе не верю,
Где явь, где вымысел, где сон,
А сказки про лихого зверя
Тревожат страхом забобон*.

* Забобон — вздор, пустяки, праки, вздорные слухи и вести. (Прим. переводчика).

То в сказках оживет лукаво,
Что представлялось всех милей,
Но явь бывает, как отравы,
Как сказка страшная. Страшной.

Проходит жизнь нетерпеливо,
То тлеет, то свистит свинцом.
Я верю в сказки со счастливым
И непридуманным концом.

1986

ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Мы все немножечко артисты,
И роль у каждого своя.
То кое-как, а то и чисто
Сам самого играл и я.

Из всех ролей нет хуже роли...
И звезд не ловит до сих пор,
И не подскажет мимо воли
Судьба — суровый режиссер.

Кем только не был я на сцене,
Кого я только не играл!
То возносился к звездным теням,
То воскресал, то умирал.

Ромео был, "Шильонский узник",
Возвысить Гамлета хотел,
Да сбившись, — Господи Иисусе! —
Я в преисподнюю слетел.

И зал ответил гамом, свистом
На непредвиденный провал,
Наверно, быть всегда статистом —
Моя судьба и идеал.

Никто не увидел стараний
До пота, крови, забытья,
Когда болтался я на грани
Забвенья, смерти, бытия.

Играл умело, неумело,
Любил, терялся и страдал,
Пока душа не поседела
И не приблизился финал.

Стоят фанерные колонны,
Развернут декораций фон,
Закрылся занавес салонно,
И выхожу я на поклон.

СЕРАФИМ

*И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый.*

А. Пушкин

Вся жизнь — ошибки и развилки,
Одни просчеты и грехи,
Разбиты крылья и закрылки,
Язык устал от чепухи.

Напрасно Божье наказание
За слово лживое и сказ,
И продолжается топтанье:
Кого-то мы, а кто-то — нас.

Обман рассеивает дымом,
Зловещий призрак всё же сник.
Иду на встречу с серафимом,
Чтоб вырвал грешный мой язык,

Что славил жалкие химеры,
Хоть в сердце боль давно носил,
Дрожал от страха, сам не верил
И врал другим что было сил.

Вводились небылицы в уши
О счастье на лихом пути,
А кто калечил наши души,
Того давно уж не найти.

Их берегут двойные двери,
Апостолов бывших основ,
Хоть не имеют сами веры,
Но лгут, как нанятые, вновь.

О, шестикрылый серафим,
Ты помоги и нам, и им.

РЕКВИЕМ РУКОПИСЯМ

Считают, рукописи не горят,
А я однажды видел, как горели
Со стоном Голубковы акварели,
Как догорали все стихи подряд,
Согретые еще живым дыханьем
И ласкою, любовью, состреланьем.
А пишут — рукописи не горят.

И как еще горят! И сколько их сгорело
В печах глухого тайного двора, —
Что бездна, чертова нора!
Душа поэм навеки отлетела.
А так дойти до каждого хотела
Посланцем вдохновения, добра!!
И сникла в пламени казенного костра...

Не станут рукописи книгами тем боле,
Не дозвутся ни до чьей души.
Холодный пепел, как ни вороши,
Что дотлевал по дикой воле,
Светрами сник в безлюдном поле,
Которое обезобразил град...

А говорят, что рукописи не горят.

О СКОЛЬКО ПОЭТОВ

Сколько из далеких — поэты, поэты
Данте и Гюгено, и Вьейон, и Блок,
Бернард Штрасбург и лирика Фета,
Сколько поэтов — необъятный пророк.

Сколько их голос из прошлых столетий,
Сколько их сектуют как Одиссей,
Сколько в нем Дантов прилюдно, приметив,
Сколько не мы заговорил фарисей.

Сколько, чистей! О, сколько поэтов!
Сколько желаний и чувств и тревог,
Терцов, триолетов, октав и сонетов
Блещет в а в памяти с детства сберег.

Бернард Штрасбург, Вьейона, Шекспира,
Бернард Штрасбург, а не от вина.
Глухая лирика — звонкая лира,
Глухая лирика — глухая струна.

Ну, чем я утешу? Про что говорю я?
Зачем я за рифмою рифму гоню?
И если читателя разочарую,
Я только себя одного и виню.

А коль не простит, пусть тогда покарат.
Черкаю бумагу, не быть лишь в долгу,
И только любовь к обделенному краю
Никак зачеркнуть и забыть не могу.

Ведь слово волнует извечное, отчее,
Поэтому больше тружусь, не молчу.
Когда же прескверно, Купалы пророчества
Я вместо священной молитвы шепчу.

ЕВА

Она сама почти еще дитя —
На тонких ножках, с узкими плечами,
Хотя святым зародышем житья
Я вижу женщину с прелестными очами.

Еще душою просится в полет
С высокой кручи, лишь дрожит улыбка,
Хоть ведает, что все наоборот
Должно бы быть, чтоб не было ошибки.

И потому старается быстрее
Ходить и жить, но и всего боится,
Она еще играет меж детей,
Но сердце рвется непокорной птицей.

И тайна, ведомая ей одной,
Упавшая, как в Библии, со древа,
Волнует необычной новизной,
Как непорочной остается Ева.

Она — и жизнь, и тайна бытия,
И мудрость, и любовь, и мелодрама,
Для матери — извечное дитя,
А для детей — одна на свете мама.

1977

ТЕРЦИНЫ

Порой из ада слышу шум грозы
И звуки боли, муки и отрады,
И вспоминаю Дантовы часы,

В аду испепеленном водопады,
И вижу приближение к огню,
Сжирающему ложь, ее улады, —

И голоса уходят в вышину
Из мрака неразгаданного пекла
Сквозь мир людей в ночную тишину:

Они все это проходили бегло
И потому зовут из "рая" в вечный вир,
А я не знаю до сих пор, хоть жизнь померкла,

Где адский ад, а где покой и мир.

РАСПЯТИЕ

Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: распни, распни Его!

*Евангелие от Иоанна,
гл. 19, п. 6.*

Пророк пророчил катастрофу
Не в давние, а в наши дни.
Его за это на Голгофу
Ташили с криками: "Распни!"

Он чуть стонал. Разбиты ноги.
Но насмеялся и зверел сильней
Народ, обманутый Пророком,
Отважно спасшим всех детей.

Распав, всем миром поминают
Его с печалью до сих пор,
И вновь Пророков распинают,
И вновь бросают на костер.

СЛОВА

Слова царят у нас, бывает.
Мы говорим и слышим их.
Они то ссорят, то сдружают
Друзей и недругов моих.

Слова различные бывают:
Одни — огня задержат шквал,
Слова другие убивают
Живых, сражая наповал.

От слова сердце холодеет,
Проходят сон и забытие.
Слова калечат, как злодеи,
От слов надежда расцветет.

От слова вырастают крылья
И сердце горячит любовь,
От слова прибывают силы.
Так не жалеите добрых слов!

Не стоит пустомельем вздорить
И пустозвонием греметь.
Не приносить чтоб людям горе,
Уж лучше просто умереть!

МАМА

Когда пушок пробился над губою
И имя девичье лишало сна меня,
Не говорил я ни о чем с тобою,
О, мама одинокая моя.
Казалось мне постыдным временами
Среди друзей — завязтых забияк —
Назвать тебя, как в детстве, тихо “мама”,
И потому не называл никак.
А вечерами, слова не сказавши,
Ходил кругами у чужих ворот
И замечал, как за окошком нашим
Бессонный свет встречал зари восход.
Ты не спала осенними ночами,
Хоть от усталости клонилась голова,
Глядела в мрак усталыми очами,
Привыкшая к несчастьям вдова.
Ты пряла пряжу, ты копала глину,
В страду совсем не чувствовала ног,
Да говорила ласково про сына:
“Пусть подрастет. Пускай поспит сынок”.

И собиралась за дровами снова,
А в волосах густела белизна —
"Хоть бы сказал он ласковое слово,
Хоть бы, как в детстве, мамою назвал".
...Промчалась жизнь. Мы поседели сами,
И может, больно мне не одному,
Что самое святое слово "мама"
Сказать уж не могу я — никому...

1957

СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ

О, сколько исходил тропинок неустанно!
Теперь уж ни одной я не найду,
Хоть каждая пылала, словно рана.
Уходят годы, а я все иду.

Еще иной раз жажду оглянуться
На все, что найдено, утрачено в пути,
Хоть на минутку в молодость вернуться,
Чтоб первый и последний след найти.

Земля меня спасает, оживляя.
За землю милую держусь и я,
Несломленная, вечная, живая,
Как родина бессмертная моя.

Куда бы жизнь меня ни загоняла,
Какою бы ни мучила виной,
До боли мне земли не доставало.
Я свято верил только ей одной.

Мне не постичь премудростей Вселенной.
Подсудный только Божьему сулу,
Всю жизнь свою служу земле нетленной
И лишь в нее я навсегда сойду.

1997

ДОБРЫЙ ДЕНЬ

Я все познал: и радости, и горе,
Из сотен рек испробовал воды,
Мне каждой ночью снился светлый город,
Его неповторимые черты.
Он звал меня, красавец златоглавый,
Далекий, но и близкий до тоски,
На всех путях, за каждой переправой
Его припоминали земляки.
Во встречу с ним я верил и не верил,
И вот опять иду в тени аллеи,
И неожиданно в осеннем сквере
Знакомого увидел меж ветвей.
И вспомнил встречу — первое свиданье,
Когда его волшебная рука
Вела меня, смешного пастушка,
По виражам на дедовом кургане
И привела тогда в чудесный свет.
А через годы тропами Полесья
Прошел нежданно с посохом поэт
К бессмертным коммунарам на Аресе.

Вот он стоит. Над ним свисают ветви.
Шумит проспект и зеленеет сквер.
Он улыбнется, кажется, как в детстве,
И прочитает стих на свой манер.
Над ним листва покамест не опала,
На бронзу падает таинственная тень,
А он молчит. Задумался Купала.
Я шапку снял с поклоном: "Добрый день!"

СОСНЫ

Не спится ночью соснам,
Их шепот не унять:
Молчанье им несносно,
И потому шумят.

Страдают с самой рани
Под солнцем целый день.
В траве, как призрак странный,
Их заплуталась тень.

Тревожно, неречисто
Сук сломанный скрипит.
Что с веток быстро-быстро
Игла долой слетит.

Пугает временами
И грозный звук пилы.
Как доктора их сами
И дятлы бьют в стволы.

А летом ли, весною
Суровый человек
Согнется под сосною
Укоротить ей век,

Отправивши в дорогу
Вчерашнюю сосну,
Лежала чтоб порогом
Иль ставнями к окну.

И золотые струны
Замолкнут, как боры,
Из них сколотят труны*
Ушедшим до поры.

И в тихий час, и в грозный
Их шепот не унять.
Пока живые, сосны
Шумят, шумят, шумят.
1997

* Труна — гроб (*Прим. переводчика*).

СЫНЫ

Мы одинаково пришли на этот свет
И в первый раз сказали: "Ма-ма", —
И лепестками нас осыпал цвет
Под яблонею Евы и Адама.

А подросли — и разошлись пути:
Одним — до счастья, а другим — до горя.
Один жесток — за всё ему плати,
Другой для каждого в беде — опора.

Когда святое сгнило древо,
Не ведаю я — чьей искать вины,
И виноваты ли Адам и Ева,
Иль только Каина сыны.

1997

ПОЭТЫ

Боялись почему цари поэтов
И распинали каждый раз?
Не сдавшихся лишали эподетов,
Под пули смелых гнали на Кавказ,

И в Нерчинск, и в Иркутск, на Шилку,
Чтоб в рудниках бунтарский дух исчез.
На не смирившихся, презревших ссылку
Мартынов находился иль Дантес.

Поэты непокорные, живые
В веках, чтоб мудрое творить,
И кандалы, и раны ножевые
Стерпеть готовы, чтобы правду говорить.

Пора всем непреклонным и суровым
Царям не верить шептунам своим, —
За доброту платить правдивым словом,
Чтоб, как поэтам, верили и им.

1997

СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ

Памяти Александры Муравьевой

Вы стали по-настоящему примером самоотверженности, мужества, твердости... Пусть будут незабываемы имена Ваши!

Декабрист А. П. Белов

Поэма

I

Метелица заваяла дороги,
Летит снег жесткий от версты к версте
С Сенатской площади и до острога
В деревне запорошенной Чите.

Как при смертельной собралась угрозе,
Забыла муфту, шали не взяла.
Казалось — сердце стынет на морозе,
Душа лишь не утратила тепла.

Бросает ветер на ухабах сани,
Замолк ямщик, и замер звук вдали.
Дорожные столбы, как на прощанье,
Счет дням и километрам повели.

Графиня чуть коснулась ездового
И слезно молит погонять сильней.
В пурге теряется промерзшая дорога,
И искры сыплются из горестных очей.

С разлету хлещут по кибитке ветки,
Застыли сосен желтые стволы.
Ей слышатся порой, как свищут плетки
И как звенят глухие кандалы.

Из императорского грозного указа:
“Лишить наследства, званий и чинов
Бунтовщиков — дабы пресечь заразу, —
Их сыновей и жен от всех родов”.

— Согласна я. На всё всегда готова.
Позвольте только вслед за ним в острог!
Дрожит рука. И подпись Муравьевой
Едва ли кто-то распознать бы смог.

Сибирский снег скрипит. Перед глазами
Владимирка, и реки, и холмы.
Ее колодники костями и слезами
Мостили от тюрьмы и до тюрьмы.

В кибитке смерзлась под ногой солома,
Стучит лишь сердце чаще и больней.
Еще верста, все далее от дома,
От близких, от заплаканных детей.

Душа болит, как стреляная рана.
Смешались воедино боль и злость.
Ее любимый — в кандалах тирана,
И любящих судьба разводит врозь.

Ей боязно намеренно утратить
Надежду видеть петербургский свет.
Ей часто снится: Миша, Лиза, Катя
Бегут за нею босиком вослед.

Ей выпадет ли видеть их удача,
Когда обрушится тюремная стена?
Дрожит слеза. Но ведь бойцы не плачут.
Не сможет тоже плакать и она.

И не заплачет никогда, вестимо,
Хоть ворон жизни предсказал итог.
Лишь сердце греет непоколебимо
Пожар горячих потаенных строк:

"Оковы тяжкие падут..." На память
Сама себе читает сотый раз.
И, наконец, сквозь ледяную заметь
Мелькнул огонь далекий и погас.

Замерзло все. И воздух — как железо.
И от промерзшей не уйти судьбы.
Закроет веки — снова в очи лезут
Жандарм и полосатые столбы.

Скрипит шлагбаум в утреннем тумане,
Вот наконец последняя верста.
Из мрака выплывает край изгнания —
В снегах многострадальная Чита.

Чудовищем из будки полосатой
Выходит николаевский солдат,
Заиндевелый, сгорбленный, усатый,
И тихо шепчет: "Свят, свят, свят!"

Красавица!! В такую непогоду!?
Одна? Как мотылек среди зимы!
Дворянской, — по всему видать, — породы.
Чего ж она дрожит возле тюрьмы?

А в подземельях и в грязи, и в рвани,
Страдая от болезней и хулы,
Былые графы, знатные дворяне
Руду долбят себе на кандалы.

И вспоминают праздники, парады,
Как сам Кутузов их в поход водил.
Его величество, однако, император
Своих героев с лишком наградил”.

От холода не вымолвить ни слова,
И все ж над бедной смиловился Бог:
За месяц Александра Муравьева
Достигла цели — каторжный острог!

Ее с дороги не вернула стужа,
Ни царский гнев и ни метели свист.
Спешила дни и ночи к мужу
Теперь с высоким званьем — Декабрист.

Подумала, как и в поэме Данте,
Все одолела адские круги,
И всё ж не все. Во власти коменданта,
Тюремщика и верного слуги,

Их встречи, их судьба под этим небом
Среди тайги и одичалых скал.
И как бестактно и нелепо:
— Поставьте подпись! — скажет генерал.

— На нашей есть препятствия дороге?
Что может помешать на этот раз?
— Все встречи совершаются в остроге
При офицере. На короткий час.

И генерал Лепарский хмурит брови:
— Я не люблю дискуссий и речей.
И по-французски чтобы там ни слова!
По-русски говорите, без затей.

— Не верится, что это все серьезно...
Бесчеловечно это, генерал!
Неужто для того, чтоб жить нам розно,
Спешила я в морозы за Урал?

— Не от меня зависит, извините.
Я делаю не все, что сам хочу.
Вы вашу дерзость просто придержите.
Я про нее покамест промолчу.

Советую быть скромной и в наряде.
Поверьте, я желаю вам добра. —
И вытянулся, словно на параде,
Перед портретом нового царя.

Застыла Александра Муравьева,
Прозрачная от стужи и дорог,
И умоляет: "Я прошу вас снова
Дать мне возможность посетить острог

Хоть на мгновенье, чтоб увидеть мужа.
Не думаю, что вы такой педант".
— Позволим. Он тут занедужил, —
Пробормотал суровый комендант.

II

Шумит пурга, и сразу за порогом
В сугробах пропадает след.
За стенами читинского острога
Кончается как будто белый свет.

И холодно, и сыро нестерпимо.
Ни свечки, ни печи — сплошная тьма.
Застывшим чадом, плесенью и дымом
Пропахла вся читинская тюрьма.

Александрина подняла край платья,
На ошупь двинулась в какие-то углы,
Навстречу тень ей бросилась в объятия,
И глухо зазвенели кандалы.

Замешкалась непрошенная "свита" —
Солдат и полупьяный офицер.
Воскликнула невольно: "Мой Никита!
Отныне неразлучны мы теперь! —

Целует лоб. — Ты, видимо, в горячке!"
Скользит рука по сморщенной щеке.
— Не диво, Саша — день сплошной на тачке
Вожу руду на лютном сквозняке.

Она берет любимого за плечи
И тихо шепчет: "Я с тобой навек..."
— Прощайтесь! Завершилась встреча! —
Как будто саблей, офицер отсек.

Печально необычное свиданье,
В глазах неугасающий огонь.
И неприметно Пушкина посланье
Ложится мужу в стылую ладонь.

Прошло стихотворение полсвета,
Как жизнь, как правда, как любовь и Бог.
И с той минуты верою поэта
Жил весь взволнованный острог.

Сердца свободой полнились и славой,
Когда пришла желанная пора,
Когда престол обрушился кровавый
Последнего российского царя.

Бессонными ночами каторжане
Выстукивали вещие слова.
Бросало в дрожь от грозного посланья,
Шла о пророчестве в империи молва...

Замешкалась графиня за порогом,
Куда ни глянет — горе и беда.
И только в темном небе над острогом
Горит одна Полярная звезда.

В сугробах тонут туфли непривычно,
Тропинку трудно отыскать в ночи.
Нейдет солдату в голову обычно
Хоть как-то женщину уважить без причин.

Она к тюрьме дорогу проторила,
Что не сумела вымостить казна,
И улыбалась всем улыбкой милой,
Лишь горе выдавала седина.

Она лечила хвори Божьим словом,
Всему назло — лучиста и светла.
Для узников графиня Муравьева
Надеждою и совестью была.

III

Надеждою и совестью осталась,
Болезненной и гордой, как дитя,
Не бреглась и даже не старалась
Беречь страницы жизни, бытия.

Жизнь заново никто не перепишет,
Не вычеркнет дней вечной суеты.
Нам не дано упрятаться в затишье,
Спасть от неожиданной беды.

Был каждый день победой бестолковой
Любви, и верности, и щедрой доброты:
И шли в Сибирь подруги Муравьевой,
Сжигая за собою все мосты.

Веселую на людях Александру
Болезни беспощадные трясли:
Болело сердце,
 Набухали железы,
Не отрывались ноги от земли.

За мужем колесила по Сибири
И, кажется, не верила сама,
Что, как часы с оторванной гирей,
Последняя ей пробила зима.

Уже не встать. Рука, как у скелета,
Поднять не может кружечку воды.
Туман застлал ее детей портреты, —
Свеча сгорела, и растаял дым.

Колоколов печальный звон пролился,
Погостом стала мерзлая гора...
За жертвами своими не стыдился
Следить глаз беспощадного царя.

Но вечно будет в памяти суровой,
Как идеал любви и красоты,
Живая Александра Муравьева
И боль, и гнев, и радости нести.

Цари менялись, как в колоде карты —
Награды, ленты, ордена, орлы,
Усы и бороды, кресты и бакенбарды, —
Но только не менялись кандалы.

На Ангари, на Енисей, на Шилку,
В село на тихой речке Шушь
Несломленных на каторгу и в ссылку
Жандармы гнали сотни сотен душ.

За ними в дальнее и тяжкое изгнание
Повсюду от села и до села,
Как вера, и надежда, и страдание,
Безмерная любовь с любовью шла.

С горячим сердцем, ясными очами
Она — Мадонне праведной под стать!
И перед русской женщиной всегда мы
Готовы свято на колени встать.

МАРИЯ ДМИТРЕНОК

ПОСТОЙ ЧУТЬ-ЧУТЬ...

“Ужель что было, то прошло?”

Нет! Было, есть и будет...

будет!

Смеется нам весна светло —

смеются люди...

люди...

люди!

Смеемся я и ты...

и ты!

Судьба! Любовь — твое призванье.

Любви не снизит полноты

непониманье-расставанье.

А там, — скажу как на духу, —

Путь только в сказочную высь.

Постой чуть-чуть на том верху,

Чтоб светлые мечты сбылись...

1995

ВЛАДИМИР ДУБОВКА

...

...Они за косы погибали Клеопатры,
за очи те, что и не снятся, право.
К ногам несли, —
и приносили щедро, —
Жизнь, и судьбу, и славу.

...И погибали в волнах раскаленной лавы,
Что выплеснул безжалостный Везувий.
В последний раз на золоченых лавах
Ловили эхо губ и тень надежды.
Затем с Помпеей сказкою заснули.

...И погибали ежедневно, ежегодно,
За ласки нежные, минутные, за ласки...
Жаль, что с блудницею негодной,
Жаль, что не с первой, что неоднократно.
И так от Рима до Аляски.

1925

Знаешь прекрасно: ты дивно пригожая,
Губы желанны твои непослушные.
Очи случайно мне жизнь растревожили,
Синью льняной закружили радушною.

Слышал — не верил: и встреча, и
брошенность.
Что ж! Будет песня печально-минорная.
Наша любовь и простая, и сложная,
Хоть необычною грустью обернута.

Дал тебе Бог красоту неприметную,
Даст, безусловно, и счастье великое.
Очень хочу, чтоб не стала кометою,
Память к тебе не была чтоб безликою...

Волнами в волнах, покуда не сгинули,
Сердце твое чтобы жалость не сглазила...
Может, и мы на просторах дельфиновых,
Словно юнец Рафаэля фантазии...

1925

ВЛАДИМИР ДУДИЦКИЙ

ЛАЗУРЬ ОЧЕЙ

Улыбкой сердце мне поранил
Огонь очей твоих девичьих.
Скажи, зачем же эти раны?..
Любовью сердцу жить привычно.

Лазурью глаз девичьих хочет,
Дрожаньем сердце насладиться,
И с той поры и днем и ночью
Оно к груди твоей стремится,

И рвется, мчится, сострадает,
И ждет тепла, тая секреты,
Чтоб вечно были дружба, радость
Сердечной ласкою согреты.

И потому мне сердце ранил
Огонь лазурных глаз девичьих.
Любовь и очи — верю странно, —
Излечат сердца безразличье.

ДАЛЕЕ, ДАЛЕЕ...

Волны от берега далее, далее...
Чем их утешат туманные дали?
Сдержат, расправят на спинах наплывов
Дуг непокорных зеленые гривы;
Пеною желтой на мелях затоков
Ветер в краю приголубит далеком;
Бури седые глубин безъязыких
Век закачают на севере диком.
Лучше бы тайно на пальмовом берегу
Перлами рос распластаться в набеге,
Каплями теплыми — дождем чистым, —
Вольно разлиться над краем речистым,
Краем, что стонет и мается в грусти.
Горе ж и им и моей Беларуси...

СЕРГЕЙ ЗАКОННИКОВ

Недосыгаемая звезда
Живешь, как и каждый живет, —
Работа, заботы, расчеты...
Да вспомнишь, что где-то плывет
Звезда твоя на небосводе.
Она освещает мечты
Без скидок на слабость и жалость,
Хоть, ясно, оставить следы
Не всем суждено на скрижалях.
И все ж человек свой секрет
Лелеет, надеждой согретый,
И снова врывается в свет
На крыльях прекрасной кометы.
Не глядя на вздор, болтовню,
На быт, конъюнктуру, сомненья,
Навстречу высокому дню
Рваниць через боль и лишенья.

Не думай, что близко земля,
Что можно взлететь и разбиться...
Придут посмелее тебя,
Ты тоже помог им родиться.
Когда же всей грудью вдохнешь
Той мудрости, горькой и честной,
Ты прах суеты отряхнешь,
Коснешься звезды в поднебесьи...

Я не вымаливал бесплодно
Слов нежных, словно дождь земля,
Они приходят неохотно,
Но неизбежно, как заря.

И как им суждено родиться,
Открыть не властно никому:
Когда забьет в душе криница,
Известно Богу одному.

И удивляет дар старинный,
И вновь рождаются мечты,
И свет пригожести глубинной,
И радость тихой доброты.

Жизнь круг вершит свой непрестанно,
Путь оставляя, память, прах,
И первый поцелуй желанный
На растревоженных губах.

Напевный голос твой не тает,
И звуки я его ловлю,
Живу, влюбляюсь и страдаю,
Люблю тебя, весь мир люблю.

АЛЕКСЕИ ЗАРИЦКИЙ

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

Камень бездыханный целый век лежит
И живым тревогам чуждым остается.
Только тот, кто знает, что такое жизнь,
Тужит, что со смертью он не разминется.

Да тужи не очень ты, душа живая,
И гордись же солнцем, каждым нашим днем,
Даже смерть, наверно, плата дорогая
За бесценный дар, жизнью что зовем.

1970 — 1977

ОКОЛО ВЕЧЕРНЕГО КОСТРА

Горит костер на просеке.

В борку

Кукушка, звонкое лесное диво,

Кукует.

Каждое ее "ку-ку"

Разносится печально и тоскливо.

Вечернего костра прозрачный дым,

Кукушкин голос — плач сиротский гуслей, —

Впервые вторят языком простым,

Что годы лучшие мои минули.

Я — старый работяга, я привык

Надежду пестовать в бореньях сухих, —

Мое сегодня — это черновик

Моих грядущих дней и дел грядущих.

Исчезни, дыма призрачная тень!

Кукушка, силы набирайся вешней!

Я верю: впереди мой лучший день,

Мой лучший день с моею лучшей песней.

А ночь идет,

Ей звездный чародей

Дорогу освятил волшебной лирой,

Кукушка плачет реже и нежней,

Деревья дышат первым сном и миром.

Неслышно догорает мой костер,

И тишина любовь со мной заводит,

И в ночь, как в необъятнейший шатер,

На пальчиках нетерпеливо входит.

1974

АЛЕСЬ ЗВОНАК

ПОРТРЕТ

Два темных серпа — два зрачка, как объятья.
Утонешь в них, не ощутив глубину.
Из граций трех лишь ты под шелковым
платьем
Красы чистоту сохранила одну.

Догадка — загадка крови ошалелой,
Стремленье с несмелостью — лад и не лад, —
О, юности жажда! Когда б ты умела!!
О, старости мудрость, когда б ты могла!!

Быть может, палящее небо Тавриды
Во взгляде твоих отразилось очей,
Быть может, безумная кровь тимуридов
Течет непокорно в тебе все быстрее?!

Есть что-то от ангелов, что-то от гурий
В походке упругой, в движениях бедра...
Таких одевали в звериные шкуры,
Держали в парчовых роскошных шатрах...

И крали таких в разудалом набеге,
Как только над степью опустится мгла,
Далекие предки твои — печенег,
Закинув с наскока на луку седла.

Таких на фелюгах под парусом алым
Возили пираты на рынки рабынь,
Чтоб дева в гареме красавицей стала:
Как молния — взгляд, а уста — как рубин!

Таких по велению грозного хана
Под гром тамбуринов, под стоны зурны
Скакать заставляли на фоне фонтана,
Чтоб тешили глаз наготой белизны...

Во взгляде я всё прочитал это жарком
Твоих греховодных, прекрасных очей...
Виват, рог серебряный — звонкая чарка,
Приметы разбойничьи южных почей!..

Вот тут бы и точку поставить, ликуя,
Но нет — дух своболы толкает: лови
С распушенной гривой дикарку лихую,
Пока не остыли желанья крови!..

1949—1992

СИНИЧКА

Девчонки милые! В долгу
Пред вами вечно, изумленно,
Что не сгибался я в дугу,
Красою вашею плененный,

Из той кринички пил подчас
Взахлеб, неистово, блаженно,
Что я любил безумно вас
То абы как, то вдохновенно.

Быть может, в том добро и зло,
И смысл взаимоотноженья,
Что ваша кровь и ваша плоть
Живут во мне со дня рожденья,

Что я подростком увидал
Сквозь щель случайно, безотчетно,
Как бог Эрот двоих терзал
Счастливым сладострастьем плоти!

Не дал Творец перед конпом
Своей рабочей семидневки
Владеть мне кистью иль резцом,
Чтоб высечь образ королевский,

Чтоб смог я вылепить из вас
Нетленный образ венценосный,
Чтоб не разбил хрустальных ваз
От восхищенья или злости...

Перо гусиное мне в дар
Мне вместо глины, гипса, воска
Вручил небесный государь,
Сказав: "Давай сонеты шпарь
Своей Лауре из Логойска!"

И правда, что мне глина, воск —
Знаменья памяти капризной?
Мне мягкий шелк девичьих кос
И сладость уст дороже жизни!

А блеск загадочных очей,
А сумасшедший стан девичий
Душой не правят ли моей,
До сумасбродств, до неприличий?

Что мне снится в мечтательных
Дней призрачный и дурной сон?
Родной ступенька на руках,
Чем хранила в восточном неге!

С тем, в хитре ступеньке том
Животный и земляка
О, где был, был весны златом —
Прекрасной юности начало?

Земной нежность с землей сольюсь
(Поверьте: был я под землею!)
С последним выдохом: "Люблю
Еще земле, все живое!"
1993—1992

АНАТОЛЬ ЗЕКОВ

ГИМН ЖЕНЩИНЕ

Мир дарит Женщина Мужчине:
И слово первое, и вздох,
Она — всего первопричина,
Всего основа и исток.
Она — исток добра, заботы,
Любви и веры, наша тень.
Не по ее — жить бесхлопотно:
Она в заботах каждый день.
Коль трудно нам — любовью лечит,
Своею лаской и добром.
Не угодим, начнем перечить,
Тогда заходится, как гром.
С ней разругаться — доля злая.
Чуть помолчи — и с плеч гора,
Она добра тебе желает,
А ты уходишь от добра.
На Богородицу похожа.
Взамен не просит ничего.

Лишь век одно шептать: "О Боже,
Убереги от зла его!
Убереги от всех напастей,
Дурного глаза злой порой,
Да обойдет его несчастье,
Пусть не минует лишь добро!"
И не ищи нигде причины,
Забьется сердце коль сильней.
Мир дарит Женщина Мужчине,
И мир весь воплотился в ней.
1997

ТЫ — СПАСАТЕЛЬНЫЙ МОЙ КРУГ

Ни в минуты искушений,
Все бывшее истребя,
Ни от злости и сомнений
Не оставлю я тебя.

Презирая укоризны,
Власть богатства, голытьбу,
Все бы вычеркнул из жизни,
Да не вычеркнешь судьбу.

И в отчаянье измены
Не могу забыть, — прости! —
Теплоту твоих коленей,
Притягательность груди.

Навсегда и в одночасье,
Средь житейских бурь и вьюг,
Ты — любовь моя и счастье,
Ты — спасательный мой круг.

1995

ВАСИЛЬ ЗУЁНОК

...

Ночь вешнею мембраною гудит,
Под небом — только ты и только я...
Да в лозняке над речкою звенит,
Тревожно бьется песня соловья...
Считается издревле у людей,
Как будто счастьем он — первейший брат.
Нас восхищает этот чудодей,
Но счастьем он, пожалуй, не богат...
Секрет познал я! Сберегу —
Как он — твою любовь, твою красу.
Теперь я всё сумею, всё смогу —
И песню соловьиную несу!

1965

ЖЕНЩИНА

Тебе — проклятье, и тебе — хвала,
Тебе — и сумасшествие, и разум,
А ты все та же — как столетий мгла:
Не просияла в будущем ни разу.

И жизнь, и смерть — меж ними образ твой,
Полярный холод и мгновенье счастья,
Еще никто — ни грешник, ни святой —
Над тайною твоею не был властен.

Отбросишь в пекло иль откроешь рай —
Твоя любовь секретом вечным будет,
Как тот никем не объяснимый край,
Куда уходят безвозвратно люди...

1987

С войны встречали матери сынов,
Присматривали загодя невесток.
А сын ее со всеми не пришел.
Пришло лишь: "Без вести пропал", — известье.

Друзья погоревали, земляки,
Слезу смахнула горестно дивчина:
Ко многим не вернулись женихи...
Да только сын для матери не сгинул.

И мать находит тысячи причин,
Из-за чего так долго сын в дороге,
И не спешит разгладить ей морщин,
И высушить лицо от слез тревоги.

Она среди уборов дорогих
Рубашки сына с грустью сохраняет
И в День Победы долго гладит их,
Безмолвно с ними говорит, вздыхая...

В ушах звучат слова: "Ты не грусти, —
Вернись: ведь сыновья не погибают.
Ты жди меня... — сказал. — Ты только жди!.."
И столько лет мать сына ожидает.

1955

СТУДЕНЧЕСКИЙ ЧЕМОДАН

Улыбнется кое-кто, наверно:
Ну и парень — опарашил свет!
Только это я скажу не первый:
— Чемодан мне — как курицу кисет.
Посмотри, чего в нем нету только:
Тут Купалы книжка и Бальзак,
Тут буфет студенческий, поскольку
Без него не проживешь никак.
В день, когда стипендия растает,
Весело буфет пустеет вмиг,
Ведь никто у нас не запирает
Чемоданы от друзей своих.
А когда попуткой грузовую
Я домой на пару дней качу, —
Будто вещь первейшую — с собою
Чемодан, конечно, прихвачу.
По дороге тряской “газик” скачет —
Чемодан мой креслом может быть.
Тут и повезет мне, не иначе,
Девушке местечко уступить.

Ну а дома — карапуз белявый
Возле чемодана в пляс пойдет:
“Что же из него, — вопрос лукавый —
Дядька на подарки извлечет?”
Так всегда, дорогой бы какую
Ты, студенческий мой жребий, ни повел —
Этот чемодан возьму с собою,
Как богатство первое свое.
Не беда, что вытерт несказанно,
Но за службу верную воспет!
И на блеск сверхмодных чемоданов
Я его не променяю. Нет!

1955

ПУТЬ

Как дыхание: вдох и выдох, —
Так и жизнь: рождение — смерть.
И ни будней, ни празднеств завидных:
Над мгновеньем — забвения смерч.

Как свобода и жизнь не сойдутся,
Не понять никаким мудрецам.
И что путь от жизни проснуться —
Это путь пойти к праотцам.

Путь туда, где свободные силы
От земных улетают теней...
...Вы ж пошли от свежей могилы,
Как от смерти сбежали своей...

1993

На ветрах догорает моя золотая дуброва,
И Полярной звездой начертан мой путь.
Она там, где все хмурит метелица снежные
брови,
И никто не утешит, не вникнет в ее леденящую
суть.

Будет всё, как всегда, — замечается лоно
земное,
И никто не заметит, как в холоде этом сгоришь.
Сам себе перекрестится крест деревянной
рукою:
Будто видит вину, ту, с которой ты всё пред
живыми стоишь.

1995

...
Хоть я не Бог, я вам даю свободу
От вечного, позорного ярма, —
И заповедь даю: не быть народу,
Коль нет огня в душе и нет ума.

Коль в мире грозном не пылает зорькой
Его талант, и гений у толпы
Чужую милость просит речью чуждой

горько, —

Тогда живите на земле, рабы!..

1991

Смоет паводок времени жестко
Думы, книги, мечты и кошмары.
Простумят у дороги короткой
Первоцветных полян пожары.

Ни весны, ни зимы, ни лета.
Даже осень прийти не захочет...
Остается одно — над Вселенной
Матерей наших тихие очи...

1987

Не верю слову. Слово — только звук
А истина — безмолвна, словно память.
Глядит творенье гениальных рук,
Глядит Мадонна, — а Хатынь кровавит...

1987

Когда гнетёт молчанья кара,
Я только голос твой хочу,
Как эхо, слышать хоть чуть-чуть,
Как благовест святого дара.

Но нет ответа. Лишь страданья.
Одна надежда греет нас.
Вопросов тоже нет сейчас:
Сгорело все до основанья.
1987

Живое многоточье журавлей
Уходит со страницы вечной неба,
Оставив многозначно, без затей
Прошедший день безжалостно и слепо...

А завтрашний? Как прочитать его?
Понять письмен сокрытые законы,
Что проступают с дальних берегов
Курлыканьем небес неутоленным?

Минувшее руки не подает,
А будущее где-то за веками.
Последний клин уходит в небосвод
И жизнь мою смертельно рассекает.
1985

И всё — словно жизнь, — исключается:
Солнце, весна, цветенье...
Только дождь... Идет, не кончается —
Нет ни на миг избавленья.

И ты в "никогда" — укором
Уходишь — в тот дождь, как вечность,
В стылую ночь, за которой
Ни будущего, ни встречи.

1987

Люди всё строят вечность,
Да божьей глины не знают
И в слепоте беспечной
Ломают — не созидают.

Люди всё ищут вечность,
Без адреса мчатся, плутая,
А по дороге встречной
Вечность их не замечает.

Люди всё платят за вечность,
Ставят живым монументы,
Да славе сгибают плечи
Просроченные проценты.

Люди всё меряют вечность,
Как плащ, перед зеркалом времени,
А вечность живет беспечно —
Ни укоров, ни благодарений.

1991

На свете было всё, и всё прошло.
Какой там круг, какая там орбита —
Последняя ли, первая открыта?..
Минувшее еще не проросло,
А будущее всё — давно забыто.

1991

Былого не бывает,
Не знает тьма времен:
Атака лобовая —
Смысл жизни и закон.

Не знает отступлений
Космический разгон,
И первый день творенья —
Последний, может, он?

Не вырвать из былого
Ни судеб, ни дорог.
И в будущем не много
Открыть согласен Бог.

1987

Когда море в предгорья накатится в гости,
Когда звезды прошепчут забытое просто,
Когда ринутся хляби небес несусветно,
И планета загробьем дохнет неприветно,
Снова зернышко вдруг, что молчало веками,
Скажет, легким толчком пробиваючи камень,
Слово Божие: "Тайна сия велика есть..."

1987

Что на столе твоём, береза, утром рано?
— Чернобыльские ветры в тучах рваных.
— Тогда входи, попей со мною чаю:
Он от отчаяния вроде выручает.

А что, береза, будет на обед?
— Всё, что Чернобыль шлет за ветром вслед.
— Тогда входи, глотни со мною стопку,
И в белой, бают, черное потопнет.

А что достанется тебе на ужин серый?
— Чернобыль снова и печаль без меры.
— Тогда, прости, я приглашать не смею:
Сам, кажется, лишь это и имею...

1991

Скоро осень: звезды крупнеют,
И все чаще дожди, и туман
Веет тленом. Но верить не смею,
Что и лето прошло, как обман,

Что цветы зацветали напрасно,
И дожди проливались во мгле,
Что судьба безнадежно, не часто
Улыбалась на этой земле.

Не смиряется сердце с тоскою,
Не приемлет уныния знак,
Еще солнце одною ногою
Где-то в августе, может... Всё так...

Можно вычеркнуть день утомленный,
Только б чем оправдать вы смогли,
Что так яростно вспыхнули клены,
А улыбки от женщин ушли?..

Взвешенность и размеренность,
Гармония строгих формул, —
Да соловьиное: "Верую!" —
Взрывает мертвые догмы.

Так разум в абстракциях мудрствует,
На грани безумия ездит,
Как ранняя зорька напутствует,
Что луч — воплощенье созвездий.

Сушность живучести

Сушность надежности,

Вы без одной не бываете сложности,

Вы без одной не бываете сушности,

Вас укрепляет малая малость:

Чтобы в надежности сушность держалась,

Нужно,

чтоб сердце

в груди

не сломалось...

ОГОНЬ

С природою безмерной и извечной
Родство я ошушаю чрез огонь.
В единстве — ни границ, ни берегов,
А он — как обещание на встречу.

Я космос и пылинка. И меж нами —
Один огонь. Как вечности исток.
Огонь возносит — за витком виток —
И в память бьет хатынскими звонами.

Огонь творит, но и огонь лютует.
И в капельке одной — стихия спит.
Ум вопрошает: быть или не быть? —
А над землей — один огонь ликует.

Сгорают атом, дерево, распятые,
Чтоб возрождаться вновь день от дня.
Природа — вечная, а формы от огня,
Жизнь процветает в солнечных объятьях.

Огонь возносит, и огонь свергает,
Зовёт вперед, сжигает за грехи,
И в пламени безжалостном стихий
Жизнь процветает, верит, побеждает.

Сгорает всё. Нас не минует пламя
С природою сольемся, чтобы снова
Вернуться нам к истокам и основам
И начинать от Евы и Адама.

Мы выросли богами на планете, —
Как будто вечность благодарна дню.
И всё ж... И всё ж — помолимся огню,
Чтоб он людьми оставил нас на свете.

1981

ПОРУКА

Эпохам не бухали в груди,
О доле своей не кричали,
Молились: "Что будет, то будет..."
А больше — молчали.
История видеть привыкла
Судьбу белоруса:
Армяк, подпоясанный лыком,
Усы да чуб русский...
Не ловит вершин эпохальных,
И в доме своем бездомный,
И в смысле национальном —
Отнюдь не гордый, а темный.
Но он был не лыком шитый —
Наследник балта и росса.
Он сеял упорно жито
И тихо ласкал колосья.
Он ведал — быть урожаю.
Он верил — прорежется голос.
Над вражьем надменным ржаньем
Восстанут Купала и Колас!

Что сникли с насмешкой убогой?
Язык отнялся, панове?..
И нашим певцам на подмогу
Идет Максим Богданович!
И трое, подставив плечи,
Землю свою возвыщают.
Дивится лишь мир: человеческий
Голос и здесь бывает!..
Ты солнцем сердца согрело,
Могучее слово!
Таится лишь зуд застарелый
В мозгах бестолковых
И ходит про наши песни
! Погудка лихая:
Ты пой, дружище, хоть тресни,
И все же они отмирают...
И думы от холода стыннут.
Бывает, опустятся руки:
Ужели кричим мы в пустыне?..
Да слово восходит порукой!
Не будь же, не будь иноверцем
На отчем причале,
Восстань, восстань, мое сердце,
В пустыне молчанья!..

1972

В лесу три высоты, три силы знаю:
С комлей*, где бороны мох свесил,
там — стальная;
Вторая — выше, песенной отметиной,
Где солнце задыхается от меди.
А в облаках, в зеленой колыбели,
Начало жизни таинства лелеют...

Извечно из комлей венцы вязали,
Из сердцевин цимбалы вырезали,
Взмывали мыслью до вершин поэты
Познать — мгновенья, вечности — секреты...

Таким я знал тебя... Но сник в печали:
Не понял — где я... И пойму едва ли:
Ребристые, в подсечках, словно в ранах, —
О сосны, кто придумал вам Майданек?!
Кто твердою рукой подрезал жилы
И жизни рвет из вас — живую силу?..

* Комель, комли — нижняя, основная, прилегающая к корню часть дерева (*Прим. ред.*).

Найду!

И перед вашим, сосны, вече,
На том суде — лесном и человеческом —
Спрошу: из наших изб, — пусть отвечает, —
Дух почему смолистый исчезает,
И гниль сосновые венцы берет?

И вяло

И глухо почему поют цимбалы?
И почему никак поэтов думы,
Взлететь не могут от пустого шума?..
И если он смолчит, так вы — кричите!
Кричите, сосны! Сосны — не молчите...

1965

ПРОЩАНИЕ КАЛИНОВСКОГО

Кто отгадает и кто мне скажет, —
Пока молчит народ, —
Какая правда на сердце ляжет
Мне в трехтысячный год?

Одно только знаю: Бог нас покинул. —
Страшней петли и тюрьмы! —
Пока мы все еще не страна литвинов:
То край, то окраина мы.

Одно только знаю: восстать за волю —
Свою — обязан народ,
Иначе вечно будет бездольным.
Реки взрывают лед.

Дороги не купишь за пять копеек —
И жизнью не жаль своих.
Бунт не на площади, в душах зреет
И умирает в них.

Пока будет в нашем родимом крае
Хотя бы память жива,
То не считайте, что мы проиграли.
Народ предъявит права.

1983

Жизнь наша — и прощанье, и обман:
Мгла в прошлом, в будущем туман.

Жизнь — лишь вопросы на крестах дорог:
Рок начертал да разгадать не смог.

Но жизнь — молитва небу и земле,
Бессмертья миг в непостижимой мгле.

1997

СНОВА ТАК БЫ...

Снова так бы: нырнуть бы в травы,
Словно жаворонок — с головою
И до песни взлететь — не до славы,
Захлебнувшись, как он, синевою...

Снова так бы: ту стезю до рая
Отыскать, что утро лелеет.
И не ведать — что жизнь открывает,
И не знать — что за нею...

1997

Сорок лет пророк Моисей
По пустыне водил свое племя,
Чтоб навеки из памяти все
Истребили рабское семя.

Сорок лет из Египта шли
До земли, заповеданной Богом,
И рабски пророка кляли,
Только он не ускорил дорогу, —

Тот, кто ведал: дойдут тогда
И действительно воля воскреснет,
Если в рабской душе навсегда
Всё до капли рабство исчезнет.

Сорок лет — я тоже хожу,
И пустыней молчит дорога,
Сорок лет свое слово вожу,
Но за мной — никого. И за Богом.

Сорок лет звал народ свой в свет,
Чтоб за мною прошел пустыню,
Но пронзило: на сорок лет
Кто же землю свою покинет?..

1997

Нету свободы нигде.
Свобода — фантом убогий.
Свободы нет у людей,
Свободы нет и у Бога.

Самый невольный — он —
Вечность и Дух Природы:
Тяжкий полон испокон —
Рабство свободы.

Сначала забудешь вино
И к женщине после остынешь,
Затем и друзей на дно
Бездонное памяти кинешь...

И всё: не живи, догорай
Звездой, как росчерком спички,
И падай бессильно на край,
Где жалкие тлеют привычки...

Жизнь — прощанье с самим собою:
Каждый миг, каждый день, каждый век.
Нет в движении перебоев,
Неподкупен времени бег.

Ни свернуть, ни умаслить дарами:
Правы время, движенье — увы!
Я иным завтра встречусь с вами,
Как иными будете вы.

И не знаем лучшей дороги,
И надежды вернее нет,
Что таится там, за порогом,
Где ведет неизвестности след.

Всё: восходы, закаты, свиданья,
Рук объятья, и детский смех,
И травинка в росе, — всё прощанье.
Всё — движенье и времени бег.

1978

Молитвы разные слышать пришлось, —
От слез прогорают каменья,
И — тихие: просьбы того, кто тут гость, —
Дать вечное успокоенье.

Слушал хоралы, что гасят свечу —
И сам, как умел, молился.
Но я о другом сказать хочу —
Как мир мне в слове открылся:

И грешник, и даже святой до тшеты —
С душой, что в молитвах мается, —
Извечно с Всевышним только на "ты" —
Никто на "вы" не общается...

* * *

В пророческих книгах не сыщешь нигде,
И занавес вечность не снимет:
Какими предстанем на Страшном суде —
Бессильными иль молодыми?..

Наверно, от Бога остался завет:
Тот знак зачеркнуть на скрижалях, —
Чтоб мы не спешили идти на тот свет,
До старости доживали...

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ ДВОРА

Поэма печали и надежды

I

Далеко — как восток от запада,
Далеко — как север от юга,
Далеко так ты от меня...

Как не встретятся — запад с востоком,
Как не встретятся — север с югом,
Так не встретимся мы с тобой...

Как едины — запад с востоком,
Как и север с югом едины —
Так едины и мы с тобой...

Я долго искал центр Вселенной...

Я долго искал центр Вселенной
Или нашей хотя бы Галактики.
И выяснилось — под секретом отменным
Тайну в сейфе замок стиснул лапами.

Тщетно у всех ученых выпытывал —
От Птолемея до кандидатов
Наук всезнающих и самых хитрых
(Имена опустим — их многогато)...

В этом сумбурном, мятущемся мире,
Где в душах господствуют ложь и безверье,
Где в думках ветер плутает сирий,
Где человек превращается в зверя...

Где в основной гегемонной массе
Смысл бытия — похлебка с наваром,
Где вздумчиво каждый третий спивался,
А двое давно уж спились на пбру...

Где в планах рисуем, мучаясь, дом европейский
И в доме надежд отмечаем риски* —
А рядом взрываем свой дом по-злодейски,
На слом пускаем Немигу в Минске...

Где Чернобыль котлом закипает дьявольским —
Земного ада прообраз,
И тут же черту мощну набивает запуском
Все новых АЭС наш Homo vantrobus...

Где не только живыми отринутый,
Но даже проклятый мертвыми,
“Отец всех народов” лежит — покинутый,
Да не забытый: наследники выются когортами...

Где работают страшные механизмы
“От лица...” и “Во имя народа...” —
Эдемы хрущевского коммунизма
Образца восьмидесятого года...

* Риски — здесь черточки (*Прим. переводчика*).

Где тяжело в советниках царских ходить:
Чтоб голова на плечах уцелела,
Нужно мудрее, чем царская, быть
Казаться глупейшей, осатанелой...

Где партсброды, как будто партстрахи:
Маячат в глазах неформалы —
Как знак неизбежного краха,
Предчувствие партразвала...

Где душу белорусскую продает
"Инженер-механик" за план и проценты,
Козырную шестеркой безъязычье свое
Выкладывает перед Центром... —

Я в этом мире и день, и ночь
Тропинку отыскиваю духовную,
Я солнце зову, что уходит прочь,
И пристанище думам ищу негреховное.

Мне в душу сегодня смотрела звезда
И спрашивала участливо,
О том, что будничность глушит всегда
Своею поступью властной.

Куда она позвала и вела? —
И горе в глазах безмерное...
Мне видится двор в начале села —
Пристань моя неизменная...

Чтоб навсегда наглядеться,
Чем была, чем жила в трудах:
Ну а что, если после смерти
Не придется вернуться сюда?..

Когда хозяин навечно уходит
Или хозяйка следом за ним,
Душа заботу еще находит —
Сорок дней помогать живым.

Забор поправить, выполоть грядки,
Выйти в поле в последний раз,
Навести во дворе и в сарае порядок
И курам дать корм про запас.

Сделать так, чтобы каждый уважил, —
Сорок дней незримо летает душа:
Раньше всех она встанет и позже ляжет.
Сорок дней нужно путь земной завершать...

Сорок дней этих жил я с душою мамы.
А моя где была — не дано ведать мне...
Сорок дней — мамин вздох наипоследний самый:
Ну а вдруг не управлюсь за сорок дней?..

*И как душу, огонь из печи
смертно вырвали...*

В хате вечером печь осталась нетопленной,
У соседей обед поминальный варили...
А бывало ль давно: тягой гулкой не сломленный,
В небо дым уносил свои крылья...

Чугуны, сковородки, семейство горшочное...
Прямо с маминых рук шли в огонь чередою.
Сколько их на загниётке привечено
И ухватом и кочергою...

Лезли первыми в печь пузачи двухведерные, —
Чтоб на поило приварок упред для буренки,
С картошкой и свеклой, ботвою зеленою, —
Чтобы сало на кормнике не было тонким.

А поближе — себе в печке ставилось варено:
На обед (да и к ужину чтобы хватило),
Всем работникам мама тушила и парила...
А на завтрак яичница с салом плясала.

Если ж хлеб выпекался, то все старожилы
Выселялись из печки, и коврига покатая
На дубовых листах с нежным веером жилок,
Словно с полки, нб пол сходила с лопаты...

Этим днем подбирались дрова образцово:
На тепло — березняк с чечетки*- толстушки,
А для духа — охапка поленьев кленовых, —
Чтобы сладкий вкус осел на горбушки.

* Чечетка — карельская береза (*Прим. переводчи-
ка*).

Кочергою в запечье и жар, и жаринки
Выгребались. Затем помело бороδοю
Выметало пылинки и пепелинки,
Пьяня смолою своей молодою.
Закрывалась печь, словно крепость

всевластная, —

И никто потревожить не смел до обеда.
Над трубою лишь слышали чуткие ласточки,
Что ведется там тихо, неспешно беседа.

Во шеломах, как рыцари, говорили буханки
О пшеничных раздольях, васильки вспоминали,
Журавлей на закате багряном гулянки
И русалок мачулинских, что парней чаровали...

Волновалась тут мама: как будет готовым
Хлеб, нельзя упустить ни минуты.
Раскрывались все вьюшки — и хлебной обновы
Дух в трубу вырывался победным салютом!

После облаком легким на деревню садился,
Аппетитно топорщил усы у соседа,
Меж соседок веселой беседой кружился
И детей в тот же миг собирал пообедать...

Здесь труба была, словно мирской информатор,
Что сельчанам все новости честно рассказывал,
И стоял над домами, как телетранслятор, —
Правда, нюхать давал только, а не показывал.

Извещал, у кого свеженина доспела,
Кто свекольник варил, кто пустую капусту,
Где к горшку каша постная пригорела,
У кого лепешки покраснели до хруста.

Если ж тиснули каплю хмельную из браги,
И наводчиком и ориентиром,
Ты служила, труба, для страдальцев отваги —
Участкового и бригадира.

Выходных печь не ведала, как и отгулов,
С ней и мамины дни не знали покоя,
И небесная сила в трубу их тянула
Неизвестной, незримой, всеильной рукою.

Дирижер симфонично-печного оркестра —
Мама лад вела чепелю*,
Ежедневно творили свой танец безвестный
Пламя, дым и дрова со смолою.

Сколько тут исходила она, передумала?
Вот ученые, может, когда-то померяют.
Подтвердили рекорды бы недоступное:
За всю жизнь, наверно, дошла до Америки.

Удивишь ли Америку? Перескинешь ли трапы
Этим в книгу рекордов Гиннеса,
Если рядом с творцом столько черных сатранов
Чинят действия, где Божие гинет всё...

* чепела — кочерга (*Прим. переводчика*).

Мир прогрессом набил себе крупно оскому...
Только пользы и в этой грызне не утратили
Колесо первобытное да очаг задымленный —
Два великих прораба цивилизации.

Лежаки, стояки, печи, трубы, каминь...
Мужики до светлиц выводили, заботились.
Над деревней стояли вы, как побратимы, —
Сколько вас ни крушили и сколько ни шкодили.

Печи... Из пепелищ монументами стройными
Вслед врагам вы смотрели угрюмо и грозно.
Печи хат... Словно вежи застойной хроники:
Отдавали жилплощадь галкам под гнезда.

Трубы... Жизнь вас тоже не миновала.
Что ни печь — меты времени, судеб причалы:
Эта — красного камня, та — литого металла,
Здесь — дырявым ведром увенчалась...

То курили вы важно, как после застолья,
То гудели, как брюхо пустынно-порожнее,
То склонялись покорно с молитвой о доле...
Были печи — совсем безбожные.

Не на службу святую трубы органные,
А безбожно для обогрева поставили:
Из органных — трубы печные сварганили —
Пусть выводят песню о Сталине!

И как будто над каждой стрехой осужденной
Вождь свою знаменитую трубку высовывал,
И на самой толстой трубе луженой
Выводил дым ноту басовую.

На печах возлежали деды атеистами,
Грели старые кости ночами холодными,
Бабки хлеб на поду выпекали огнистом,
Рок просеивал жизнь временами
бесплодными...

Новый век — и дым с научным характером —
Диссертаций читает лоции,
И дымятся печи, как трубы реакторов:
Все дрова отравлены стронцием.

Как графитные стержни, комли плечистые,
Плахи "грязные" с атомной пробой,
Хоть смолистые, да — нечистые:
Стала печь деревенским Чернобылем...

Хоть Европу дозиметр не затреплет —
Нам в достаток будет обжиться:
И от выбросов с дымом, и с нуклидами пепел
Под капусту, морковь, под чеснок разбежится...

Из нетопленной печи этим утром февральским
Я взошел над Мочулищем облачком дымным.
Под иконою мама отдыхает по-райски —
И снятся ей сны, еще не известные сыну...

Я читаю их смысл в поднебесии хмуром,
Как великую книгу на последней странице.
Облака пролетают над дорогой понурой
И у каждого — стронций слезой на ресницах.

Ты не ведаешь, мама, тех ученых секретов
С той незримой войны, где из нас каждый
лишний...

Ты молилась о всех, но всех меньше при этом
О себе вспоминала перед Всевышним...

Ты не слышала даже о докторе Гейле,
О меню, что для зон загрязненных он стряпал.
По-крестьянски был щедрым кухонный твой
гений:

Ты кормила, чтоб каждый был сильным и
справным.

Печь сегодня бездымна, печальна, безмолвна,
И труба над стрехой, будто аист пред вылетом,
Сиротливо стоит, безнадежно, безвольно,
И, как душу, огонь из печи смертно вырвали...

III

Расчленили природу на флору и фауну,
Рассекретили Бога до генов и атомов,
Оболгали мы жизнь языками-профанами,
Дух упрятали свой за решетку цитатную.

Облучили леса — отлучили от птичьего щебета,
Дохимичили в поле последнего жаворонка.
И от делов саблей — луною ущербною —
Мы победно судьбу отрубили правнуков.

На дороге, где обгоняли Америку,
Поминальными свечками ракеты поставили,
И, свободы вдохнув, мы наивно поверили:
Из Кремля выносим последнего Сталина.

Над землей водородную бомбу повесили
И подружку ее начинили микробами,
Отслужили молебен авансом и весело
Мы от премии Нобеля дошли до Чернобыля.

Всё себе добывали трудом агитации,
И живем чин по чину — пролетарскою братией:
Что ни шаг — радиация с мелиорацией
Да нитратия с бюрократией.

Есть и хлеб, и до хлеба...

В застолье транзистором
Каравай пшеничный
лучится чудесно:
Словно радиоволны
нуклиды искрами
Сказ доносят глухой,
бессловестный.

Мой отчий край та туча обошла
Мама у нас была прогрессивная —
"Ликбез" ей позволил букв пять узнать,
А слоги на седьмом десятке осилила
И стала из газет заголовки читать.

На грядках своих была академиком,
Не ведая звезд, все же знала час,
Когда посадить и убрать. И от "телека"
Любила идеи копить про запас.

Я маме твердил: отравляет
И песни жаворонков губит подряд
Полей и речушек —
 слезливый,
Щедрый и чуткий —
 Кат-химикат.

А мама от гусениц, что в мотыльковые метят
чины,

Полной пригоршней, как солят капусту —
Все молоденькие, в пять листов, кочаны,
Чтоб на полпуда росли, посыпала дустом.

Не верила, что яд сеет щедрой рукой —
Городское, значит нужно, чтоб людем служило.
И всем, что рубль приносило,
Не брезговала, дорожила.

Не верила... Как поверить не может сегодня —
И никто не переубедит силком, —
Бабка в радиационной зоне,
Что может ее такая спокойненькая коровка
(При ней говорить и неловко)
Давать отравленное молоко...

С двух сторон — окруженье деревни моей
Загородье и загуменье:
Здесь — хлеб собирали гумна с полей,
А тут — шло в рост огородное зелье.

Лежали планетами тыквы — по-нашему гарбузы,
Лук и чеснок зеленые перья тянули,
Подсолнухи солнце цедили в литые, из меди, тазы...
Но не они далеко своей славой шагнули...

Мочулище — столица огурцов:
На вкус небесные, по качеству — с медалью.
На стол холопенцев, а то и минчуков —
Желанные — на закуску попадали!..

Небесные — да-да, не для очей,
Укусишь — и немеешь без причины.
Тут и росистый холодок ночей,
И солнца дух, и первоцвет пчелиный, —

От грядки не уйдешь ни на чуток,
Когда из-под листа блеснет молодчик...
А на огурчик клали вам медок?
Тогда всё трижды перемножьте срочно!

Дебеленькие — с хрустом — на засол.
Зимою с тмином, с луком вперемешку,
Из бочки выйдет важно, как посол,
Картошке добрую даря усмешку.

Мочулище — подлесков горизонт,
А с тылу их затишьем подпирали
Леса и две речушки — оборонный фронт —
И грели огороды и ласкали.

Всё бушевало, словно в парнике,
Дожди ходили, будто по заказу.
Огурчик, не обиженный никем,
По-нански жил и не подвел ни разу...

Леса срубили, срезали кусты,
Бульдозером засыпали криницы.
Пока еще Чернобылю родиться,
ТЭЦ в небесах развесила хвосты.
Дым восхищал вначале красотой
И радовал вершинами прогресса,
Пока не отозвался он бедой:
Чернобыльским — еще страшнейшим —
стрессом.

Мой огчий край та туча обошла —
Грибы в Мочулище готовят без опаски,
А вот же немощь огурны нашла:
Съедает плети некий дух чужацкий.
С росой кислотной лукомльский туман
Из трех печей однажды выпадает, —
И облизнись ты, городской гурман:
Желтеет лист и завязь молодая...

Замкнул мелиоратор чертов круг:
Сухие ветры парниковый дух
Развеяли, погнали вдоль канавы —
И огуречный первоцвет затух,
Утратил в Наче на прописку право
Последний окунь и пескарь вертлявый...

* * *

Сергей Законников, мой побратим, поэт,
Дитя земли Озерной и лазурной,
Поведал, как рыбацкий этикет
Оформлен в тех краях номенклатурно.

Коль окунь на крючке — не на весь мир,
А так себе, фунтово-полфунтовый, —
Рыбак отметит: "Клкнул бригадир", —
И поплюет, чтоб был поклёвок новый.

Директором здесь значится судак.
Когда ж карась соскочит в челн невольно,
“ВРИО”, — причмокнет, как веслом, рыбак:
“Обязанности временно исполнил...”

Бывает исключенье из фортуны:
Ленивый лещ иль сонный сом-охотник,
И леска зазвенит, как сотня струн, —
Кричит рыбак: “Попался партработник!..”

...Стою, где тень былой моей реки —
На берегу щемящей, вечной раны:
Когда-то мы — подростки-рыбаки —
Тут в бредень брали карпа-ветерана,
В “топтуху” приглашали окуней,
И головлей глазастых загоняли,
Тянули сеть на щук и на линей,
Вьюнов, бывало, и руками брали.
Без похвальбы скажу: бывал улов —
На пять гулянок и на пять столов!..

Я помню, как заглушку, словно кляп,
Криничке в горло тискали цементом,
Горланили: “Не выбило хотя б!..” —
Душили безо всяких сантиментов.

Родник же бил могучею струей,
С очей смывая злую катаракту, —
Так умирять цементною броней
Пришлось потом чернобыльский реактор.
Да разница была: там на дыбы
Вставала смерть. Тогда же, у криницы,
Глушили жизнь. Сил не было молиться.
И не восстал никто против судьбы...

Давно угасла Талинка-река
И Нача — лишь в канаве-домовине.
Мне страшно: встретит вдруг как чужака
Село без мамы — не признает сына.

Умолкли под землею — нет криниц,
Что речку рыбную из глубины поили, —
Еще страшней: по-рабски падать ниц,
Бездушно покаясь темной силе.

Однажды и пожизненно решить,
Что "улучшальник" ты — "мелиоратор",
И кровь земли живую жадно пить,
Животных умных разуму учить,
Людей от бездуховности лечить,
Не понимая, что ты сам душой горбатый...

Село забудет — лишь вини себя,
Себя кляни и приговора требуй.
А ты забудешь — будешь век, скорбя,
Страдать: не проклянут земля и небо...

Над Начею — трагедии аншлаг...
Где до криниц, где до нуклидов стежки?..
“Мой отчий край та туча обошла...” —
Себя я утешаю безутешно...

IV

Декабрь отслужил и январь прошел —
Дети бесснежной зимы-оборванки,
Февраль за ними спешит гольшом,
Бежит по выбоистой Погулянке.

Пугает озимые этот бег,
Что с громом зимним на пару заухал...
Страдают посевы: где же тот снег,
Что с неба летит умолоту порукой?

Летит, как при севе зерно из руки, —
Метагалактика с доброю метой:
Не бегать за хлебом нам в батраки,
Со щедрою жатвой должно быть лето.

Чтобы на нивах не спали серпы
И отдыха чтоб не просили комбайны...
...Вот он, горбатенький серп, что в снопы
Жито всю жизнь собирал неустанно.

Тронь рукоять — не она ль горячей
Ладони шершавой, мозольной?
Спроси, и припомнит, как на плече
В поле хаживал он и с поля.

Гнулся и жниц сгибал до земли,
Без жалости и без печали,
А жницы венки из колосьев плели
И песней его привечали.

Только потом на поля пришла
Жатка, расправив крылья,
Ну а комбайн, к удивленью села,
Привез стосерповую силу...

А серп? Макуху над речкою жал
Да жгучку-крапиву в канавах...
После и тут списали. И ржа
В тело полезла отравой...

Вот он — под балкою нос — висит,
Пенсионер, теперь уже вечный,
Серп закаленный... А мама спит
И на полях не согнет больше плечи...

*Житейко стояло,
голосом кричало...*

И на поле, и на свинарнике
Не последней мама была —
Вставала она рано-раненько,
Хлюпотала, словно пчела.

Да не знала успеха ударного,
И с нее на весь сельсовет
Насмехалась всегда фотография,
Что с Почетной доски ей глядела вослед.

Хоть не слишком великим начальником
Был в районе тот Поплавок,
Да портфель носил без отчаянья,
Курс партийный знал назубок.

Он и вывел Дарью в стахановки —
Из-под правящего крыла.
Как шептала ему:

“Желанненький...”

Первача горячее была.

С той поры стало тело Дарьино —
Поплавок очей не сводил, —
От пупка до плеч замедалено.
До звезды черёд доходил.

Говорила мне мама с потехою —
Не свинарник был, а детсад:
Как, бывало, комиссия ехала —
Мыли Дарьиных поросят.

Элак любо все было и мило,
Да застаивался социализм,
Зазвенели медали уныло,
Покатилась и Дарья вниз.

Обошлись и с начальством туго.
Но привычку сберег Поплавок.
Даже если бежал за угол —
По нужде, — всё портфель он волок...

* * *

Мама в поле любила отведки...
К зрелым нивам и к озими росной.
И в последнее лето, хоть редко,
Словно в гости, водил ее посох...

На дожинки иль на досевки
Горевала с Мочулишем вместе:
“В города разбежались девки —
Не услышишь даже и песни...”

И жнивье вспоминало бывшее:
“Раньше жнешь, а руки гадают:
Скоро ль вечер? А ныне героем
Поле хлопец один убирает...”

А страда настанет крутая —
Всё комбайнами будет схвачено.
Только жаль, что души мельчают —
И хозяйская жилка утрачена.

Что машина пришла на выручку
Хорошо. Но морока с окладами.
Загнало землелашца “в бутылочку”:
Раз копнет — и на рубль поглядывает”

И как есть, по заслугам, по чину
Мать честила "волкоголиков":

Если б раньше таким был мужчина,
То ходил бы голодным и голеньким

А теперь и все старцы в танцы
Припустились: привольно живется.
При хозяйстве — не голодранцы,
Деньги есть — и поется, и пьется..."

Но какие б ни мучили боли,
Заслонить они свет не могли, —
Мама поле любила и волю
Этой бедной печальной земли.

Городской жизни век не завидовала.
Помню, выйдет, как на село,
На балкон и дивится видами:
"И откуда людей намело?..."

Говорила: не люди, а ходики,
Словно гирю подтянут на день —
И бегут...

Ни старых, ни молоденьких —
На лицо одно. Только лишь тень...

И гоститься совсем не любила.
Чуть не тут же просилась в село.
И ничто — городской силой —
Удержать ее не могло.

Да и чем удержать? Со вздохами
Утро мчалось с утра на трамвай,
Гнало всех на встречу с эпохой —
То к станку, то в чиновничий рай.

Деть тянулся конягою взмыленным...
Как из гонки отпустит нас?
Облик каждого будто вылинял,
И по душам прошел тарантас...

За дневными — заботы вечерние:
В магазин бежать будь готов...
И на улике очередь скверною
Извивается вдоль домов.

Будем все дефицитом затарены.
Давку — самый наш главный бой —
Отстоим! Всех стран пролетарии,
С нами соединяйте строй!..

Суета и смута давили нас,
И просила мама тишком:
"Если б я еще была сильная,
Не болела б — ушла бы пешком..."

И сегодня тот голос, как рядом,
Каждый год вновь в село зовет:
"И зачем вам лететь куда-то
На какой такой чертов курорт?"

На жатве загон — мамин солнечный Крым.
Полоска — курортная мамина зона...
Дивилась потом: "Как это старым
Деньги задаром дают, по закону?..

На печке лежит, иль на лавке сидит,
Или похаживает на подворье,
А пенсия почтой исправно летит —
Приносят: бери — никаких разговоров..."

Вот эдак... Как будто забылось на нет,
Травой поросло, унесло водою:
Как воевала с осотом чуть свет,
С сурепкою горькой и лебедою.

Как ниву по горстке клонила,
Тугие снопы перевяслом вязала.
Один — государство поставило в герб,
А вот о тебе — хоть бы слово сказало...

Следило зато, и следил бригадир,
Чтоб минимум ты трудодней отслужила, —
Иначе под суд поведет конвоир, —
Чтоб на принудилровку рабски ходила...

И все же — из радостей радость была,
Когда золотая созревшая нива
Девчат, как на праздник престольный, вела,
И ветер играл колосистою гривой.

Девчата искали тогда спорыши,
Чтоб спорилась нива и в новых посевах,
И нечто такое, что в недрах души
Таилось о чем-то и жило в напевах:

“Не все, не все повенчаются,
Что любятся да встречаются...”

И первый кидали сноп весело вверх —
Родит пусть на лето, чтоб серп выгибался,
Просили у поля девчата теперь
Достатка, трудом что великим давался.

И жаворонки — полевые звонки —
Как звезды с небес, на косынки слетали
С известьем счастливым, что с легкой руки
Начало жнивья на селе повстречали.

И шмыгали остро носами серпы,
И жницы, склонившись, как в вечном поклоне,
Поля обходили с молчаньем скупым —
Одно за другим — до огня на ладонях...

Я не слышал, чтоб на людях пела мама,
Больше слез на ее выпадало веку.
Всё же песен память держала немало,
И одна до сих пор у меня на слуху:

Житейко стояло,
Голосом кричало:
Девочки-сестрицы,
Вы ж меня сожните!..
Тяжко мне стояти,
Колосом махати...

Я лежал на снопах, на постели суровой,
Под ржаным одеялом, дарившим тепло,
Мне колосья шептали заветное слово
О терпении зерен, что хлеб принесло.

Но криком кричал, несмышлениш упрямый,
Потому что еще не умел говорить.
От серпа разгибалась натруженно мама,
Чтоб склониться ко мне и меня покормить.

Рассыпалось искринками солнцево месиво,
Сон меня побеждал, и в глазах голубых,
Словно дети, что за руки взялись превесело,
По полям хороводы водили снопы...

Ой, пора нам домой, пора,
Холодная роса пала,
Холодная роса пала,
Темная ночка настала...

И эта вот песня была в цене,
Я ее изо всех обозначил:
Мама на руки брала меня во сне,
Мой страдный кончался горячий...

До свиданья,
Широкое поле,
Жито ядреное,
До свиданья!
На здоровье,
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
На здоровье!
Приходите
Завтра раненько,
Как солнышко взойдет,
Приходите!..

Книги хранят молчанье свое,
И песни в книгах застыли немые.
Когда же вновь мы их запоем?
И запоем ли, покуда живые?..

Может быть, только в те сорок дней
Душа на росстани встрепенется,
И песня жнивная вечером в ней,
Как нива созревшая, всколыхнется.

Перепелка,
Ты не вей гнезdecko
В край дорожки!
Перепелка,
Пастушки погонят,
Гнездышко распорют,
Перепелка...

Я маме сказал: "Комбайн заглушил
Самые лучшие жнивные песни..."
А мама в ответ: "Сынок, не грехи, —
Будет хлеб на столе, так и песня воскреснет..."

Не на дожинки мама ушла —
Серп сиротливо висел под пове́тью.
Над полем зимним вечная хата плыла:
Вечной жнеи на вечной планете...

Житейко стояло,
Голосом кричало...

V

Бредит успехом транзистор —
Хвалиться еще не отвык.
Да там, где наш рай прописан,
Всё ж прикусил язык.

И волны с иною речью
Настроены на "маяки":
"Вы звезды несете навстречу,
Но тлеют вокруг мужики..."

Тлеют от непогоды
И от нехватки кормов,
Тлеют от недорода,
От пустопорожних слов.

Тлеют от бездорожья
И от безлюдья, и так
Тлеют, — иначе не сможет
Светиться эпохи "маяк" —

Надежда номенклатуры,
Ее спасательный круг,
Системы, какую в натуре
Я встретил, минуя луг...

Говорят, где-то в рай здесь дорога...

Я встретился с дивной процессией,
Что запрудила Погулянку, —
На дворе — плюс двадцать по Цельсию,
А в дубленках все и в ушанках:

Кто в бобровой, а больше — из пыжика.
На лицо — знакомых немало.
Самодельные крестики выжжены,
И над всеми лозунг болтало, —

Как бывало на демонстрации,
Только буквы непросто слиняли:
"Отвоюем, что в битвах утратили, —
Рай земной на небесный сменяем!"

И такие все сдержанно-правильные,
Как параграфы протокольные, —
Будто снова восстание справили
И дошли до небесного Смольного...

Страх унял я довольно отчаянно,
Кое с кем поздоровался браво,
А "Полесьеводстроя" начальника
Подпихнул плечом до канавы:

— Вот тебе и навар с осушения,
И не нужно — как пред Стиксом, —
Перевоза ждать...

Да шельма,
Отвернувшись, перекрестился:

— Перейти оно, правда, можно:
Шаг ступил — и на том уже свете, —
Только ж — где? О, Боженька-Боже,
Что-то гарью тут пахнет ветер...
Не из ада ли дух наплывает?
И уж дьявольские референты,
Чтоб поджарить, закольцевали
Нас и в факты, и в аргументы?..

— Я и сам бы многих засунул
В тот котел!..

Как бойцу пропаганды,
Мне особенно с этими ясно,
Что в торговле взрастили банду.
И порядки тогда сотворили:
Тридцать пять человеко-мильёнов —
Среди дня и при самой силе —
Ставит в очередь неуклонно!
И “трудились” — как за медали!..
Вот и тут, — буркнул лектор сердито, —
У прилавка толпу собрали,
Как и ранее за дефицитом:
Говорят, где-то в рай здесь дорога —
У Мочулищ... Только не просто
Прошмыгнуть, и мандаты строго
Контролирует Петр-апостол...
Председатель мандатной комиссии,
Человек будто свой, аппаратный,
А вот еле над нами возвысили,
И уж корчит и тут бюрократ.
“Что вам рай — вы же свой смухлевали
На земле”, — и смеется похабно.
Знаем мы эти трали-вали —
За таким смотри неослабно!..

Тут аж ёкнул один, как от боли:
— У меня б он в Сибири копался!..
И наларник его, что с трубою,
Страшный суд объявить собрался...
Михаил, как и тот... Архангел...
Ишь, завел свою песню скрипучую:
"Мало тезка мой вас переучивал...
Подравняйте, товарищи, флажки —
И вперед все для чистки, поштучно!.."

По команде (как "сено-солома")
Стали строиться тут нестройно.
Агроном лишь из агропрома
Всё толкался, чтоб встать достойно:

— Пропустите с ученою степенью!..
— Ну, а ты что стоишь, как олух?! —
Пробиралась супруга вспененно,
А за ней — академик-филолог...

Тут дедок обозначился шустрый:
— Что дают? Помидоры? Капусту?
Из инспекции я — проверяю...
— Да какое "дают" — отбирают!
И на свете том, коль не слабривать,
Не просунешься к райскому табору...

Братья — двое: купцы-самоеды,
Словно завтрак с жирным обедом,
И сестра их — торговка-холера,
Как утратив в Господа веру,
Голосили

Что было силы:

— Вы, сестрички-нитраточки,
Вы, нитратики-братики,
Вы, дружки-концентратики,
Подойдите вы к папочке —
Обличиле Обликову —
Гастроному Великому.
Вы ж его разбудите,
Вы ж ему подскажите:
Соберет пусть в дорогу
Нам для рая подмогу...

Тут же сразу толпою прибило
На тот плач ракетиров-дебилов:
— Видно, есть у них харч и без таты, —
Бей под дых — и без всяких нитратов!..

Так шумели, ругались и плакали...
А народу всё прибывало.
Только ангела щит позвякивал,
Как на митинге неформалов.

— Что ж, еще побушуют эдак,
Нужно дать им нюхнуть “черемухи” —
И тут ангел — крыло в два просвета —
Хмыкнул: “Рая отведают, олухи!..”

Как и все, я не знал, где к раю
У мочулинцев есть дорога,
Но смекал: когда умирают,
То идут среди поля ржаного,
Где пахали и хлеб растили,
Где, посеяв, зерно ожидали
И на всходы смотреть ходили,
Где серпом и комбайном жали
И где зернышки-недотроги
Брали, словно удел свой нелегкий... —

Если с той не свернешь дороги,
То и путь где-то в рай недалеко, —
Вон за тем островком березовым,
Что над нивою вечность слушает...

Я смотрел на толпу нервозную:
— Пусть канавой бредут, а не сушею...

Вдруг толпа расступилась,
Раскатились макушки шапок,
С кем-то толстым машина явилась
И трибуна за ним — как паперть.

— Что такое? Что здесь случилось?
Что за мертвый затор на марше?
Мы случайно не заблудились?
Где президиум? Выбрать забыли?
Я тогда объявляюсь старшим!..

Тут трибуну ему подставили —
Высотой, как мочулинцев хаты...
"Словно мед на душе... Как при Сталине..." —
Кто-то вытер слезу плутовато...

— Эй, вперед! И железной поступью,
Новой зры и веры апостолы! —
И пошел-покатился митинг,
Словно бухали динамитом.

И трибуну каждый оратор
Получил свою — точно по штату:
То "Трибуна успешного опыта",
То "Трибуна возможного ропота",
То "Трибуна пропагандиста",
То "Трибуна физкультуривиста",
То "Трибуна инициативных",
То "Трибуна идей коллективных"...

Вот такая религия века:
Не поклон пред самым человеком,
А трибунопоклонство начальниче
Всю толпу до экстаза мочалило.

Если слово брал "генеральный" —
То и возгласов грохот шквальный,
И овация длилась тут:
По хронометру — десять минут.
Если ж кто из его конкурентов —
Две минуты на аплодисменты,
А обычному, хоть и начальник, —
Полминуты — не больше — давали.

Если ж кто без начальничьей ласки,
Можно так, совсем без огласки...

И кончались все речи обычно
Обращеньем-программой зычной:

— Стройся ровно, интербригада, —
Установим на небе порядок!

— С молодым и всемирным задором
Этот свет на тот переборим!

— Медработник! Поставим клизму
Всероссийскому капитализму!

— Больше товаров Адаму с Евой, —
Хватит голым сидеть под деревом!

— Объявляем небес перескройку, —
Обуздаем райскую тройку!..

Правда, голос был и с подвохом:
Неформал земной затесался
(Как же — съезд, да чтоб он не пробрался?!),
Прочитал "Неформальные строфы",
А поскольку он язва эпохи,
То и в фондах — доносом — осталась:

Думы, слезы — оболганы резво —
И в цене лишь к власти лояльность...
Что в наш век заформаленно-трезвый
Неформальная гениальность?
От нее ни плугов, ни комбайнов,
Ни надоев, ни вырубки леса...
"Пустобрёхи и краснобаи" —
Крестит гневно кадилом пресса.

Гениальность — не производство,
Не соцбыт, не агрономия, —
Только выскочки-инородцы,
Только плач от Иеремии.

Ишь, спасти явился, гляди ты, —
Доктора от застойной отравы...
И зенон некий претя бритый
В храм чужой со своим уставом...

Иль свободы объявленной мало,
Или снится им наше кресло,
Или нам без них (не бывало!)
Путь в грядущее неизвестен?

Говорят: "А мы перестройку
Хоть немного поддержим снизу..."
То — слова, а в мыслях — нестойкость
И, возможно, одни экстремизмы?

И дубинки Система брала,
Из баллонов под нос газовала,
"Обращения..." принимала... —
Да не слушаются неформалы...

Неформально врываются в залы,
Из "формалов" чудиков строят,
Неформально берут неформалы
След, посыпанный черной икрою.

Неформально на всё тычут пальцем:
Если голый король — то и голый.
Неформально (как от монголов)
Сейм бегут проводить к латгальцам

И кипит министерств постояльцы,
Постоянные кресел держальцы,
И всезнайны путей и маршрутов,
И всемирных идей баламуты:
Открутить бы им, умникам, яйца

Ну, малыцы,

Ну, неформалыш...

Что тут, братцы мои, закипело! —
Как у нас на земле бывало,
Глоток тысяча тысяч сипела —
Шельмовали все неформала.

И клеймили его, как бестию:
— Это он, лазутчик писательский!..
Только там идейное месиво,
Только там тон такой издевательский...

Наконец, судилище это
Оборвал депутат райсовета,
Приковал внимание магнитом:
— Кто вам право давал на митинг?!
Как не совестно вам?..

Министры,
Да начальники, а смотрите:
Очутились все в экстремистах, —
Кто ваш санкционировал митинг?!

Тут и смолкли все: "Установка..." —
И напор — как секирой отсекло.
Не раскис только в битве чиновной
Лидер масс — Вперёдбатькивпекло.

Хоть до одури заговорились,
О дороге, что в рай, забыли, —

Он, газетных агиток автор,
Сочинитель речей, докладов:
"Все вперед! Путь — в светлое завтра!" —
Лозунг взвил по дороге к аду...

VI

"Чужой не завидуй копейке,
Коль собственный рубль прокурил..."
"Коль вожжи не держишь крепко,
Коня не гони с горы..."

"Не нокай, коль с лязгом и шумом
Плуг по камням заскакал..."
"Других поучать не вздумай,
Если себя не познал..."

"Мы сгубили в себе человека:
Натворить — так уж натворить!..
От криниц отвернули реки —
Стало нечего рекам пить..."

"Болтун, видно, самый богатый:
Языком гребет, как лопатой..."
"Про вижа, что любил подслушать,
Говорили: "Больной на уши..."

"Больше стопки не знали меры,
Да и та целый стол поила —
С ней шутивно скакал оберек*
И "Лявониha" в пляс ходила..."

* Оберек — польский народный танец (*Прим. ред.*).

“А в колхозе расставлены точки:
Каждый гриб знает свой пенек, —
Тот вприпрыжку лезет на кочку,
Тот упрячется под листок...”

“По команде жить попривыкли мы:
Эдак сей, а эдак “не велено”...”
“Видно, празднество нынче великое,
Раз в газете — целых три Ленина...”

“Побрались да помирились...”
“С мудрым дорого и молчанье...”
“Без любви на свадьбу решились —
Как с колодою пень повенчались...”

“Добрый мальчик — не харчевитый, —
Дурни много едят и пьют...”
“Бьют чужие — смейся, побитый,
Смерть тогда, коль свои побьют...”

“Не спасешь дурака от зазнайства,
Как из сена не выйдет калач...”
“Если рано проснулся — не кайся,
А женившись до срока — не плачь...”

“Какой в зыбку — такой и в могилку,
По родне родню выбирай...”
“Не таи ошибки в копилке,
Сделал доброе — не козырай...”

“Не скачи на краю могилы...”

“Не развеешь горем беду...”

“Ты на гору, собрав все силы,
Поднимаешься — чёрт на задугу!”

“На своем дворе
Куры, как при царе...”

“Не гони бога в лес,
Если в хату влез...”

Двор без мамы — народ без речи...

Птиц, деревьев, людей очами
Я гляжу на грудок* за селом...
Над Вселенной — зона молчанья...
Говорю я с родным двором...

Ты стал увеличительным стеклом,
Сквозь тебя смотрю я ежедневно
На мир минувший, что пошел на слом,
На мир грядущий на пути свяшенном...

Когда от грома атомной чумы
Трясется небо, где и Богу тесно,
Когда предвестье ядерной зимы
Сжимает мглой, метельной и зловещей,
Когда Чернобыль вычернил свой знак,
Ты остаешься мне живой надеждой, —
Галактика моя и мой маяк
В пространстве душ, где царствуют невежды.

* Грудок — пригорок (Прим. переводчика).

Когда "грибная карта" полосой
Прогнозов грозных мой район кромсает,
Поля изъедены чудовишной росой, —
Я дождь нуклидный слышу над лесами,

Где от Борисова идет на Толочин
Граница зон — загаженной и чистой —
Ровнехонько меж горок и ложбин,
Московскою дорогою лучистой.

Какая ручка и какой рукой
Ввела такой железный распорядок,
Чтоб не могли, как и на карте той,
Перебежать нуклиды автостраду?..

И в чистом уголке, как ни толкуй,
А вторит радиации сурово —
Не в первый раз уж на моем веку
Переселенцев плач из Могилёва...

Когда их гонит цезий со двора
На новые далекие причалы,
Мне вспоминается военная пора
И беженцы несчастные из Чаус.

Мочулище, как близких и родных,
Детей и взрослых приняло с участием:
Мы на бесхлебье ели вместе жмых,
Чтоб вместе выдержать и победить несчастья.

Со мною в доме жил ровесник мой,
И тоже Вася, только могилёвский.
Мы спали по дерюжкой одной...
Где ты теперь, мой из-под Чаус тёзка?..

Идут дожди — на пашни и жнивье —
И радоваться нам иль проклинать их?
Мы, как пришельцы, на дворе своем,
Мы — беженцы в своей родимой хате...

* * *

Двор без мамы — народ без речи...
Но огонь святой не погас.
Есть душа — будет слово вешее.
Собери, двор, разбросанных нас...

Нет, не будет Отчизна утрачена,
Если матери слово несут,
По слогам и по звукам означенным,
Как дыхание, детям дают.

Тропка в нашу начальную школку,
Что вела меня вдоль села,
Ныне в пахнушем лапнике колком:
Мама ею в бессмертье ушла.

Вот оно — в неразгаданных тайнах
Детских глаз. Это их урок:
От разлук, слез, от смерти случайной
Оградит нашу жизнь только рок.

Есть Отчизна и есть бессмертье.
Есть язык — не погибнет земля.
Не стереть на скрижалях столетий,
Слов, что помнит Отчизна моя.

По складам их читают дети,
Как когда-то и я читал.
Нет их звонче и краше на свете,
Как под небом свет этот стал.

И за партой мочулинской школы
Через тысячу лет прочтет
Первоклассник с улыбкой веселой:
“Мама, Родина, Слово, Народ...”

Что запомнится мне от родного двора?
В колоде дубовой два топора.
Лес рубили вдвоем и бревна тесали —
Венцы смолистые крепко вязали.

Горстка зерна — на подкормку цыплятам,
А рядом — воробышек вороватый:
Схватит, скакнет на поленницу дров —
Как каплю глотнет:

— Будь здоров!

— Будь здоров!..

И бог чистоты — рукомойник-старик
Да веник, что к чисткам авральным привык...

А что со двора взять с собою мне в свет?
На желтом песочке — мамин след.

29. 11. 89 — 5. 02. 90

КАЗИМИР КАМЕЙША

ОКНО НАПРОТИВ

Что в сердце вашем, осень ли, весна?
Вдали очей читать я не умею.
Стою напротив вашего окна,
Стою напротив, от надежд хмелея.

Неслышно ветер форточку открыл,
Туда-сюда передо мной болтает.
Ревнивый ваш опять ее закрыл,
Но форточка себя вновь открывает.

Сейчас в окне погаснет огонек,
Расправлены, конечно же, постели,
А я начну нелегкий монолог.
Когда б до вас слова те долетели!

"...Случайно с вами встретились в окне,
Иконою окно казалось мне.
Я за стеклом стою и день, и ночь.
Распятьем стало для меня окно.
Вы бросьте взгляд очарования своего,
Мне хватит, чтобы вам вернуть его..."

...Как долго движутся навстречу два окна,
Неужто встреча нам не суждена?!

1982

ИГНАТ КАНЧЕВСКИЙ

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПАННО

В Бернардинской обители шепчутся желтые
листья,
На тропинках блестят чуть приметно
скорлупки каштанов,
И в каналах вода от зимы и синее, и чище,
Говорит с валунами о лучших годах
беспрестанно

...И выходит таинственно вечером в позднюю
пору
Князь последний Литвы в волнах гаснувших
зыбкого света.
С бородой кучерявой — каштанов на тропках
узора, —
С страусиным пером, вознесенным над
черным берегом.

Не спеша, не прибавив ничутьочки шагу,
Он восходит на гору и к башне подходит
 громадной,
И, рукой опершись под плащом на злаченную
 шпагу,
До утра смотрит в дали притихшей страны
 необъятной.

Ждет... пока не рассеются тени ночи над
рекою,
Над водой побелевшей развеются сонные
чары,
И во мгле поплывут гордо лебеди вновь
чередою,
А над искрами рос заблестят очи нежной
Барбары.

19237

ЯКУБ КОЛАС

НЕ ГРУСТИ

Не грусти, что солнце низко,
Что проходит трудный день,
Не грусти, что осень близко,
На поля ложится тень.

Не грусти, что снег холодный
Скроет землю от очей.
Не погибнет дух народный
В этой темени ночей!

Час наступит — снег растает,
Снова к нам придет весна,
Солнце с неба ясно глянет,
И пробудится страна.

Не грусти, что трудно стало
Жить в проклятой темноте,
Что нас доля вечно гнала,
Прозябали в бедноте.

Не грусти, что правят твари,
Что нам солнца не видать.
Не грусти, что в ночь пожары
Стали небо заливать.

Дымом вынесет лихое,
Всё, что душит и гнетет.
Верь, брат, время золотое
Мать-отчизну нашу ждёт.

1907

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

Я пойду на свиданье с любимой, родной
Чтоб побыть с ней хоть пару минут,
Пусть же думы мои побегут чередой,
Так, как тучи на небе плывут.

И я волю им дам, где им любо лететь,
Как летали всегда только к ней.
Полечу с ними сам, буду песни там петь,
Ощутить чтобы счастье полней.

Не скажу только я, что мне любя она
И что радостно с нею мне быть.
Ведь родная моя, моя радость — сосна,
Что в лесу, словно панна, стоит.

М. Д. М.

Ты без меня, а я далёко.
Над степью синь небес и стынь,
И снег степной туманит око
И грустно мне, ведь я один.

За время наше я немало
В разлуке был — “хвала” судьбе! —
Рука моя не исписала
Всего, что думал о тебе.

Я знаю — ведала ты горе,
И горечь дум пила до дна.
Я много выслушал укоров,
Хоть ты в душе моей одна.

— Прости же мне! — скажу я только, —
Ты предо мною наяву,
Забудь печали, горе, боли —
Тобою жил, тобой живу.

И близко ты, и ты далёко.
Над степью синь небес и стынь.
Чужая степь не тешит око,
И грустно мне, ведь я один.

ЗВЕЗДА

Светит звезда мне из темных глубин,
Вечное небо волшебнo пригоже.
Тайны сокрыты в нем, некая стынъ,
Только найти им название сложно.

Ласково звездочка шепчет: остынь!
Ах, спутник мой, успокойся, небоже!
Носишь ты в сердце печали седин,
Атомы грусти в суме подорожной.

Звездочка неба! Ты ярко горюшь,
Думы мои унеси в свою тишь,
Мне ж подари ты радость покоя.

Нет: далеко ты, твой холоден жар,
Вечер мой никнет под пологом чар,
Арфа разбита — и чьею рукою?

МОЯ ПРОСЬБА

Пришел мой час податься в дали,
А в сердце грусть и непокой:
Я разлучаюсь с той печалью,
Что согревала теплотой,

Живила добрые порывы
И украшала мои дни.
Я ей скажу, как друг наивный:
"Плыви в объятьях глубины!"

Мне тяжело-тяжко, горько-горько,
Когда подумаю, что я
Тебя не встречу, моя зорька,
Весна последняя моя.

И что сказать мне на прощанье
Пред тем, как двинуться в свой край?
Скажу — согрей при расставаньи
И о себе мне весть подай.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ
"СИМОН-МУЗЫКАНТ"

Часть III

1

О родной край, край пригожий!
Милый край моих дедов!
Что милей на свете божьем
Этих светлых берегов,
Сребром где льются речки,
Где леса-боры растут,
Пахнет медом, сеном, гречкой,
Разговор поля ведут;
Этой шири безграничной
И болот твоих, озер,
Где под звуки вод криничных
Думы думает простор;
Где, поникнув, плачут лозы
Где весной луга цветут,
Где печальные березы
Провожают в дальний путь?

Эй, старинные курганы,
Стражи вечности седой!
Кто насыпал вас чеканно?
Чьею волею-рукой
Вы разбросаны на поле,
Очевидцы дел лихих?
Вы не скажете нам боле,
Как сражались здесь полки!
Вы путиною неровной
В вечность гоните волну
Вдоль Вилии полноводной
И под светлую Двину.
Край родной мой! Где на свете
Край другой такой найти,
Где бы рядом с грозной смертью
Жизнь старалась расцвести,
Где бы под руку безопасно
Нишета с богатством шли,
Где б над долей человеческой
Насмехались короли?
Города, поселки, села
Перепутали гуртом
Церкви, гордые костелы
С колокольнями притом.
Звоны в церкви неподвзято
И в костелы всех зовут,
Чтоб пред Богом и пред братом
Всем грехи простили тут.

Край родной! За Божье имя
В честь костелов и церквей
Меж детьми давно твоими
Много выросло камней;
Много было чертовщины,
Меч, огонь губили край,
С двух сторон "отцы" дубиной
Загоняли всех нас в рай!
Разливалась кровь морями,
Грязь предательства росла,
Что попами и ксендзами
В сердце брошена была.
И теперь меж нами, братья,
До сих пор царит раздор —
И поповское проклятье,
И ксендзовский наговор.
Братья! Братья-белорусы!
В книге судеб и начал
Искушения искусно
Людам дьявол посылал.
Здесь в краю сходились орды
Споры силою решать,
Чтобы край наш вольный, гордый
Навсегда завоевать,
В сердце нас смертельно ранить,
Души вытряхнуть навек,
Наши земли опоганить,
Обесславить, как калек,

Чтобы в омуте разрухи
Уничтожить все следы,
Не узнали чтобы внуки,
Кто такие их деды.
Кровь рекой лилась невинно,
Швед добро у нас падал,
Царь российский самочинно
Тут бесчестия творил.
Создавал острог народу
Императорским пером,
Мерил волю и свободу.
А культуру нес дубьем.
И копытами бездушно
Конь казацкий здесь ступал,
Наши земли, наши души
Он безжалостно топтал.

Край родной! Ты разобренный,
И на западе от нас
Польский пан самовлюбленный
Вожжи взял в который раз,
Чтоб в Варшаве непременно
Белорусу шить халат.
Да ни ксендз, ни пан надменный
Время не вернут назад.
Эх, чего нам не пришлось же,
Братья, вместе пережить?
На полях сражений, Боже,
Сколько гениев лежит!

Неизвестных и бездольных,
Не оплаканных, ничьих,
И отпетых в чистом поле
Ветра посвистом пустым.
Разве ж мы не заслужили
Путь свой в мире выбирать
И лишь собственным край милый,
Край родной свой называть?..
1911—1925

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ "ХАТА РЫБАКА"

Раздел XVI

1

Я признаюсь, друзья, открыто —
Мне надокучили паны:
От их нутра, уклада, быта
Мне веет затхлостью труны.
Хотел бы панский сор я вместе
С панами выместь заодно
И в ткань вплести поэмы с честью
Веселых красок волокно.
Ее ж героев я покину
И каждый день наискосок
Окину взглядом хоть разок
Своих Данилу и Марину.

2

На берег Свислочи, под Устье,
 Сойду на некоторый час,
 В укромный угол, в захолустье,
 Что описал уже не раз,
 Но все ж ни разу, как налѣжит,
 Я те места не помянул.
 Мои ж следы еще там свежи —
 Я вижу тут свою вину.
 Мне Березянка — дело вкуса, —
 Своей поэзией глуши
 Напоминает Петруши,
 Куда, надеюсь, возвращусь я.

3

А нынче выйду на дорогу,
 Что вдоль поселка след ведет.
 Такого места вы, ей-богу,
 И не найдете без хлопот.
 Дорога ровная, сухая,
 Ей не хватает ширины.
 На ней и пыли не бывает,
 И грязи тоже нет — ни-ни.
 Вдоль всей дороги — озимь в мой рост —
 Одна живая ткань травы.
 На сосны киньте оком вы —
 Тут, что ни есть — краса и гордость.

Прошу — взойдите без опаски
 Ну хоть на этот бугорок.
 Есть тут семь сосен — просто сказка.
 Под каждой — чудный холодок.
 Стоят они, ну как графини:
 Я был сражен в один момент, —
 И каждой, словно бы дивчине,
 Готов сказать я комплимент.
 Они стройны все, свежи, схожи.
 Прекрасна каждая из них,
 А лучшей все ж из семерых,
 Наверно, выбрать невозможно.

Но если глянуть вдоль долины,
 Где Свислочь нежится в кустах,
 То юной зелени картины
 Возникнут прямо на глазах:
 Густых кустов сплюснутая лава,
 Живые роши вдоль Парни,
 Устринский хвойник кучерявый,
 Что видит девственные сны,
 И тот бугор осиротелый,
 Где вышка всё еще стоит
 И словно беспробудно спит,
 Хоть Устье тоже онемело.

А луг уставлен весь дубами —
 Свидетель темной старины...
 Давно веду я дружбу с вами —
 Ее истоки чуть видны.
 Еще в Наднеманье ребенком
 Я полюбил вас, и с тех дней
 Меня голубите вы тонко,
 Как сказка-быль, как сон очей.
 Вы разбудили впечатленья
 Моей младенческой поры —
 Мои друзья моей зари, —
 От вас я вечно в изумленье.

Найду я слов немало вечных
 И красок красочных для вас,
 За отступленья ж я отвечу —
 Простите мне на этот раз.
 От сосен тех как на ладони
 Видны и хаты, и дворы,
 И огороды все, и склоны,
 И берег Свислочи, и рвы.
 Простору тьма среди полянки.
 Усадьба каждая и двор
 Имеет вид свой, свой узор,
 И в том загадка Березянки.

Дворы разбиты как попало:
 И планы были не нужны,
 Здесь нет ни улиц, ни кварталов, —
 Никто не думал здесь о них.
 Земли песчаной — сколько хочешь,
 И стройся, где тебе видней,
 Куда притягивает очи,
 Ты только справиться умей.
 Гладишь — один двор на болоте,
 Другой на горке под борком,
 А там в кустарнике бочком
 Стоят строенья, как пехота.

Посмотрим вдоль дороги вправо.
 Там появился новый двор.
 Строенья сделаны на славу,
 Никто не бросит им укор.
 Свинарник добрый, ну как солнце,
 Смолой своих сверкает стен.
 А посмотрите на гумёнце —
 Пред ним бывшие гумна — тлен.
 Светло, просторно в нем, уютно.
 Взгляни — кавказская гора.
 А сколько сделано добра!
 То общий труд, тяжелый, нудный.

С гумном стоят рядом, как вёжи,
 Стога соломы и кормов,
 И все в порядке, как належит,
 Нет мелких хитростей и слов.
 Себя здесь чувствуешь прекрасно:
 Вилны и хлопоты, и план.
 И будешь ты искать напрасно
 Малейший где-нибудь изъян.
 А рядом озимь зеленеет,
 По пояс сочная трава,
 С которой справишься едва —
 Сама себя она тут сеет.

И этот двор — свидетель редкий.
 Снимает всяческий вопрос,
 Что березянцы в зиму, летом
 Труд не жалеют на колхоз.
 Они, чуть выйдет солнце рано,
 Сюда приходят, как на пир,
 И лозунг выкинут чеканный:
 “Давай работу, бригадир!”
 Я помню: было тут болото.
 И что ж, повел плечом народ,
 И на болоте — огород,
 Трудиться снова где охота.

12

Привет прекрасной Березянке!
Привет колхозному двору!
Привет, колхозницы-смуглянки!
Привет вам, люди на миру!
Среди моих знакомых новых
Один особенный есть тут.
Ему с охотою готовы
Отдать мы несколько минут.
Немолодой он — мой ровесник,
Однако быстрый, как юнец,
Рыбак, охотник — молодец! —
Стреляет, ловит, любит песни.

13

Он знает множество профессий:
Он и механик, и столяр,
Грибник отменный и первейший,
И пчеловод, печник, маляр.
Илет, живет своим манером,
Не ошибается в пути.
Однажды был он акушером —
Чрез все приходится пройти.
Его не мучат, как иного,
Застывшей мудрости гужи,
Он пред любовью не дрожит,
Не отстает от молодого.

14

Он любит жить умом, без бума,
 И сам на выдумки досуж.
 Построил запросто, без шума,
 Себе, удобства ради, душ.
 И этот душ — замысловатый,
 Таких не знают города.
 Соорудил балкон у хаты
 И вышку с бочкой, где вода.
 Не просто бочку, а в два донца.
 На дне одном с полсотни дыр,
 Второе взято на шарнир,
 А воду щедро греет солнце.

15

Есть у него еще таланты:
 Из меда правит добрый квас
 И дар имеет музыканта,
 Творит на скрипке перепляс.
 Мы проводили раз от разу
 И на селе, и за селом
 С ним много времени, и квасу
 Дань воздавал я за столом.
 Не только квас — была и стопка, —
 Не обходили стороной, —
 И пили с чувством и с душой
 Я и товарищ мой Поскрёбка.

Раз у его мы жили зятя.
 Идет он как-то прежде нас
 И никого — вот случай! — в хате
 Не оказалось в этот час.
 Остановился он. Неловко.
 Решил отправиться назад
 И видит: шельма-поллитровка!
 Он подмигнул себе — стой, брат!
 И к ней бочком — сплошное горе, —
 Берет бутылку в рот и — хлоп! —
 И тут же морщит губы, лоб
 И пулей мчится на подворье.

А у колодца тут корыто,
 И в нем вода для поросят.
 Полощет рот он деловито.
 Какая дрянь! Денатурат!!
 — Тьфу, понимаешь, ведай дело!
 И трет он кончик языка,
 А внучка Шурка подглядела,
 Какого дед дал зевака.
 Друг! Вспомни случай знаменитый
 Из стародревнего письма:
 Нет тайн на свете для ума,
 Чтобы остались не раскрыты.

В тот год сухое было лето.
 Дождя не видели с весны,
 И синей дымкой даль одета,
 И ветер с южной стороны.
 Да ветер жаркий, суховейный,
 Мой недруг, вражина лихой.
 Я каждый день встречал бессменно
 Восход, заход весь золотой.
 Следил за небом я немало —
 Мы подружились тесно с ним, —
 Глядел, не клонится ли дым? —
 Дождя ничто не обещало.

Пригорки всюду порьжели,
 Листва покрылась желтизной,
 И ежедневно голубели
 Шелка небес над головой.
 Несу я в мир свой опыт старый,
 Мечты и думы, чем богат.
 Разносит ветер запах гари
 Издалека, где лес и сад.
 А лес, мне кажется, горюет,
 Поля в печали и дуга.
 Укрыло небо берега
 И нас как будто бы не чует.

Разочарованный, туманный
 Иду назад, брожу в леске.
 Уменьшит, может быть, боль раны
 Качанье в утлом гамаке?
 Он тут развешан между сосен,
 А рядом дачный стол — мой друг.
 Глядит сквозь ветви неба просинь,
 И всё колышется вокруг
 Со мною вместе: небо, тучи,
 Земля и лес, что за рекой.
 И разливается покой,
 Глаза сжимает сон летучий.

Я слышу гул. Над лесом бреет,
 Рокочет, кружит самолет.
 Да высоко так. Не узрешь,
 Где с ним справляется пилот,
 И только в небе, бездне странной,
 Я вижу дивный след-дымок,
 И он то серп, то дужку тянет,
 То пишет быстро завиток.
 Растет, полнеет шум мотора
 И расплывается сильнее,
 Рычит, как будто некий змей,
 Из высей синего простора.

Я тут и где-то там, далёко.
 Весь мир на много-много миль
 Одним окидываю оком,
 На крыльях дум читаю быль.
 Уже давно под Халхин-Голом
 Ведутся жесткие бои,
 Где руку подали монголам
 Родные, близкие мои.
 Идут оттуда плохо вести,
 И Главный штаб на слово скуп.
 Да наш народ — могучий дуб, —
 В беде с народом-братом вместе.

На Запад, дальше, за кордоны
 Лечу я в думах седины,
 И наши вижу я загоны,
 Где изгаляются паны.
 Отсель горячий ветер веет
 И шире, шире муть ползет,
 День наступающий не греет,
 И в смуге страждущий народ.
 Одно мне ясно: завирухи
 Не обойти, не отклонить,
 И сердце ноет, и болит,
 И люди к нам склоняют ухо.

Вот так в тени галаю вишен
Среди глухого уголка,
И словно кто-то в сердце пишет
Мне продолжение стиха
Или рассказ о людях, быте,
О милой старине веков,
И я держусь за эти нити,
Чтоб не терять своих следов.
Я знаю: как из Ниагары
Победно грянет мощный гром,
Пошире выстроится дом,
И новый дождь зальет пожары.

Когда же бури час настанет,
Ее ты встретить будь готов —
Живой родник бьет непрестанно
Из-под слежавшихся пластов.
А там за тихую дорогой
Шумит березник молодой,
А сквозь — дорожек много-много,
Туда рвусь с чистою душой.
Привет я шлю природе, людям
И грому бурь, величию гор,
Улыбкам светлым ранних зорь...
И пусть же ясным путь наш будет

ГАЛИНА КОРЖЕНЕВСКАЯ

ГОЛУБКА

Нашли при раскопках Помпей
Голубки скелетик.

Она

Гнезда не покинула, видно.

На теплые крылья садился

Горячий

Везувия пепел.

Во мраке безумные крики

Звучали, во тьме пропадая.

Рабы-гладиаторы рвались

На волю

От гибели к смерти.

Сенаторши в сумках тянули

Свои драгоценности...

Зачем же?

А пепел, а пепел, а пепел

Всё падал, и падал, и падал,

Летел на голубок и женщин,

Закрывших детей беззаветно...

1973

Смотрела в окно, отмечая, что можно.
Читала. (Как громко соседи смеются!)
"Обманутым сердцем любить невозможно", —
И взгляд спотыкался, стараясь вернуться.

Катулл, ты любил, ты страдал, и немало,
Из бед высек искорку истины — чудо.
Изведаль ты чувства такого накала —
Расплавится камень, рассыплется пути.

Ты, сын стародревнего Рима безбожный,
И ныне стихами ты трогаешь души.
"Обманутым сердцем любить невозможно".
А можно ли сердцем любить обманувшим?

Купе беззаботно шумит и смеется,
И время, как даль за окном, пролетает.
Обманутым сердцем, обманутым сердцем
Люблю и твой опыт, Катулл, отвергаю!

1982

ВЛАДИМИР КОРОТКЕВИЧ

Строка бесспорна, безупречна —
Один для слабых верный щит.
Не умирать Поэтам вечно,
В бессмертных Песнях вечно жить.

Когда пойду с юдоли горя,
Не завершив последний сказ,
То божий мир меня повторит,
Как повторял уже не раз.

Как море, звезды и озера,
Какие в вечность заберу.

Мир щедрый.
Мир меня повторит...

Ну а не мир, так Беларусь.
Мне — вдосталь...

1979

КОРЧМЫ

Корчмы... Дороги... Лира за спиною...
В годах Христовых — бедным школяром...
Идут ли дни и ночи чередою,
Повсюду мне любовь и стол, и дом.
А в торбе за спиной слова — не ново, —
Для песен клетка, соль, фонарь-ночник,
Табак и нож, и вышитый, суровый
За годы не протершийся рушник.
И горьких шуток воз везу без лени —
Любой садись, отдам и не совру,
Я утираюсь полотенцем в сёнях,
А не дадут, обсохну на ветру.
Под каждым деревом домашним светит светом,
И я прохожим мед сплавляю свой.
Поля, леса неровным силуэтом
И стаи воронья над головой.
Перун смеется, плачет и тоскует,
С кустов рвет ветер одинокий лист,
И на щеках застыли поцелуи,
В устах зажатых — соловьиный свист.

В глазах мир отражая, как в оконце,
Земля моя встает передо мной,
Высокая и чистая, как солнце,
Чистейшая, без пятен день-деньской,
Раскованная, добрая, святая,
Изведанная, как отцов поля,
И каждый день всё более родная,
Что боги дали, даже не друзья.
По ней иду я с ранних зорь устало,
Деревья глажу, как на алтаре,
Чтоб каждый вечер на закате алом
Журавль колодца видеть во дворе
И сесть под стрехою, что пахнет дымом,
К которой прикипел могучий дуб,
И лесней отвечать хозяйкам милым
За горький хмель и трепет томных губ,
Желанных, словно жнивеньское лето,
И преданных, как отчие поля.
Глядят девчата, сердцем взгляд согретый
И близкий, как родимая земля,
Как нежность женских рук надежных,
Что гладят ласково дикие кудри мне...
Корчмы дорог, раскиданные стежки
По всей моей озерной стороне.

И что мне те, кто за высокой брамой* —
Нелюбых окон жаждущая муть, —
Что в ночь глядят и шамкают губами
И думают, что могут жизнь свернуть?
Что мне они, когда, как дар единый,
За песню сердца, что несу в корчму,
Мне ало гроздь светятся рябины,
Не ведаю, за что и почему.
Когда за простенький припев, тоскуя,
Во всех домах, в моих родных краях
Меня всё, кажется, здесь нежит и целует,
Земля моя, родимая моя.
Когда она, любовь, руками божьими
Везде лихие гладит кудри мне...

* Брама (польск.) — плотные, на две половины, крытые сверху ворота, которые закрывают вход на территорию города, завода, двора и т. д.

На древней родине раскидистые клены
Неслышно начинают облетать
На рыжую траву, на мох зеленый,
Калитки и запруды, и на гать.
Земля глядит озерами-глазами
На ясный мир, что замер в красоте.
Так чисто, словно свет просторы залил,
Так тихо, словно нет людей нигде.
Извечная моя! В студеных росах,
Как год назад, мильёны лет, — увы! —
Бросает осень золотые косы,
И зиму кличет желтый плач листвы.
Морозит губы горький вкус рябины,
Целую их, холодные как лед.
О, вы, кто под руку пойдет с любимой
Под теми ж кленами чрез сотню лет, чрез год,
Поймете ли, что так же мы любили
И что ушли, как и уйдете вы?
Что вечны Родина и даль Отчизны милой
И желтый лист на зелени травы?

И что тысячелетиями клены
На землю будут тихо облетать
На рыжую траву, на мох зеленый,
Калитки и запруды, и на гать.
И что они не даром щедро всюду,
Когда вдыхаешь древний дух земли,
Роняют золото под ноги людям,
Чтоб мы ее любили, берегли?

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

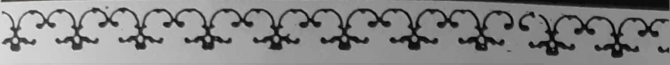
Сегодня что-то тишина такая,
Что хочется присесть и погрузиться.
Звезда печально над землей сгорает,
И липа чуть от холода дрожит.
А я всё почему-то забываю,
Что день прошел, угаснувший в тиши,
Что время мчится, и что ты — другая,
И я исчез уж из твоей души.
Журнал передо мной с твоим портретом —
Глядишь с улыбкой светлой в тишине,
И я припоминаю Днепр и лето,
И тень каштана на сухой стене.
Но странно, я совсем не вспоминаю
Тот день, когда тебя увидел я
Впервые. Может, осень золотая,
А может, вешний день был в тех краях.
Но очень четко помню я: девчачий
Покой, Чайковский хмурый на стене,
Рояль о чем-то сиротливо плачет
И призраки каштанов на окне.

Ты помнишь: поздней осенью туманной,
Когда с деревьев все летит долой,
Лист желтый остается на каштанах,
Где конусы с фонариком сплело?
Фонарь — и желтый шарик на каштане,
Всех братьев рядом вымела метла.
Вот так и я к любимой льнул, желанной,
И жил лишь только у ее тепла.
Меня влекли невиданные очи,
Похожие на просинь у небес,
И скромности девичьей многоточье,
И святость, как судьбы пресветлой крест.
Есть мелочи великого значенья:
Любовь, которая растопит лед,
И даже половицы в темных сенях
Век памятны, как сказок хоровод.
И может, для того она приходит,
Чтоб мы запомнили с тобою на века,
Как пахнут рыбою ночные воды,
Каков полет ночного светлячка;
Чтобы века не забывало сердце
Спокойный дым над зеркалами рек,
Чтоб каждый был до старости, до смерти —
Достойный, настоящий человек.
Я помню все: тугая ряска
Стянула пруд. Минул наш первый май.
Какой казался нам волшебной сказкой
Наш пригородный лес — как некий рай!

Пусть каждый хоть на миг поймет единый,
Как бесконечно сложен божий свет,
Как просто разминуться с той, с любимой,
Которую ты ждешь десятки лет!
Уходят дни и годы. Понимаю,
Что счастье не бывает без Творца.
А боль живет, и сердцем ощущаю,
Что жить извечно будет, до конца.
И все ж на склоне дня и утром ранним,
И в ясный день, в полночной кабале
Я жизнь благодарю за тень признанья,
За то лишь, что живешь ты на земле.
Сижу в гостинной рядом с печкой дымной.
Шипит пластинка. В сердце много дум.
Кручу "Над домом флюгер у любимой",
И Шуберт слушает со мною ветра шум.
О "Зимний путь"! Забытые строения,
Забытый вкус твоих любимых губ.
Шарманки звуки стыннут, как виденья,
У деревенских столб промерз халуп.
Благодарю тебя. И пусть чужая
И для другого источаешь свет, —
Ты есть, ты где-то есть, и ты живая,
Ты ходишь ранним утром по траве!
Твои в загаре руки куст ломают.
Живи и вечной славой пламеней!
Рукой закрыв глаза, я улыбаюсь...
Ты есть на свете. И довольно мне.

КОНДРАТ КРАПИВА

МАНДАТ

Ослу раз выдали мандат, —
Случайно, право слово.
(Ошибки свойственны и людям — это факт,
И речь о них вести не ново.)
От счастья тут же у Осла
Кругами голова пошла,
И ум совсем зашел за разум.
Хоть был не пьян, от гонору стал пьяным сразу:
Такого задал всем разумник тону,
Такого шуму учинил, такого звону,
Что спорить с ним казалось просто лишне,
И посчитали все Осла за шишку.
— Ну, разум! Вот так голова! —
Без похвалы не вымолвят ни слова.
Другой так чуть не целовал
Копытики Ословы.

А голова с мандатом на полметра
Жует овес, гуляет по траве,
Ни мысли путной в голове,
Вертит хвостом и нежится от ветра.
При этом все, как на приколе:
Чихнуть бояться без дозвола.
Один лишь только Лыска,
Когда Осла увидит близко,
Так протестует: "Гав-гав-гуу!"
Терпеть кретина не могу!"
Да Лыска на цепи, и ни гугу...

Бывает раз иной и с нашим братом,
Что заменяют голову мандатом.
Но провожаем мы таких ослов
Без лишних слов.

1925

ДЕД И БАБА

Дед раз ехал на базар,
На возу с ним Баба.
С виду конь как конь, не стар,
Да тянул он слабо:

Был не больше двух годков
И не сыщешь краше.
Баба — точно семь пудов —
Бог вполне уважил.

На пригорок или в грязь —
Брюхом конь елозит.
Стала Баба помогать,
Не слезая с воза.

Что ж, коню второй годок,
Так она за било,
Да ногами в передок
Пнёт со всею силой.

— Брось, дурная! Прогоню!! —
Бабе чёрт не страшен.
— Ты поможешь так коню,
Как хворобе кашель!

— Ах ты, ёлупень* стары! —
Баба Деда лает. —
Стой же тут, хоть ты сгори!
Мне беда малая.

А потом она — с колес,
Села у дороги.
А коня как чёрт понес, —
Где взялись тут ноги.

В учрежденьях тоже есть
Вот такие "бабы":
Что там делают? — Бог весть.
Результаты слабы.

И такая не уйдет!
Так попросим прежде:
— Может, ваш настал черед?
Попытайтесь слезть же!

1925

* Елупень — бестолковый, тупой человек, дурак. олух
(Прим. переводчика).

УСЕРДНЫЙ ПОП

Однажды на первопрестольный,
Как раз угоднику Николе,
Служил молебен поп один
И ревностно кадил.
Святой угодник Николай
Считался "шефом" этого села,
И день девятого справляли мая
(Жаль, суеверие кой-где не отмирает)
И уважая добрую погоду,
Немало в церкви собралось народу
Один явился истово молиться,
Той надо замуж, этому жениться, —
И, как бы ни было, а на попово счастье
И негде блоку упасть — такие вот напасти.
Поп начал с радостью молебен править,
Чтоб Николая здесь восславить,
И как пошел ходить,
И как пошел кадить!
И в фанатичном том подъеме
В дыму угодника упрятал вскоре,
Дьячка, и клирос, и алтарь,
И сам гудит, как пономарь.

А в церкви — смрад неprovорот,
Чихает, кашляет народ;
Того уж дергает и рвет,
Там — у обеих полон рот.
Терпели долго люди так, потом же — ходу,
И пол с угодником остался без парода.

Случаются на свете люди:
Есть пара критиков, известных нам,
Что вечно курят фимиам, —
От них тошнит и крутит.

1926

ПРО ЦЫГАНА И КОБЫЛУ

О том немало нам трубили,
Что каждый из цыган свою кобылу хвалит,
А на чужую горы валит...
Цыган не мыслит ездить на захваленной
кобыле

Ему бы сбыть и получить.
О беспардонности его не будем мы трубить.
Цыгане нам ясны без слов,
Не понимаем только тех панов,
Кто без причин лукавит
И просто так, для вящей славы
Своею хвалится кобылой
(Особенно их много среди писак).
Другая кляча
На трех ногах, быкает, скачет,
А он кричит: "Глядите — вот рысак!
Какая красота! Какая резвость! Сила!"
Захлебываясь, не видит он,
Что туча крутится ворон,
Что карканьем кобылу славят гости,
Что кляча вся в коросте,
Безногая, и шишка вроде на боку.

Так языком до тех пор чешет,
Пока ее пешочком не утешат,
"Надгробное" отвевши "рысаку".

Чем хвастаться — без оснований, — негде,
Взглянуть не повредит, на чем же каждый
едет.

1926

АРКАДЬ КУЛЕШОВ

ПРОЩАЙ

Прощай, разбуженная сердцем, дорогая.
Так горько. Почему? Могу лишь сожалеть.
Мне это утро жаль, что в небе догорает,
И дней моих восход, которому алеть.

Ты помнишь первое несмелое признание?..
Над нами жаворонком пел и плакал май.
А завтра — грустное, туманное свиданье,
Суровый взгляд твой и нелепое: "Прощай!"

Ушла, любимая, под гомон желтых сосен,
Ушла ты молча под колосьев спелых шум
Туда, где билось, не таясь, разноголосье
Моих страдальческих и одиноких дум.

Ушла за тихие, далекие просторы
Звездой прощальнойю, что гаснет в синеве.
Души отверженной горячие укоры
Слезой холодной застыли на траве.

Ушла, оставив мне рассветы и туманы,
Полынный запах неисхоженных дорог,
Чтобы минутную и боль, и горечь раны
Годами в сердце заглушить своим не мог.

Ушла и больше не вернешься ты, Аlesia,
Прощай, смугляночка любимая, прощай.
Стою на расставаниях бывших, а в поднебесье
Печальным жаворонком не смолкает май.

Прощай, разбуженная сердцем дорогая.
Твой светлый образ в жизни долго мне нести.
Заря на утре дней моих печально догорает,
Чтоб на закате поздно вечером взойти.

1928

Нарушив все законы притяженья,
Планетами среди других планет
Мы существуем здесь, как исключенье,
Моя любовь, — как свет и анτισвет.

Мы никогда одной не ходим стёжкой,
Не делим хлеб и делим только соль,
Встречаешь ты мою печаль усмешкой,
Смушаешься, когда уходит боль.

Мои признанья ты приемлешь слабо,
И неприступен облик твой, и строг,
И, мнится, повернись лишь я на запад,
Ты тут же повернешься на восток.

Но, видимо, земля бы оскудела,
И целый мир окутала бы мгла,
Когда бы вдруг случайно улетела
Исчезнув, величава и светла.

1962

Седое время с неизведанных дорог
Глядит на нас как бы на муравейник.
И кажется, возьмет лишь в руки веник
И выметет, как мусор, за порог.

Скажи мне, время, разум чей и слезы
Тогда секирой грянут в тишине
Твоих лесов и по кругам на пне
Отметят годы соснам и березам?

Твоих столетий темные следы
Кто отобьет на мраморе суровом?
Кто делом подтвердит и верным словом,
Что благоденствуешь на свете ты?

И не властителем безлюдной эры —
Ходить ты будешь стариком слепым,
Пока для пуш и песен, и секиры
Мы возрожденьем не вдохнем своим.

1962

И совесть людскую за гроши
Купили — пристойный товар.
Теперь она бедности может
В лицо глянуть, как самовар
Надменный, сверхважный, вельможный,
И славу, почет прикупить...
Одно она только не сможет —
Лишь честь» непроданной быть.

1963

СОСНА И БЕРЕЗА

Без всяких подпор Землю подняли вмиг,
Без всякого троса,
Живыми руками кореньев своих
Сосна и береза.

От дыма до пара в горячих котлах
Судов, паровоза
Прошли они путь, невзирая на страх,
Сосна и береза.

Легла на их плечи тяжелой войны
Окопная проза:
Служила солдатам сосна — для труны,
Крестами — береза.

Сторгующих кровью слетала порой
Надменная поза,
Когда перед ними вставали петлси
Сосна и береза.

Еще не придумал лекарств человек
От новой угрозы,
И могут гробами закончить свой век
Сосна и береза.

Уже на людей, на весь мир короли
Глядят снова косо,
Носители смерти, чтоб вновь не росли
Сосна и береза.

Над ними ракетный разносится звук
И гул бомбовоза...
А что, если выпустят Землю из рук
Сосна и береза?

1968

Цветка ни одного не рвал я на природе,
Звезды с небес — увы! — не ухватил,
И, по желанью присказки народной,
Ни разу их любви не подарил.

Цветы пусть тешат очи нам на склонах,
Чтоб мы с тобой гуляли среди них: —
Они увянут в хрустале граненом,
Как мы без солнца среди сцен немых.

Мир звезд далек: дорогой ехать конной —
Не век, не два, а сто веков вполне, —
Чтоб их добыть, на корабле фотонном
Уже лететь не доведется мне.

Не выдержит душа дороги сложной,
Заглохнет сердце — верный мой мотор,
Что пыль глотал, терзая бездорожье...
Прими его без звезд, цветов и зорь.

1962

ЯНКА КУПАЛА

РОДНОЕ СЛОВО

Могучее слово, родное ты слово!
Со мной наяву и во сне;
Ты душу пронзаешь мелодией новой,
Звучишь, словно песня во мне.

Бессмертное слово, родное ты слово!
В гонениях выжить смогло,
Хоть гнали тебя, заточали в оковы,
Да зря! — Ты звучишь, как назло!

Свободное слово, родное ты слово!
Играй же смелей, веселей!
Пусть гады беснуются, кружатся совы,
Живешь ты во славу людей.

Гонимое слово, родное ты слово!
Набатом взорвись над землей:
Отчизны язык, даже бедный, суровый,
Милей знатной речи чужой!

1908

ОТЧИЗНА

С землей и небом связывает меня нить —
Не рвущаяся извечно паутина:
Земля меня как верного лелеет сына,
А солнце душу нежит, продолжая беречь.

Я с колыбели научился сны хранить
Об этих близких, тесных мне местах родимых,
Что я полей частица наших лебединых,
Что в сердце искорку от звезд не погасить.

Отчизну получил в наследство я без злости,
Здесь рос, чужие в ней не оскверняя кости.
К ней грудью льну, как будто к матери своей.

И если кто-то унижает меня просто,
Он издевается над Родиной моей;
Когда ж над ней — он мне тем делает больней.

1915

МОЯ ВЕРА

Не верю идолам поганым,
Хоть украшают их дары.
Божкам не верю, истуканам,
Которых красят маляры.

Не верю купленным пророкам,
Что за копейки людям лгут,
Следя ревниво жадным оком,
Когда червонцы поднесут.

Не верю фокусников чуду
Любых народов и веков,
Пуускают что туман повсюду
В глаза доверчивых слепцов.

Не верю каменным часовням,
Распявшим дух живой в крови,
Загнавшим в рабские загоны
Всё — от свободы до любви.

Ни за какую плату, меру
Не дам сломить себя в борьбе...
В парод и край свой только верю
И верю самому себе.

1905—1976

МОЯ МОЛИТВА

И в поле раздольном, и в хатке с оконцем,
В минуты раздумий, окрест созерцая,
Молюсь я и этому на небе солнцу,
И звездам, что ночью мерцают.

Молюсь я свободному ветру в лазури,
Что птицей летает от края до края
Угрюмо пасет в высях мрачные бури,
В печных трубах песни играет.

Молюсь и огню я, что сеет пожары
Порою лихой на немереном свете.
От их беспощадной безжалостной кары
Трепещут и старцы, и дети.

Молюсь животворной воде в половодье,
Днем — доброй, не знающей ночью пощады,
Что нивы полощет и лодки уводит,
Сметая подворья и хаты.

Молюсь я земным и небесным просторам,
Всесильному истово Богу молюсь я
В любых испытаньях, во всякую пору
За землю моей Беларуси.

1912

Вы скажете: что-то пою я невесело,
Веселья не вижу совсем у людей...
Не смейтесь, прошу. Правда вас не утешила,
Неправды в душе я не знаю своей.

Как пел до сих пор, так и петь не стесняюсь,
В слезах омываю и песню свою;
От тягот народной судьбы убиваюсь
И только об этом для вас пропою.

Пусть мир отзовется на песню бездельного,
Пусть враг содрогнется от правды людской,
Свободой проникнутся мысли невольника,
Пусть быть человеком захочет брат мой.

1906

Оставьте попусту рок грозный проклинять,
Плач зарывать сквозь слезы в глубь земли, —
Нам нужно жить и судьбы поправлять,
Чтобы потомки после не кляли.

Кривые тропки темного житья
Науки солнцем стоит осветить,
Чтоб мы — любой: и взрослый, и дитя, —
Не заплутавшись, век смогли дожить.

Свободы знамя соберет нас вмиг
И пусть ведет на битву с тьмой и злом,
А грозный рев мучителей глухих
Заглушим вольной песни Перуном.

Наукой, волей снимем боль беды,
Засеем долю — новь родной земли,
И заживем счастливо, без вражды,
Как прадеды не жили, не смогли.

1906

МОЯ МОЛИТВА

Я буду молиться и сердцем, и думами,
Распятою буду молиться душой,
Чтоб черные тучи метелиц безумными
Ветрами не выли над отчей землей.

Я буду молиться до солнышка ясного,
Несчастных зимой согревать сиротин,
По пашням бродя и по пажитям ласковым,
С людьми оставаясь, как любящий сын.

Я буду молиться пред небом и громами,
Что дико над нами гуляют подчас
И нищих дорогами гонят позорными,
Чтоб молний и града не слали на нас.

Я буду молиться ночами и плакаться,
Ведь звезды безжалостно гасят они,
И если когда хоть одна из них свалится,
Кто-либо срывается в вечные сны.

Я буду молиться полям всею силою,
Чтоб щедро и вечно платили за труд,
И сельскую хату подняли бы хилую,
Надежды свершенными видел наш люд.

Я буду молиться и сердцем, и думами,
Распятою буду молиться душой,
Чтоб тучи метелиц ветрами безумными
Не выли над отчей землей, надо мной.

1906

ОЛЕГ ЛОЙКО

СКУПАЯ КУКУШКА

Скупая кукушка, скупая:
Лишь раз прокукует, другой,
И голос ее замирает,
Как будто от боли какой.

Не голос — а горестный вопль
Из склепов могил в тиши.
А может, ей весть про Чернобыль
Лесной принести поспешил?..

Молчит, слезы горько глотая,
Скрываясь в листе густой:
Скупая кукушка, скупая,
Где жизнь омрачилась бедой.

Русь Белая! О, Иисусе!
Над нами вновь палачи.
Кукушки молчат в Беларуси,
Кричи ты иль не кричи!..

1993

Осознал, наконец, одно я:
Нету правд одних и других,
Единственного дорогого,
Единственных святых.

Не за морем живут мои судьи,
И судьба не за море зовет.
Вы простите, добрые люди,
Не одной правдой мир живет.

Только тут наши беды, надежды,
Непохожие на других:
Их нигде не знавали прежде,
И сейчас не проникнутся в них.

Нам никто в мире не поможет,
Разве только сразят враги.
Боже! Боже! Великий Боже!
Коль ты есть у нас, помоги!..

1993

Немного тайной, вещей птицей
Была ты для меня и есть:
Чего-то светлого криницей,
Перед которым гость я здесь.

Прекрасной звездочкой из выси
Сошла в семнадцатый мой год.
Тебя взять под руку не мысля,
Я провожал лишь до ворот.

И ныне тайна без границ ты.
И, может, счастье в том и есть,
Чтоб не напиться из криницы,
Перед которой — гость ты здесь.
1965

Клен за туманами тихо растает,
Далью далекой облик твой станет —
Что это только творится со мною?!
Ближе становишься — на расстоянии!

Как незнакомую новую гостью,
Не узнаю, словно юные грезы.
Не представляю иной беспредельности
Ласки, и нежности, и увлеченности.

Ими до бездны души осветленный
Молча глотаю вскипевшую горечь,
Чтоб никогда не вернуться под клены
Той слепоты, что была в эту пору.

1974

ПЕТРУСЬ МАКАЛЬ

По воле Божьей милости живи,
Пусть даже на Земле бесчеловечно,
Учись у неба, чьи созвездья вечно
Притягивают силою любви.

Когда же станет горько бесконечно,
Ты женщину любимой назови,
И вспыхнет пламя жаркое в крови,
Что ночью занимается беспечно.

Созвездия, как мы, несут свой крест,
Любовь уходит в бездны мирозданья.
Иной кометой горестной с небес

Падет на землю. Скорбно всё окрест
Взорвется, ослепленное страданьем.
Бессильна будет магия чудес...

1995

Как скрыть любви святой переживанья
От скрежета зубовного толпы,
От склоки и от нищенской судьбы?
Куда бежать, как не к тебе, желанье!

Ты — двух сердец синхронное дыханье,
Минута первородная мольбы,
С крутой горы бег сладостный арбы
И красоты само очарованье...

Слиянью чутких губ поверьте,
И в поцелуе — почерк правоты,
Для будущего адрес на конверте...

Любовь — неутоленный зов мечты,
Мое спасенье и мое бессмертье,
Есть только ты, одна на свете ты!

1995

Как соблазнял пьянящий мед малины,
Что отыскал в чашобе знойной я!
Но лишь потом ты, ягодка моя,
Дала почувствовать и горечь беспричинно.

Пригубим бесшабашно кубок винный —
Уже штормит гладь тихого ручья,
И голова своя уж не своя,
И ловим радуги мы почерк журавлиный.

Спроси судьбу бесхитростно и просто,
Как успокоиться и как не прошуметь,
Попад к безумной молодости в гости?

Урок любви... Кому же он перечит?
Век надобно прожить, чтоб всё ж уразуметь,
Что сладость старит, только горечь лечит.

1995

ЗМИТРОК МОРОЗОВ

Я снова, кажется, любим. —
Какая странная наука!
Давайте вместе помолчим
Так, как молчат перед разлукой.

И без конца у Ваших ног
Молю с надеждой снисхожденья:
“Любовь пусть освятит нам Бог:
Я вечно буду Вашей тенью...”

За всё приходится платить...
За радость и беду,
За счастье жить, страдать, любить,
За зло и доброту,
За хлеб и воду, подлость, лесть,
За правду и обман...
Плати, что ты на свете есть,
И не скули от ран!

Увлечет любовь случайно...
Словно снег весной,
Ночью выпадет, а ранью
Заблестит росой.

Увлечет любовь случайно...
Словно гром зимой,
Загремит необычайно,
Чувств взрывая рой.

Увлечет любовь случайно,
Как волшебный сон,
И возьмет навечно тайна
Сердце в свой полон...
1995

Не ведаю, творится что со мной,
Куда иду. Но только мне сдается,
Что жизнь — сражение Бога с сатаной
На поле битвы, жизнью что зовется.

Не хочу быть разменной монетой
Среди мелких разменных монет.
Я женюсь на красавице этой,
Подарю ей души своей свет.

На нес, как на Божью икону,
Каждый день я не стану взирать,
Но свою буду вечно мадонну
И любить до конца, и ласкать.

ВЛАДИМИР НЕКЛЯЕВ

КОСМОС

Однажды бессонною ночью
Ты вспомнишь, что можешь летать,
И станет наивные очи
Холодная бездна глотать.

Загадкой простой бытия
Тебя обольет жарким потом,
И станешь родное дитя
Учить не ходьбе, а полетам.

1983

Девчонка...

Любимая встала над темной рекой.

Девчонка...

Любимая в воду смотрела в бреду.

На плёсе далеко

Потом я русалку найду,

Русалочьи очи закрою спокойной рукой.

И после по берегу, словно слепой,

Буду идти,

И будут две черных гадюки

За мною ползти.

Догонит одна из них —

Пронзит, словно молнией лютой.

Догонит другая —

И высосет рану в минуту.

1979

В САДУ ЗА РЕКОЙ

Несовпадение дат,
Несовпадение вех.
Приходит иногда
Давно забытый снег.
Забытый поднял дождь
Лазурное крыло.

Всё было, но и всё ж,
Что было — не было.

В саду, что над рекой,
Все ало от калин,
Пружиной
Под рукой
Ветвей упругий клин.
Я ветку отпущу —
Мелькнет, как чей-то взгляд,
Вернется всё назад,
Вернется всё назад.

1981

ЭДИ ОГНЕЦВЕТ

САМЫМ МОЛОДЫМ

Дубравы пушкинского края,
Любовь поэзии, огня!
Я снова осень открываю,
Как будто первый раз себя.

Вновь поклонюсь тиши священной,
Прозрачным, трепетным стихам,
Другим любимым посвященным,
Богиням, а не грешным нам.

В век новый — атомный, ракетный, —
Еще на свете есть любовь,
И ожидает от поэтов
Нестертых первородных слов.

Судьба не сможет вас обидеть
И пусть вам сердце освятит
Свою Оленину увидеть
И Анну Керн свою найти.

1975—1976

НИМЕН ПАНЧЕНКО

СХЕМА ЖИЗНИ

Тяжко работаем. Грустно мечтаем.
Век догоняем. Героями ходим.
Тучей чернеем. Солнцем сияем.
Что-то теряем. Что-то находим.

Любим безумно. От счастья заходимся.
Рады, как черти. Как люди, рискуем.
Ссоримся. Миримся. Глупо расходимся.
Дней не хватает. Месяцы губим.

Любим детей. Потакаем им. Тешимся.
Радуют дети, пугают и трогают.
Бухнет беда — от отчаянья вешайся.
Ну и наследники! Ахаем, охаем.

Верим с пеленок, что лучшее сбудется.
Опыт отцов, как всегда, забываем.
Плачем. Смеемся. Клянемся и судимся.
Где-то нагадим. Не подметаем.

Шутим с иронией. Злобно лютуем.
Губим способности. Хитрости точим.
Жен забываем. Жен и ревнуем.
Хвалим кого-то. Кого-то затончем.

Грозно орем. Серундой соглашаемся.
И голосуем. И протестуем.
То обнимаемся с другом, то лаемся.
Гроши считаем и тару пустую.

Не замечаем. Чутко заботимся.
И вспоминаем. И забываем.
Быстро возносимся. Катимся. Молимся.
Что-то умсем. Что-то сбываем.

Мучаем планы. И машем рукою.
Редко бушуем. Тихо сгораем.
Жаждем покоя. Не видим покоя.
Молча болеем. И умираем.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЧЕРНЯ

Трудись всю жизнь.
Трудись скотиной,
Пока не стукнет шестьдесят.
Всё делай круто, как мужчина,
Что приготовился в десант.

Не кулаком решать старайся,
Умей свой норов показать,
И соловьем не разливайся,
Коль людям нечего сказать.

Детей люби — они, как солнце.
Жену напрасно не грызи,
Не будь коллегам крестоносцем
И мстью людям не грози.

Ищи всегда свою дорогу,
Ищи себя, ищи без слов
И честь, и славу, даже Бога,
А не расхваленных божков.

Когда же минет шесть десятков,
И всё не сделано в свой час,
Уже не будет славы сладкой,
Не будет ничего у вас.

Я не занудный проповедник
И для души рай не прошу.
Я сам себе служу обедню,
Сам и вечерню отслужу.

ЕВГЕНИЙ ПЕСЕЦКИЙ

Счет минут не ве́ди в но́чи,
Чтоб не спать под их ме́рный хо́д:
Тот, кто но́чь пережда́л о́дин,
Буде́т пе́рвым встре́чать восхо́д.

Только тех, кто проше́л мра́к ве́ков,
Осча́стливил Бо́г зря́чим ста́ть,
Чтоб сре́дь взду́вшихся ве́шних льдо́в
Ле́доход суме́ть предска́зать.

Но́чь — упря́тать что́б ло́жь с оче́й,
Де́нь — что́б пра́вду спо́лна позна́ть.
Спа́ть не тя́жко, жда́ть тя́желей,
Архисло́жное — пережда́ть!
1997

ФИЛИП ПЕСТРАК

ПУШКИНСКАЯ ОСЕНЬ

На поле тишь. Давно все сжаты нивы,
И даль осеннею раззолотилась мглой,
Напевы дальние, как трели-переливы,
Плывут с долин над тихою землей.

Невольно хочется заслушаться в просторы,
Припомнить юность, детские мечты,
Где каждый поворот дороги вторит
О пройденном, растаявшем как дым.

Не распрощаться мне с волшебным шумом
Сосудом,

Что вдаль глядят с курганной седины,
Где лирою звенит мне пушкинская осень
И будит песенные сердцу думы-сны.

И чувство теплое, как тучка в небе чистом,
Вплывает в сердце с пушкинских картин, —
Напевы детства в вечер серебристый
Пленяют "Бурею" и "Вновь я посетил..."

И снова слышу шум знакомый сосен,
Развеивая дней текущих стынь,
Любовь таинственно уходит в неба синь,
И лирою звенит мне пушкинская осень...

1949

ДРУГУ НЕИЗВЕСТНОМУ

Недаром, зная, сплетал венки Петрарка,
Клад на алтарь любви священный дар,
И на смех никому он не отдал
Своих восторгов сердца ярких.

От мук души до счастья путь не гладкий,
Оно куется сердцем каждый день
И жестко за собой ведет, как тень,
То огоньком волшебным, то украдкой.

Вот так и я, непризнанный и трудный,
Вдруг вслушался в осенний шум листвы,
В простор небес, задумчивый и мудрый,

И за листком слежу я золотым —
И, наконец, с напевом ветра грустным
Шлю другу неизвестному мечты...

1959

АЛЕСЬ ПИСАРИК

Я НЕ ЗАБУДУ ВАС

Я не забуду Вас, поверьте,
Везде и всюду Вас найду,
Такой святой любви на свете
Я не найду,
Я не найду.

Заря желанная приветит,
Очей от Вас не отведу,
Такой святой любви на свете
Я не найду,
Я не найду.

Мне, догорая, звезды светят,
К рукам я Вашим припаду,
Такой святой любви на свете
Я не найду,
Я не найду.

Пусть тебе приснится
В бездонной синеве
Счастливая синица,
Журавлик на траве.

Над ними — море солнца
И ветер из молодых,
Лазурные оконца
Средь туч седой гряды...

Лучей блеск неуёмный
И ветви верб без сил.
Я лучшее всё помню,
Греховное забыл!

И снова сердце кличет
Красавица заря
Туда, где хоры птичьи,
Душа полна добра,

Где страстью дышишь странно,
Взаимности моля,
Где любит столь желанно
Синица журавля.

Не забуду, что где-то ты есть:
Сердце песней твоею всё полнится.
Как хочу быть с тобою, — Бог весть! —
Пусть во снах, но тебе бы запомниться!!

Осень дарит зарницы рябин.
Душно сердцу от ветра горячего.
Был безумно так долго один,
Что не ведаю, сколько растрчено.

Не забуду твоей теплоты.
Вновь тоска незаметно подкралась.
Почему испугалась же ты
Чувств и мыслей, каким доверялась?

НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ

О, как тебя я отыскать хотел!
От радости и очи опьянели:
Цветок огнистый тихо догорел,
И жарко губы страстью пламенели...

Быть может, не платочек на плечах, —
Пугливо крылья птицы трепетали?
Купалы ночь! Лети на всех ветрах
Над нами в растревоженные дали.

Дремал костер, венок надежд истлел,
Звенели птицы жалостливым плачем,
Грустили те, кто счастье проглядел:
Цветок найти не выпала удача.

МИХАИЛ РАССОЛОВ

Смешанный лес подвенечный,
Солнечных прядей холсты.
Крик, преходящий и вечный,
Тронул сухие листья.

Лужа. Большая канава.
Сок по осинам бежит,
Дом муравьиный — держава!
Легкой копною лежит.

Справа лисички краснеют,
Слева черника растет,
Сочные травы пестреют
Возле нетопких болот.

Еж забирается в воду,
Где-то мелькнула сова...
В эту хмельную погоду
Я собираю слова.

СИЛЬНЕЕ СТАЛ ЗАКАТА НАТИСК

Сильнее стал заката натиск,
На волны неба я смотрю.
Вздывая клюв и влево пятясь,
Орел рисует на ветру.

И сушит перьями картину,
Кладет ее на горизонт,
Летит к заброшенному клину,
На тонкий молочайный звон.

* * *

Брату Володе

Уже давно за полдень. Солнца не видать,
Остыли ели, не трещат сороки.
В лесу пустынном листья одиноки.
И некому словечко передать.

Чуть слышен голос чей-то вдалеке.
Две бабочки лениво пролетели,
Шумливые деянки опустели,
Придвинулись к медлительной реке.

В малиннике две девушки склонились,
Срывая быстро ягоды с кустов...
И мне казалось, что они молились,
Молились за всех грешных мужиков.

СНЫ

Сны... Вы, как призрачные тени,
Врываетесь в ночной покой:
Срывает листья дождь осенний,
Метет метель на мостовой.

Тяжелых облаков потоки
Вдруг испугают робкий взгляд.
То липы, ивы одиноко
Осиротевшие стоят.

Сны... Вы, как призрачные тени,
Которых нам не зачеркнуть...
Мы просыпаемся в волненьи,
Чтоб снова повторить свой путь.

* * *

У растворённого окошка
Она стоит, стянув платок,
И губы тихо шепчут: "Лёшка,
А может не погиб, сынок?"

А на стене в сосновой раме
Его лицо, его портрет,
За молчаливыми устами
Как будто замерший ответ.

А мать в тоске не шелохнется,
Глядит сквозь утренний туман,
Ждет, что любимый сын вернется
С войны по имени Афган...

ПАМЯТЬ НАША — НАША БОЛЬ

Александру Романовичу Златенкову

Есть на земле родной моей
Седые древние курганы,
Отметы прошлых лет и дней,
Рубцы, что затянули раны.

В них память наша, наша боль,
В них древний зов родного края,
В них слез невыплаканная соль,
И наша слава боевая.

Пройду трясинами болот
К ним, сохранившим облик строгий.
Тебе, мой край и мой народ,
Здесь низко поклонюсь я в ноги.

Я СЛАВЛЮ

Я славлю тех, кто и в ненастье
Ведет страну к вершине счастья,
Кто, победив в нужде беду,
Отдался честному труду.
Они в полях с утра до ночи
Растят пшеницу, виноград,
Их зной палит, им сушит очи,
Они же трудятся, молчат.
И гений-пахарь всех нас кормит,
В земле его святые корни.
Склоняя голову свою,
Об этом гении пою.
Я славлю тех, кто и сейчас
Своим примером учит нас.
Кто и в проигранном бою
Не предал землю-мать свою.
Я славлю тех, кого с желаньем
Ждут в буйной зелени поля.
И говорят не зря крестьяне:
"На людях держится земля..."
Я славлю тех, в ком обновленье
Родило гордость и терпенье.

И сколько б ни возникло бед
Он дарит всем добро и свет,
И ждет он новых перемен,
Что замелькали там, вдали.
Когда умрет застойный плен,
Пройдет болезнь родной страны
И пахарь выйдет в поле рано,
Ромашку белую сорвет,
И за Алеся, за Ивана
Он песню славную споет.
Он верит в Родину свою
И в восходящую зарю.

ГЕННАДИЙ РИМСКИЙ

Как Вы красивы! Слов не нахожу
И восхищенья выразить не смею.
С восторгом, с робостью на Вас гляжу
И, как мальчишка, по уши краснею.

Мне нравится Ваш откровенный взгляд,
Овал лица, пушистые ресницы,
Улыбок удивительный каскад —
Очарованье чудной чаровницы.

И я смотрю и не могу сдержать
Душевный трепет, мысли и сомненья:
Вы — божество, Вы — божья благодать!..
Вы — мой кумир, любовь и вдохновенье...

1971

Черные, черные, черные очи,
Черные брови, черная прядь,
Губ аю-розовых чувственный прочерк,
Кожи чудесная смуглая гладь.

Непревзойденные плечи и шея,
Очаровательно нежная грудь,
Талии таинство чуда чуднее,
Пожки, влекущие страстную жуть.

Черная магия чудного взгляда
В бархате черных изяшных ресниц
И пробужденному чувству отрада —
Нежность, и мягкость, и щедрость париж.

Музыка голоса, плавность движений,
Где-то в душе — удивительный свет...
Черные очи! Без вас, без сомнения,
Не было жизни на свете и нет!..

1989

Прекрасные глаза прекраснейшей из женщин
Блеснули из-под бархата бровей,
И взор их обаятельный и вещий
Всё вмиг перевернул в душе моей.

Прелестная улыбка губ желанных
Сверкнула молнией из золота кудрей,
И море чувств, таинственных и странных.
Взорвалось брызгами мерцающих огней.

Открытость плеч, груди обожествленье.
Томленье талии, очарование ног...
Как чувств своих преодолеть смятенье?
Ты создал чудо, о великий Бог...

1993

Красоты я такой ослепительной
Никогда и нигде не видал,
Изумительной, обворожительной,
Самых высших достойной похвал.

Взгляд очей Ваших очаровательный
Обжигает сильнее огня,
Губ желанных восторг бессознательный
Поражает тревожа, маня.

И летит всё к чертям неприкаянным:
Ожиданья, надежды, мечты, —
Я с любовью склоняюсь отчаянно
Перед властью хмельной красоты...
1995

Я Вами увлечен. Я Вами очарован.
Склоняю голову пред Вашей красотой.
Ворвались в жизнь мою Вы яркою звездой.
Я восхищен, и поражен, и околдован.

В душе предательски забилося пламя снова,
То тлеясь трепетно лампадкою святой,
То нежной утреннею зорькой золотой,
То клокоча вулканом бестолково.

Как Вы мне дороги, прелестное создание!
Ваш голос, взгляд, фигуры очертанье,
Улыбка, жесты, робость наконец —

Всё-всё меня влечет и берedit желанья.
Как беспредельно Ваше обаянье!..
За что мне это счастье, Творец?..

1993

Ловлю себя на мысли неотвязной:
Я непрестанно думаю о Вас,
И облик Ваш загадочно-прекрасный
Никак моих не отпускает глаз.

В ушах звучат обрывки Ваших фраз,
Как музыка, как плеск волны безгласной.
Душа дрожит, и трепет ее страстный
Ввергает в упоительный экстаз.

Воображение рисует бесконечно
Свиданий диалоги быстротечных,
Сомнений грустных и желаний торг,

Улыбку Ваших губ и смех беспечный,
И жажду чувств, таинственных и вечных,
И близости пленительный восторг...

1997

Я Вас люблю, моя мадонна!
Я Вас люблю, я Вас боюсь.
Примите чувства благосклонно,
Простите мой восторг и грусть.

Я Вас люблю, я обожаю,
Вы мне открыли новый мир.
За Вас отдам все блага рая,
Вы — мой единственный кумир.

Я Вас люблю... Мои желанья
Вам так несложно утолить...
Но как же сложно мирозданье! —
Любовь любовью может жить...

1989

Белоруссия! Край мой чудесный! —
Белизна белоствольных берез,
Журавлей крик в дали поднебесной,
Бездна в полночи тающих звезд.

Белоруссия! Край мой прекрасный! —
Беспредельность озер и полей,
Буйство молний порою ненастной
И неистовый снег тополей.

Белоруссия! Край мой туманный! —
Стройность сосен и речки дугой...
Бесконечно родной и желанный,
Сердцу так глубоко дорогой.

1987

Я люблю тебя, Беларусь,
До безумия, до истязанья,
Моя радость, и боль, и грусть,
Мой восторг и мое страданье.

Я хочу, чтобы мой народ
Был свободен, раскован, удачлив,
Чтобы нами не правил сброд,
Чтобы каждый в стране был счастлив.

Я желаю от всей души
Мира, хлеба, здоровья, славы!
Будут жены пусть хороши
И отцами — мужи по праву.

Пусть мужают на радость нам
Под безоблачным небом дети.
И почет будет старикам,
И добра хватит всем на свете.

Я люблю тебя, Беларусь!
И молюсь за тебя ежечасно.
За судьбу твою не боюсь:
Будешь вечна ты и прекрасна.

1995

О, родная земля! Ты мне силы даешь,
Ты мой немощный дух укрепляешь,
Ты мой ум обостряешь, как праведный нож,
Ты пороки мои отвергаешь.

Я люблю твоих нив необъятный простор
И лесов непролазные чащи,
Синеву беспредельно прозрачных озер.
Нет на свете и воздуха слаше.

Я люблю свой народ, терпеливый, простой,
Его выдержку, здравый рассудок,
Трудолюбие, волю, смекалку, настрой
И спокойствие в грозную смуту.

Я горжусь твоей славой, родная земля —
Нет истории нашей дороже.
Пред тобой преклоняюсь я, страстно моля:
Ты будешь счастлива, я буду — тоже!..

1993

АДАМ РУСАК

ТОЛЬКО С ТОБОЮ

Только с тобою мне хочется быть,
Только с тобою.
Радость, и горе, и счастье делить
Только с тобою.

Раннею зорькой к тебе я лечу,
Поздней порою,
Только к тебе прикоснуться хочу
Сердцем, душою.

Выйти бы в поле, где нивы шумят
Там, за рекою,
Первые звездочки в небе искать
Только с тобою.

Будут не страшны любые пути
Только с тобою,
В жизни бы лишь неразлучно идти
Только с тобою.

1955

ГДЕ ТЫ, ЗВЕЗДОЧКА МОЯ?

Где ты, звездочка, где ты, лучистая?
За какое же облако скрылась ты?
Где ты, радость моя золотистая?
Отзовись, не терзай сердце, смилуйся.

Я ищу тебя, в небо взвиваюсь я,
В дали дальние, дали высокие,
Без тебя мне дорога не ясная,
Что уходит в просторы далекие.

Где ты, звездочка? Что за ненастные
Облака тебя спрятали строгие?
Ты взойди, моя звездочка ясная,
Освети счастьем путь одинокому.

1964

МОЯ LORELEI

Я думаю часто о лесе:
С ним может сравниться и рай.
Там, на Полесье
Живет моя Лорелай.

Как ангел небесный
Меж синих озер,
В серебряном блеске —
Полесский узор.

Нас разлучило лихо
Тому много лет назад.
Над Припятью плавною, тихой
Задумчиво рдеет закат.

Гадая о чем-то вечно,
На берег, где леса край,
Печальная каждый вечер
Приходит моя Лорелай.

Сама не своя, такая,
Как бы на какую беду,
Она меня подзывает —
И я, может, к ней приду.

В просторе появится синем
И молится всем святым,
И голос ее бессильный
Доносится эхом пустым.

Река начинает всхлипывать
И волнами биться в край.
Боюсь я, что бросится в Припять
Моя Лорелай.

1983

ПРОЩАНИЕ

Ну зачем, ну зачем свое сердце я мучаю? —
По всему теперь вижу, что ты — не моя.
Осень в поле играет нам песню разлучную —
Это знаешь и ты, это знаю и я.

Самым тонким, прозрачным, как бы поволокою,
Затянулись едва ночью лужи ледком.
Твое сердце теперь — тайна-бездна глубокая,
Но назвать, без сомненья, могу холодком.

Не смотря мне в глаза, как пред кем-то
виновная,

Руку ты опускаешь бесстрастно к платку.
И совсем непонятно, всегда оживленная,
Водишь туфелькой молча своей по песку.

Наконец, говоришь ты мне, что уже выпили
Из земли сок осенних ночей холода,
А зима — ледяное дыханье — на выданье,
И в реке остановит течение вода.

И зачем, и зачем свое сердце я мучаю?
По всему теперь вижу, что ты не моя.
Но к тому, что нам песню разлучную
Осень все же поет, не хотел бы
прислушаться я.

КАК МОЛИТВА

Прошла и не заметила, как жрица.
Ты проходи, не злюсь я — Бог с тобой.
Когда бы мог, я мог бы заступиться
Пред Небом за тебя с великою мольбой.

С мольбою тихой, откровенной, детской,
Что шепчут искренне уста в ночи.
Они, дрожащие, мертвецы
Не могут победить, как ни кричи.

Не знаешь ты, какая это сладость —
Мне думать о тебе, вынашивать мечты.
Шепчу молитвы я, но жаль изрядно:
Их слышит Бог, но все ж не слышишь ты.

А что, когда б Он мог свершить их честно...
И ночь всю через сон и тишь
Во глубине души печальной песней,
Как звон стихающий, ты всё звенишь.

ЕДИНСТВО КРАСОТЫ

Мир многогранный и богатый. Много
Явлений в нем и красок, и примет.
Но в ярком блеске солнца огневого
Единством красоты чарует свет.

Растут зеленым морем травы,
А после бурь такая тишина!
И солнца огненная лава
Несет в руках алмазы дня.

Как мудрость вечная столетий,
Путь освещает на ветрах.
Глаза зажмуришь над планетой —
И свет звенит тогда в ушах.

Земля летит. И ноет тело.
С землей плывешь, как в забытии.
Моя душа и не имела
Такого счастья в житии.

Как бы родился вновь ты. Ясность,
И глубина небес, и пышный цвет.
Все в мире радостно, прекрасно —
Единством красоты так манит свет.

1935

ВИДЕНИЕ РОДИНЫ

Как только песнею своей зайдусь я,
И Родина вдруг в сердце хлынет мне,
Легко становится от странной грусти —
Не наяву я словно, а во сне.

Издалека кивает мне жар-птицей,
Как сыну в чуждальной стороне.
Иду как сквозь туман, хочу пробиться,
Но сам не знаю, я ли это, нет.

Я останавливаюсь, жду, но нет приветов.
Спешу, бегу, хоть ноги колют сорняки...
Ведь нет милей изгнаннику-поэту,
Чем образ твой, далекий до тоски.

1959

ЯНКА СИПАКОВ

ПЕСНЯ

Руки милой — пара лебедей...

Сергей Есенин

Твои руки, твои руки надо мною, —
Словно лебеди над белою зимою.
Как же ласково тут кружат
И со мной о лете тужат,
Словно лебеди над белою зимою.

Тяжко, руки, расставаться с вами очень
И без вас, как в злую стужу, между прочим...
Не летите к югу, в тучи,
Надо мной кружите лучше, —
Словно лебеди над белою зимою.

Обожаю твои руки над собою —
Словно лебеди над белою зимою,
Как они летают мило,
Мило складывают крылья, —
Словно лебеди над белою зимою.

Если волосы мне гладят твои руки —
Тихо слушаю, как песню о разлуке,
А они поют красиво,
И дрожат порой пугливо, —
Словно лебеди над белою зимою.

1975

ВЛАДИМИР СКОРИНКИН

БЕЛАРУСИ

Белая Русь моя!
Чистая ты моя!
Нежная ты моя!

Белые полосы бульбы,
Белые косы девчат.
Туч белоснежных над Бугом
Вечный парад.

Белых грибов кошелки,
Белые плечи берез,
Белые россыпи шелка
Чистых рассветных рос.

Белых туманов тина,
Листов белая рать.
Тихая заводь Бельнич,
Зубров могучая стать.

Веки ромашек белых,
Белые выюги полей,
Чистые души смелых,
Честных простых людей

Не замутили войны
Взгляд откровенный твой.
Только белеют больно
Вдовьи виски сединой.

Белая Русь моя!
Чистая ты моя!
Нежная ты моя!

1966

КРИВИЧИ

Майский сад
В цветеньи белоглавый,
Золотом колышутся поля...
Наши предки —
Глебы, Ярославы —
Пахарями славились не зря.

Никогда посевы не травили,
Не глядели криво,
Как сычи,
Никому душою не кривили,
Хоть и назывались кривичи.

О своей отваге не кричали,
Правдой отличались
От других.
По какой причине кривичами
Окрестили непонятно их?

Может, потому,
Что гнуло горе спины
Наших предков —
Мельников,
Ткачей?
Что кривые хаты, как осины,
И кривые сохи кривичей?

От прищельцев
С душами кривыми
Предки отчий берег берегли.
И пролито крови
Столько ими,
Что их звать иначе не могли.
1968—1978

АЛЕСЬ СОЛОВЕЙ

*... В очи девицьи, в очи, как звезды,
Мне теперь, как глядел, не глядеть.*
М. Седнев

Жить судьба мне лихая пророчит,
А спасенья не вижу нигде.
Мне на вас, бесподобные очи,
Как глядел раньше я, не глядеть.

Доведется мне долу свалиться,
Как бывает порою всерьез,
Будут очи печально молиться
И не выплачут, видимо, слез.

Пусть они и не скажут об этом, —
Представляю такими я их.
Если не был бы в сердце поэтом,
Может, пел бы теперь о других.

Очи милые Очи немало
Я печальными мог представлять.
Душу мне они всю взволновали,
Как никто не сумел волновать.

И теперь я печаль им пророчу,
Не могу их надеждой согреть, —
Мне на вас, бесподобные очи,
Как глядел раньше я, не глядеть.

1945

Земля моя — сокровища, атласы,
Как ночью золотого, как жемчуг в день.
Среди них столько чудных красок,
Что лучше в мире не найти нигде.

Когда б собрал их щедрою рукою
И вставил в строчки звучного стиха,
Он засверкал бы яркою дугою
Сквозь тьму и тлен, забвенье и века.

1945

* * *

"Слово о полку Игореве"

Думаешь, вражина, смыть нашу славу
 священную кровью?
Высям безмерным под стать кровью чужою
 залить?

Сколько ты жизнь ни топчи — не
поднимешься к ясным созвездьям,
Сколько ни прыгай, ни рвись, вышей тебе не
достичь.

1939

Леса. Пригорки. Вкус травы.
Лазурь небес. Поля. Озера.
Как далеко остались вы,
Отчизны близкие просторы!

А дни среди полей чужих
Лелеют нивы золотые.
Пойди, прислушайся. Но в них
Шумят колосья неродные.

Шумят. В разлет полей взгляни:
Чуть дальше — Родины картины.
Плывут над ней кроваво дни
И посягают над другими.

Погибель там, где чуждый след.
Своим, чужим... Куда же деться?
Окрест тебя — огромный свет,
А человеку нету места.

1944

ТЫ

И джез, и дуга, и лазурные нивы,
Неба — вечная синь, дол — как зелени шелк.
Это — Ты. Почему я с Тобой несчастливый?
Почему без Тебя жизни я не нашел?

За любовь лишь к Тебе я готов на мученья,
А в разлуке с Тобой не прожить — прозябать,
И за слово свое буду без отречения,
Как за слово Твое, головой отвечать.

И в глубинах души поднимается сила,
Гнев — название ей, и пророчит она:
За любовь лишь к Тебе — непокорному —
крылья,
За разлуку — виновному — только труна.

Непокорному — Ты и лазурные кони,
Из могилы виновным — голов не поднять.
На широких путях стародавней "Погони"
Устрелений Твоих "ни разбить, ни сдержать".

1942

АЛЕСЬ СТАВЕР

ЖУРАВЛИ НА ПОЛЕСЬЕ ЛЕТЯТ

Чтоб любить Беларусь нашу милую,
Нужно в разных краях побывать.
Понимаю, зачем журавлиную
На Полесье весной тянет рать.

Что им знойные дни бестолковые,
Что им пышный платановый рай,
Если кличут их дали сосновые
И озерный, рябиновый край.

Сенокосы, жнивье, пуши, пажити
Не заменишь ничем и нигде,
И Отчизну, где тропочка каждая
В дом приветливый манит людей.

Чтоб любить Беларусь нашу милую,
Нужно в разных краях побывать.
И поймешь, почему журавлиную
На Полесье весной тянет рать.

1967

МИХАИЛ СТРИГАЛЁВ

ЗОНА МОЛЧАНИЯ

Вас не венчали обелиски:
В небытие ушли все вы
И в Куропаты возле Минска,
В яры, курганы и во рвы.

Вы в тундрах гибли не случайно.
Крушился лед — зловещий рык!
Вы были ЗОНОЮ МОЛЧАНЬЯ,
Теперь — страны безмолвный крик.

1990

ЧАС ТРЕТЬЕЙ ВАХТЫ

Надежды рушатся, как карты,
Жестокой времени бедой.
Приходит время третьей вахты,
Будь грешник ты или святой.

О, парадокс безверья — веры,
Тьмы — света. Луч едва
Проникнет в толщу биосферы,
Мы ищем тень. Слова, слова...

Кому-то жизнь дарует небо,
А нам свое: пассив — актив,
Обычный стих, краюшку хлеба,
Да Винчи, Моцарта мотив...

Звучи, мелодия прощанья, —
Сыграли с жизнью мы в лото.
И наши раны — наши тайны, —
Не потревожит уж никто...

1990

ВЛАДИСЛАВ СЫРОКОМЛЯ

ДОБРЫЕ ВЕСТИ

Заходит солнце погожего лета,
И веет ветер с прозрачных небес.
Приветствую, ветер! Из дальнего света
Вести хорошие ты нам принес!

Здоровы ж будьте, эй, добрые вести!
На Западе там проливают кровь.
Бьются для славы, свободы и чести,
И делают вольный люд из мужиков!

Гудят без устали песни и танцы
В обильном жнивье на счастливый год.
Хватит вам, хватит, цари-поганцы,
Топтать в болоте крещеный народ!

Хватит, чиновники, в ясной карете
Хватит являться помпезно во двор!
Хватит вам, хватит, мужицкие дети,
С нищих остатки брать на побор!

Уже птицы запели всюду,
Уже вербы зацвели,
"Весна скоро!" — скажут люди,
Но когда? В какой дали?

И зачем весна нам, Боже?
Мы отвыкли от весны...
Ели, сосны, мох роскошный
Постоянно зелены.

МАКСИМ ТАНК

Я не могу вас песней тешить
С обмытых бурями эстрад.
Вот шла бы пенсия раз в месяц,
Спокойней жил бы я стократ,

И меньше слышал бы укоров
Богемы пьяных мастаков,
И ваших восхвалений хоры,
И свисты купленных дьячков.

А так сегодня я не первый,
Придя домой, без всяких слов
Стихи умою, стиснув нервы,
От ваших пальцев и следов.

ЛИСТВА КАШТАНОВ

За серым сгорбленным курганом
Скрипит песок сырых дорог,
Лист медный падает каштанов
На желтый высохший песок.

Идешь, его руками ловишь, —
Помяв, пускаешь: пусть летит, —
Вновь не шуметь ему в дуброве,
Весенних шорохов не пить.

Еще грустить мне слишком рано,
Когда вдаль манит стежек гладь,
Когда на шум лесной в тумане
Умеешь песней отвечать,

Когда так хочется смеяться,
Что видишь ты и слышишь ты.
Как тихо сыплются сквозь пальцы
Каштанов тонкие листы.

1958

ЧТОБ ВЕДАЛИ

Растет на высоком кургане сосна,
Чтоб ведали;
Корнями дошла до глубокого дна,
Чтоб ведали;
Вершиною звезды достала она,
Чтоб ведали;
Звонит на ветрах, как тугая струна,
Чтоб ведали
Матери,
Где спят сыны вешим сном;
Ветры,
Играть где волшебным смычком;
Звезды,
Где рассыпаться дождем;
Птицы на юге — в чужбине,
Где отчий свой дом.

1945

Дала мне пару крыльев юность:
Одно — святой зари сиянье,
Порыв к свободе, солнцу, звездам,
Другое — лишь любви дыханье.

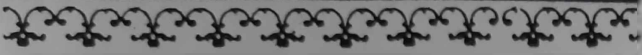
И потому не знал преград я,
Не повергала в страх борьба,
А ты расспрашиваешь, мог бы
Жить без любви я, без тебя.

Спроси у ласточки, могла б
Она подняться без крыла.

1952

ЮЛИЙ ТАУБИН

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

Изморозь весь застилает свет,
Размытый дождями тракт...
С разбитою лютней идет поэт
Сирано де Бержерак.

Жизнь незаметно, как призрак прошла,
Покинута где-то труна,
Нет своего родного угла,
Никто не подаст вина.

И лет кавалькальду никто назад
Не может отринуть бег...
Лишь месяц смеется, как толстый аббат,
Над торбой поэтовых бед.

Изморозь весь застилает свет,
Как смерть прокаженных барак.
С разбитою лютней идет скелет
Сирано де Бержерак.

Он старые песни заводит свои,
На мой заступив порог,
И вот чем душу опять бередит
У самых моих ворот:

“...Я много увидел и много узнал,
Я жил, как живет менестрель,
Пока не порвалась — увы! — струна,
В труну не сложила дуэль.

За мной из дворца спешили гонцы,
Их шпагой колол, как шутов.
Я женщин любил, как любят юнцы,
А больше — слова про любовь.

Я спал на труне столько сотен лет,
И мне надоел покой...
Я встал и стучу, презрев этикет,
Израненною рукой.

...Впусти,пусти меня, брат поэт,
Устал, занемог я, зачах,
Слишком вокруг изменился свет,
И всё утонуло в веках.

Увидел я — ныне поэты уже
Не слышат гармонии слов...
Они попрятались от дождей
За писчей бумагой столов...

Много свет видел позорных драм,
Но были поэтами мы,
А тут поэт составляет план
Своих прозаичных былин.

...Впусти, впусти меня, брат поэт,
Я скоро навеки засну...
Оставлю печальный, как оспа, свет
И лягу в свою труну...

Вот утро сгоняет далекий туман...
Пусти, дорогой, меня — так
Еще не просил поэт-дуэлянт
Сирано де Бержерак..."

Туман расплывается над землей,
Огненный солнце ткёт шнур,
С укором на мир засмотрелась мой
Очи старых гравюр...

ИВАН ТИТОВЕЦ

ПЕЧАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

Есть праздник печальный в народе
От ясного неба, от чистой воды.
И годы идут, и стогодья,
Но он остается. Зовется — Деды.

На скатертях чистых, со вкусом,
Как скромная дань бытию-небытию.
Поставят на стол белорусы
Душистую юшку, блины и кутью.

Беседа о мертвых начнется,
Им чарки хмельные нальют дополна.
А смерть над людьми посмеется,
И новые косы заточит она.

Но пламя на свечках заскачет,
Начнет чье-то в муках отсчет житие,
Отлюбит оно и отплачет,
И жизнь переплавится в небытие.

Есть праздник печальный в народе.
Зря праздником только зовут. Почему?
И годы идут и стогодья,
Ему оставаться в народе,
Печальным на свете быть вечно ему.

1996

НИКОЛАЙ ФЕДЮКОВИЧ

Не в силах я определиться
И с жизнью мне близких людей,
А кто-то предсказывать тщится
Судьбу мою, завтрашний день.

Предвидьте событий цепочки,
Но вдумайтесь в жизнь не спеша.
И дырки простите в сорочке:
В них светится болью душа...
1994

ВЛАДИМИР ХОДЫКА

Кому, как не тебе, послушать
Живую музыку весны?..
Ничто твои не режет уши —
Ночам земные снятся сны.

Дрожит бровей рисунок жаркий,
Их краскам в нервы рек сойти,
Их можно разобрать без чарки,
До мудрой правды дорасти.

Мы знаем всё, в нас много злобы,
На гранях дней проводим век,
И в этом смысл великой пробы
Находит новый человек.

Ему во сне могучим хором
Звучит фантазия поэм,
В которых — жизнь, душа, просторы,
Восторг невысказанных тем.

Ты в этих снах еще суровей,
Еще острее твой отказ —
Когда кую, сжимая в слове,
Я профиль дивного стиха,

Когда лихою рифмой выбью
Я искры вечной красоты, —
Мой образ песни песней рыбьей
Зовешь с великим правом ты.

Ты лирики моей не любишь
За ребус красок как назло,
Ты день мой завтрашний голубишь,
И на душе моей тепло.

А я люблю твой светлый эпос,
Твой взгляд суровый пью до дна...
Душа — не пареная репа,
Живым огнем горит она.

1934

Сказанья стародавней пуши,
Вкус колоритный басен там
Нутром на пепел перетрушу,
Смешаю с щебнем пополам.

Вскопаю дедовский запасник,
И всю стерню переберу...
И что не смог народ безгласный,
Я до конца договарю.

Чрез грани дум проникну в бездну
Далеких предков, дымных хат.
За тенью мне своей не бегать,
Стихами не дразнить девчат.

Залеты, что водил по свету,
Изгнал подальше от греха...
Придумать истину поэту
Сложней, чем образ для стиха.

Не склонный к ласкам стыд позором
Замрет в аккордах звонких струн,
Тогда никоим заговором
Не смыть поэзии колтун.

И лучше драться с неведóмым,
Благого чествовать вовек.
Я сон найду, я буду дома,
Когда вспять двинут змеи рек.

Слечу я наземь сухолистьем —
Властитель дней, полночных чар.
Ветра на горле голосистом
Сметут во мне крови пожар.

Тогда суму свою безгласно,
Что недобрал, не смог я сам,
Другому мастеру бесстрастно,
Другому сердцу передам.

1932

МИХАСЬ ЧАРОТ

МОЛОДНЯК

Тут намедни буря выла нам,
Ветер лязгал, как голодный волк,
Старый бор с корнями выломан, —
Грустный шум его навеки смолк.

Солнце выглянуло — мир огню!
Бурелом сожгло, промчалось долами...
Тучи вычерпало пригоршней —
Все просторы стали голыми.

И сегодня слышны отклики:
— Нам расти! Так мало дня!..
Только здесь подняться мог-таки
Богатырь лес-молодняк.

Стройный лес, он горло выглядит,
Словно рать, что рвется в бой.
Шум его — как голос: "Выедем
Постоять за правду головой!"

Молодняк своими листьями
Шепчет тихо сказку-вольницу...
Помним, как своими жизнями
Черных дней сдержали конницу.

Мы свободны! — Время зрелости!
Дни пришли — совсем не верится...
Кто ж найдет отваги, смелости
Силой с молодостью меряться?

1923

Сенокосы и поля заснежены,
Реки выстланы гладким помостом,
Волк из чаши дорогой наезженной
К хатам трусит непрошеным гостем.

Роща в свадебном платье, а хмурится,
Не утешится утренней ранью,
И в деревне завяны улицы,
И в сугробах купаются сани.

Сиволапый гуляет под окнами,
Смотрит хаткам в открытые очи,
Только в полдень порою смолкает он,
А как вечер — по стеклам грохочет.

Дети пальцами стёкла с узорами
Размалевывают, сгорбив плечи,
Наскребают снежинки пригоршнями
И бегут нализаться в запечье.

Ночью печь дымоходом застонет им,
Но сон сладкий в постели приснится,
Что в саду они с криком и гомоном
На траве ловят вместе синицу.

1922

ЕВГЕНИЯ ЯНИЦЦ

Позови меня. Позови.
Там в хмельных заблудимся травах.
Начинается всё с любви:
Даже самая малость и слава.
И тогда душой не криви
На дороге судьбы жестокой.
Начинается всё с любви —
Первый шаг. Первый взлет высокий.
Приручаются соловьи,
Где канавами дали изрыты.
Начинается всё с любви —
Ревность, боль и забытость.
Позови меня. Позови.
Сто дорог разбежались тревожно.
Начинается всё с любви,
А иначе и жить невозможно.

1968

Я ОЖИДАЮ

Ничто не возвращается назад:
Ни этот миг, ни этот день, — я знаю.
Ты отступаешь тихо в снегопад,
А я люблю весну. И ожидаю.

Разрыв-трава. Несбитая роса.
Холодный месяц по лесу плутает.
И наша тропка рожью заросла.
А я люблю жнивье. И ожидаю.

Идут дожди — из дома не вылазь, —
Бессонный год, как лен, перебираю.
На туфельках, на белом платье — грязь.
Я осень не люблю. Я ожидаю.

1981

ЖИВЕМ!

Не по чинам, не по одежде,
А как поклон низайший дню, —
Я поздравляю, как и прежде,
Свою духовную родню.

Моя печаль! И кто отнимет
Огонь, сжигающий до слез:
Одних — в удушливой гордыне,
Других — в сочувствии насквозь...

Сошлись и бурь, и стрессов стрелки,
Скажите мне: чей ход — конем?
Чрез перешепот — перестрелки,
Через дубы и палки-елки,
Через радиацию — живем!

Живем! И стигнуть неохота,
Необъяснимо в час, когда,
Когда на нас глядят пустоты
И с тихой верою — века.

1987